Л. ЧАРСКАЯ

ТАСИНО ГОРЕ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

З. 37
III. 43
II. 7
№ 42.

1853
1883
M.O.B.

Марья Васильевна высоко подняла руку со злополучнымъ листкомъ...

ТАСИНО ГОРЕ

ПОВѢСТЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ 12 иллюстраціями И. В. Симакова

Изданіе второе

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ | Москва
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С·Петербургъ·Вас·Остр·16 линія соб·домъ

ГЛАВА I.

Почему сердятся на Тасю.

ЗОЛОТЫЕ лучи іюльскаго солнышка заливаютъ комнату своимъ яркимъ свѣтомъ. Окно въ садъ раскрыто настежь, и въ него тянутся колючія вѣтки шиповника, сплошь покрытыя душистыми розовыми цвѣтами.

Черноглазая дѣвочка, подвижная и хорошенькая, но съ капризно вытянутыми въ гримасу губами и съ сердито нахмуренными бровями, пишетъ, потѣшно прикусивъ кончикъ высунутаго языка.

Пожилая гувернантка, низко наклонивъ голову надъ книгой и сощуривъ близорукіе глаза, громко читаетъ, отдѣляя каждое слово.

— «Послушаніе и покорность есть самое главное достоинство каждаго ребенка»,—диктуетъ гувернантка и, оторвавшись на мгновеніе отъ книги, обращается къ черноглазой дѣвочкѣ:

— Послѣ ребенка надо поставить точку. Вы написали, Тася?

Дѣвочка бурчитъ что-то себѣ подъ носъ, потомъ

быстро отбрасываетъ отъ себя перо и кричитъ чуть не въ голосъ на всю классную:

— Я посадила кляксу, мадмуазель! Я посадила кляксу!

— Тише! — спокойно, но строго останавливаетъ гувернантка,—не кричите-же такъ, я не глухая. Приложите протечную бумагу и пишите дальше.

— Я не хочу писать!—рѣшительно заявляетъ дѣвочка и рѣзкимъ движеніемъ отшвыриваетъ тетрадь въ сторону.

— Но вы должны заниматься,—чуть повышая голосъ, возражаетъ Марья Васильевна (такъ зовутъ гувернантку).—Вы должны заниматься, Тася, — еще строже повторяетъ она,—ваша мама желаетъ, чтобы вы дѣлали диктовку ежедневно.

— Неправда!—горячится дѣвочка,—мамаша добрая и не захочетъ мучить бѣдную Тасю, а это все вы сами выдумали! Да, да, да! Сами, сами, сами!—И она готова расплакаться злыми, капризными слезами.

Потомъ, неожиданно придвинувъ къ себѣ тетрадь и обмокнувъ перо, она сердито заговорила:

— Ну, да ужъ хорошо! Диктуйте! Я буду писать, разъ вы требуете. Диктуйте, только поскорѣе!

И въ то-же время черные глазки дѣвочки весело и плутовато блеснули подъ длинными пушистыми рѣсницами.

— Такъ-то лучше,—произнесла, нѣсколько смягчаясь въ свою очередь, Марья Васильевна,—давно-бы такъ.

И, поднеся къ своимъ близорукимъ глазамъ книгу,

она снова принялась читать, отдѣляя по слогамъ каждое слово:

— «Послушный ребенокъ — это радость всѣхъ окружающихъ,—его всѣ любятъ и стараются сдѣлать ему какъ можно больше пріятнаго»...

На минуту въ классной воцарилась полнѣйшая тишина. Только мѣрно раздавался голосъ Марьи Васильевны да скрипъ пера, быстро бѣгающаго по бумагѣ. Тася, склонивъ головку на бокъ, теперь старательно и усердно выводила что-то перомъ на страницахъ тетради.

— Ну, кончили вы, наконецъ, Тася?—черезъ нѣкоторый промежутокъ времени обратилась снова Марья Васильевна къ своей воспитанницѣ.

— Кончила, мадмуазель!—съ самымъ смиреннымъ видомъ возразила та, протягивая тетрадь гувернанткѣ.

Гувернантка по привычкѣ приблизила тетрадь къ самому лицу и въ ту-же минуту легкій крикъ негодованія сорвался съ ея сердито поджатыхъ губъ.

Тася громко разсмѣялась на всю классную. На страницѣ тетради былъ довольно сносно нарисованъ брыкающійся теленокъ, подъ которымъ неумѣлымъ дѣтскимъ почеркомъ было старательно выведено рукою Таси: «самый послушный ребенокъ въ мірѣ»... Къ довершенію впечатлѣнія, подъ послѣднимъ словомъ сидѣла огромная клякса, къ которой изобрѣтательная Тася придѣлала рожки, ноги и руки и получилось нѣчто похожее на тѣ фигурки, которыя называются «американскими жителями» и продаются на вербной недѣлѣ.

Тася была, казалось, въ восторгѣ отъ своей затѣи. Она схватилась за бока и хохотала на всю комнату.

Но Марья Васильевна не смѣялась. Она стала красная и въ одну секунду вырвала злополучный рисунокъ изъ тетради. Потомъ, бросивъ на свою не въ мѣру расходившуюся ученицу уничтожающій взглядъ и высоко поднявъ руку съ злополучнымъ листкомъ, она, помахивая имъ, какъ флагомъ, двинулась къ двери.

— Прекрасно! Прекрасно!—произнесла она, чуть не задыхаясь отъ гнѣва,—чудесный сюрпризъ приготовили вы вашей мамашѣ ко дню ея рожденія!

И, еще разъ взмахнувъ листкомъ, она вышла изъ классной, сильно хлопнувъ за собою дверью.

Тася слышала, какъ вслѣдъ затѣмъ щелкнула задвижка, какъ повернулся ключъ въ замкѣ,—и черноглазая дѣвочка разомъ поняла, что она снова наказана.

ГЛАВА II.

Виноватая.

ЗОЛОТОЕ солнце попрежнему ласково улыбалось съ неба, заливая классную своими яркими лучами; попрежнему розовый шиповникъ назойливо тянулся въ окно и точно нашептывалъ что-то Тасѣ легкимъ, чуть уловимымъ шелестомъ своихъ колючихъ вѣтвей.

Но дѣвочкѣ уже не было такъ весело, какъ прежде. Смѣхъ ея оборвался, личико вытянулось и точно потемнѣло.

Мамино рожденіе!.. Пріятный сюрпризъ!.. А она, Тася, совсѣмъ изъ головы выпустила, что сегодня день маминаго рожденія. Совсѣмъ даже и позабыла объ этомъ и не подумала приготовить подарка милой мамусѣ. А Леночка и Павликъ навѣрное уже приготовили и будутъ гордиться этимъ передъ нею, Тасей! Нѣтъ! Нѣтъ! Никогда! Ни за что! Она не оставитъ безъ подарка милую маму, которая одна только и умѣетъ прощать всѣ шалости и продѣлки своей любимицы.

Какъ могла она забыть о ней, о милой мамочкѣ!

И черноглазая дѣвочка, въ знакъ своего негодованія на самое себя, изо всѣхъ силъ ударила по столу своимъ крошечнымъ кулачкомъ.

— Каръ! Каръ! Каръ!—неожиданно послышалось надъ ея головою въ эту самую минуту.

Тася подняла глаза. Прямо передъ окномъ на вѣткѣ старой липы, росшей у дома въ простѣнкѣ между двумя окнами классной комнаты, сидѣла небольшая черная птица, едва оперившаяся, съ желтымъ клювомъ и смѣшными, круглыми, глупыми глазами.

Это былъ, очевидно, выпавшій изъ гнѣзда птенецъ-вороненокъ, еще не умѣвшій летать. Онъ безпомощно помахивалъ своими крыльями, поминутно раскрывалъ желторотый клювъ и испускалъ изъ него свое непонятное: Каръ! Каръ! Каръ!

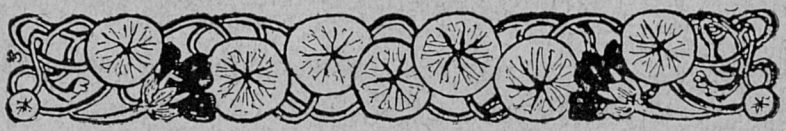
Въ одну секунду Тася забыла и про день рожденія мамы, и про злополучный рисунокъ, и про гнѣвъ Марьи Васильевны.

Быстро вскочила она на стулъ, оттуда на столъ, затѣмъ въ одинъ прыжокъ очутилась на окнѣ и скоро ея живая, юркая фигурка исчезла въ зелени развѣсистой липы. Въ слѣдующую-же минуту карканье прекратилось, потомъ послышалось снова съ удвоенной силой и желторотый птенчикъ забился въ рукахъ Таси.

Совершенно позабывъ о томъ, что на ней надѣто любимое мамино платье изъ бѣлаго батиста съ нарядной кружевной оборкой, Тася, съ ловкостью бѣлки перепрыгивая съ сучка на сучокъ, уже готовилась

Желторотый птенчикъ забился въ рукахъ Таси...

слѣзать съ дерева, подъ неистовое карканье обезумѣвшаго отъ страха вороненка, какъ неожиданно нога ея поскользнулась, вѣтка, на которую она опиралась, выскользнула изъ-подъ ступни дѣвочки и Тася, перекувырнувшись въ воздухѣ, вмѣстѣ съ ошалѣвшимъ съ перепуга вороненкомъ шлепнулась плашмя въ только что политыя гряды огурцовъ и редиски.



ГЛАВА III.

Странный подарокъ.

МАМА въ своемъ нарядномъ розовомъ капотѣ «съ пчелками», то-есть рисунками пчелки, разбросанными по нѣжному розовому фону, сидѣла за утреннимъ чаемъ.

Марья Васильевна, вся красная отъ неудовольствія, старательно перетирала чашки, сидя за самоваромъ, и жаловалась на Тасю. Подлѣ прибора мамы лежалъ злополучный рисунокъ, вырванный изъ учебной тетрадки. Лицо мамы было озабоченно и грустно.

Марья Васильевна говорила:

— Тася невозможна. Тася непослушна. Тася дерзка и шаловлива. Конечно, она, Марья Васильевна, очень привязана къ семьѣ и любитъ Нину Владиміровну (Тасину маму зовутъ Ниной Владиміровной). Но... кажется, она не въ состояніи больше воспитывать Тасю. Да и врядъ-ли кто возьмется за это. Тася невозможна. Самое лучшее, если ее отдать куда-нибудь въ учебное заведеніе. Въ ближайшій городъ, напримѣръ, гдѣ у двоюроднаго брата Марьи Васильевны

есть пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ. Дѣвочки содержатся замѣчательно хорошо въ этомъ пансіонѣ: ихъ тамъ учатъ и воспитываютъ, исправляя отъ лѣни и дурного характера. Тамъ и Тасю исправятъ и сдѣлаютъ человѣкомъ, по крайней мѣрѣ, а домашнее воспитаніе для нея—погибель.

И, окончивъ эту длинную рѣчь, Марья Васильевна испытующе взглянула въ лицо мамы.

Мама тоже посмотрѣла на Марью Васильевну, потомъ по лицу ея проскользнула печальная улыбка, и она сказала:

— Вы простите, дорогая m-lle Marie, но Тася—моя слабость. Она, вы знаете, единственная изъ моихъ троихъ дѣтей, не знала отцовской ласки: мужъ умеръ, когда Тасѣ была всего недѣля, вотъ почему мнѣ такъ жалко было мою сиротку, и я старалась ее баловать и за отца, и за себя. Я понимаю, что Тася избалована, но я такъ люблю мою дѣвочку, что не въ силахъ теперь обращаться съ нею строго и сурово.

— Вотъ потому-то я и совѣтую отдать ее изъ дома,—вы слишкомъ балуете Тасю, а въ пансіонѣ моего двоюроднаго брата съ нею будутъ обращаться взыскательно, но справедливо. Это принесетъ ей только одну пользу, — проговорила недовольнымъ голосомъ Марья Васильевна.

— Знаю, — покорно согласилась Нина Владиміровна,—очень хорошо знаю... Но что подѣлаешь! Я слабая мать. Простите мнѣ мою слабость, а заодно простите и Тасю. Сегодня день моего рожденія и мнѣ-бы хотѣлось, чтобы дѣвочка была счастливой въ этотъ день.

— Какъ вамъ угодно, Нина Владиміровна!—произнесла Марья Васильевна недовольнымъ голосомъ.— Я говорила это только потому, что отъ души желаю добра вамъ и Тасѣ.

— Вполнѣ вѣрю, моя дорогая, и даю вамъ слово съ сегодняшняго дня слѣдить за дѣвочкой особенно строго. Если поведеніе Таси окажется не поддающимся исправленію,—что дѣлать! Я отдамъ ее куда-нибудь...

И Нина Владиміровна тяжело вздохнула.

Въ ту-же минуту дверь на террасу, гдѣ онѣ обѣ сидѣли за круглымъ столомъ, широко распахнулась и двое дѣтей—мальчикъ и дѣвочка—со всѣхъ ногъ кинулись къ матери.

— Мамуся! Душечка наша! Поздравляемъ тебя!— въ одинъ голосъ кричали они, бросаясь обнимать и цѣловать Нину Владиміровну.

Старшему изъ дѣтей, Павлику, уже минуло четырнадцать лѣтъ. Это былъ плотный, коренастый мальчуганъ, въ кадетской блузкѣ съ красными погонами, въ форменной фуражкѣ, лихо сдвинутой на затылокъ. Его широкое, здоровое личико съ смѣлыми, открытыми глазами было почти черно отъ загара и весь онъ дышалъ силой и здоровьемъ.

Сестра его, нѣжная, бѣлокурая дѣвочка, болѣзненная и хрупкая на взглядъ, съ худенькими ручонками и впалыми щеками, казалась много моложе своихъ одиннадцати лѣтъ. Леночка была очень слабаго здоровья и постоянно ее лѣчили то отъ того, то отъ другого. Ради нея-то и проводила Нина Владиміровна безвыѣздно зиму и лѣто въ своемъ имѣніи «Рай-

скомъ». Доктора единогласно запретили Леночкѣ жить въ городѣ и про городъ и его удовольствія дѣти знали лишь по наслышкѣ.

«Райское» находилось въ самой глуши Россіи и до перваго города было около 100 верстъ. Одинъ Павликъ воспитывался въ Москвѣ, въ корпусѣ и пріѣзжалъ къ матери только на каникулы.

Дѣвочекъ Стогунцевыхъ учила гувернантка и сельскій священникъ преподавалъ имъ Законъ Божій. Сама Нина Владиміровна, зная въ совершенствѣ французскій и нѣмецкій языки, учила этимъ языкамъ дочерей.

Кромѣ Нины Владиміровны, Марьи Васильевны и дѣтей, въ домѣ находилась вторая нянюшка, выходившая самое хозяйку дома и теперь помогавшая Марьѣ Васильевнѣ присматривать за дѣтьми.

Со смертью мужа, котораго она очень любила, Нина Владиміровна Стогунцева перенесла всю свою горячую привязанность на сиротъ-дѣтей. Она души въ нихъ не чаяла, особенно въ Тасѣ, которую вслѣдствіе этого избаловала себѣ на голову.

Но и Павлика съ Леночкой она горячо любила.

При ихъ появленіи печальная улыбка разомъ сбѣжала съ ея лица, она крѣпко обняла обоихъ дѣтей и притянула ихъ къ себѣ.

— Вотъ тебѣ мой маленькій подарокъ, мамуся,— немного сконфуженно говорилъ Павликъ, вытаскивая изъ-за спины что-то тщательно обернутое въ бумагу.

Нина Владиміровна съ особеннымъ вниманіемъ развернула пакетикъ и увидѣла красиво переплетенную записную книжку, работы Павлика.

У Павлика были положительно золотыя руки. За что онъ ни брался, все у него выходило споро и красиво. И трудолюбивъ онъ былъ, какъ муравей: то огородъ разведетъ, то коробочки клеитъ, то сѣно убираетъ на покосѣ или рыбу удитъ въ пруду. И эта, подаренная матери, имъ самимъ переплетенная, книжечка—одна прелесть.

Нина Владиміровна нѣсколько разъ горячо поцѣловала за нее своего славнаго сынишку и глаза ея обратились къ Леночкѣ, которая, въ свою очередь, подала матери искусно вышитый коврикъ къ кровати.

Мама крѣпко обняла свою старшую дѣвочку, всегда радовавшую ее послушаніемъ и добрымъ, кроткимъ нравомъ.

— А Тася что-же? Или она уже поздравляла тебя, мамуся?—спросила Леночка, съ недоумѣніемъ оглядываясь во всѣ стороны и ища сестру.

Но никто не успѣлъ ей отвѣтить, потому что сама Тася появилась на порогѣ.

Но, Боже мой, въ какомъ видѣ!

Легкій шумъ испуга и изумленія сорвался съ губъ присутствующихъ при видѣ дѣвочки.

Нарядное бѣлое платье съ кружевнымъ воланомъ было грязно до неузнаваемости. Цѣлый кусокъ оборки волочился за нею въ видѣ шлейфа. Волосы растрепаны. Лицо красно. На лбу огромная царапина и кончикъ носа замазанъ глиной или землею, какъ это умышленно дѣлаютъ клоуны въ циркѣ.

— Мамочка! Милая! Дорогая!—кричала она съ порога, — поздравляю тебя! Ты не бойся, мамуся... Это

ничего. Я только упала съ дерева... Съ липы, знаешь?.. Мнѣ не больно, право-же не больно, мамочка. А платье замоютъ... Я няню попрошу... Ну, право-же, мнѣ вовсе, ну, ни чуточки не больно!

— Прекрасное поведеніе!—сквозь зубы процѣдила Марья Васильевна въ то время, какъ Нина Владиміровна съ тревогой вглядывалась въ запачканное до неузнаваемости чумазое личико проказницы.

— Тася! Тася! Ну, можно-ли такъ!—говорила она съ тревогой въ голосѣ и качая головой.

Но Тася точно обезумѣла. Она твердила только одно:

— Мнѣ не больно, я не ушиблась! Да право-же,— и покрывала поцѣлуями лицо, шею и руки матери.

— Вѣдь вы были наказаны! Какъ-же вы осмѣлились выйти изъ комнаты? — строгимъ голосомъ произнесла, обращаясь къ дѣвочкѣ, Марья Васильевна.

— Да я и не думала выходить изъ комнаты, — бойко отрѣзала та, — а просто изъ окна вылѣзла на липу, а съ липы сверзилась прямо въ гряды. Не больно только.

— Тася! Тася! Что съ тобою? Я не узнаю мою дѣвочку! — произнесла укоризненно Нина Владиміровна. — Сейчасъ-же попроси прощенія у Марьи Василье ны!—добавила она съ непривычной строгостью въ голосѣ.

— Мадмуазель, простите!—буркнула Тася, не глядя на гувернантку.

— Ваша мамаша добра, какъ ангелъ, а вы такъ огорчаете ее!—произнесла сурово та.—А подумали-ли

вы о вашей мамашѣ? Павликъ и Леночка приготовили свои сюрпризы, а вы?

— Сюрпризы! Ахъ!—растерянно прошептала Тася и все лицо ея запылало яркимъ румянцемъ смущенія.

Съ минуту она стояла уничтоженная, печальная, съ низко опущенной головою. Потомъ вдругъ личико ея засіяло улыбкой, глаза блеснули и она съ радостнымъ смѣхомъ бросилась на шею матери.

— Душечка мамуся!—шепнула она, вся радостная и счастливая,—если-бъ ты знала, какъ я люблю тебя! Я не умѣю клеить коробочекъ и переплетать книгъ, какъ Павликъ, или вышивать коврики, какъ Леночка, но... зато я отдамъ самое дорогое... самое любимое, что у меня есть... Мнѣ «онъ» такъ нравится, что я бы съ нимъ никогда, никогда не разсталась, но тебѣ я его подарю... потому что я тебя еще больше люблю, душечка мамаша!

Съ этими словами она быстрымъ движеніемъ опустила руку въ карманъ, и въ ту-же секунду передъ удивленной Ниной Владиміровной, подлѣ ея чайнаго прибора, очутилось смѣшное желторотое и длинноклювое существо, съ едва отросшими пушистыми крыльями.

Дружное «охъ» вырвалось изъ груди присутствующихъ.

Нина Владиміровна невольно отодвинула свой стулъ отъ стола. Марья Васильевна даже взвизгнула отъ неожиданности. Леночка кинулась подъ защиту Павлика, надѣясь на его кадетскую храбрость. Словомъ—произошелъ необыкновенный переполохъ. Одинъ Пав-

ликъ храбро подступилъ къ вороненку и кричалъ: «кш! кш!!!»—махая фуражкой.

А виновникъ суматохи, вороненокъ, страшно испугавшись всего этого шума и кутерьмы, совсѣмъ потерялъ голову. Онъ недоумѣвалъ съ минуту, потомъ неожиданно встрепенулся и съ рѣшительнымъ видомъ заковылялъ по скатерти, опрокидывая по пути чашки и стаканы. Мимоходомъ попалъ въ сухарницу, выскочилъ изъ нея, какъ ошпаренный, наскочилъ на лотокъ съ хлѣбомъ и въ концѣ-концовъ очутился въ крынкѣ съ молокомъ, уйдя въ нее по са ую шею.

Теперь изъ молока торчала только круглая головенка съ желтымъ клювомъ, изъ котораго вылетало поминутно неистовое: «Каръ! Каръ! Каръ!»

Глаза несчастнаго птенчика стали еще круглѣе отъ ужаса, и онъ вращалъ ими во всѣ стороны, исполненный страха.

— Онъ захлебнется! Онъ захлебнется! Спасите его! — кричала не своимъ голосомъ Тася и, не долго думая, запустивъ обѣ ручонки въ крынку, извлекла оттуда своего пріемыша.

Почувствовавъ себя на сушѣ, вороненокъ разомъ пришелъ въ себя. Онъ началъ съ того, что встряхнулся всѣмъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ со слипшимися перышками, сквозь которыя просвѣчивала кожа, и потомъ снова заковылялъ по столу.

Это было до того смѣшно и забавно, что Нина Владиміровна не могла сдержаться отъ улыбки. За ней захохоталъ во все горло Павликъ. За мальчикомъ засмѣялась своимъ нѣжнымъ, какъ свирѣль, голоскомъ

бѣлокурая Леночка. И наконецъ сама Тася такъ и закатилась громкимъ, здоровымъ, веселымъ хохотомъ. Даже Марья Васильевна усмѣхнулась при видѣ потѣшной походки облѣзлаго, прилизаннаго отъ молока птенчика.

Нина Владиміровна не могла сердиться на Тасю. Какъ не страненъ былъ подарокъ ея младшей дѣвочки — это былъ все-таки подарокъ и поднесенъ ею къ тому-же отъ души. Она нѣжно погладила по головѣ свою проказницу-дочурку и сказала ей на ушко своимъ добрымъ, ласковымъ голосомъ:

— Ты мнѣ дашь слово, Тасенокъ, никогда не лазать по деревьямъ и вообще стараться удерживаться отъ шалостей и проказъ. А вороненка твоего я беру охотно. Онъ такой смѣшной и забавный, а главное— онъ будетъ напоминать моей дѣвочкѣ о ея паденіи съ липы и этимъ, можетъ быть, предостережетъ ее отъ новыхъ продѣлокъ. А теперь, друзья мои,—обратилась мама уже ко всѣмъ дѣтямъ, — сегодня васъ ожидаетъ много пріятнаго. Ваши юные друзья, дѣти Извольцевы и Раевы, будутъ у васъ въ гостяхъ, а вы примите ихъ хорошенько и старайтесь быть добрыми хозяевами.

— Извольцевы пріѣдутъ! Ура!—закричалъ на весь домъ Павликъ, подбрасывая вверхъ свою фуражку.

— И Тарочка!—вторила ему Тася.

— Ну, ужъ твоя Тарочка! Забіяка!—укололъ сестру мальчикъ.

— А твой Викторъ—глупый!—разсердилась та.

— Тася! Тася! — остановила дѣвочку Нина Владиміровна.

— Да когда онъ первый, мамочка, — оправдывалась та.

— Идите переодѣваться, слышите!—строго приказала Марья Васильевна Тасѣ.

Та хотѣла буркнуть что-то по своему обыкновенію, но, встрѣтивъ на себѣ печальный взглядъ матери, удержалась на этотъ разъ отъ грубой выходки.

— Не забудь-же пластырь наклеить... Нельзя-же съ рваным лбомъ гостямъ показаться!—успѣлъ шепнуть сестрѣ незамѣтно Павликъ.

Тася вся вспыхнула какъ порохъ и рванулась было къ брату. И снова печальный и добрый взглядъ матери остановилъ ее.

Она потупилась и молча ушла съ террасы.

ГЛАВА IV.

Маленькіе гости.—Ссора.

ИХЪ было шестеро.

Сначала подъѣхалъ высокій фаэтонъ-долгуша съ дѣтьми Извольцевыми и ихъ пожилой гувернанткой-англичанкой миссъ Мабель.

Старшій изъ дѣтей былъ маленькій, весь завитый барашкомъ, пажъ Викторикъ, отъ котораго нестерпимо пахло духами, такъ какъ онъ передъ отъѣздомъ вылилъ на себя цѣлую банку резеды. Викторикъ говорилъ по-французски и не снималъ съ рукъ бѣлыхъ перчатокъ. Его сестры, Мери и Нини, были очень похожи на двухъ фарфоровыхъ куколокъ, въ своихъ пышныхъ бѣлыхъ платьяхъ съ роскошными поясами и съ туго завитыми по плечамъ локонами. Съ ними пріѣхалъ ихъ дальній родственникъ, хромой Алеша, круглый сирота, котораго воспитывали въ домѣ Извольцевыхъ съ самаго ранняго дѣтства.

Вслѣдъ за чинными, выдержанными дѣтьми Извольцевыми, поглядывавшими на всѣхъ съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ, прикатили дѣти Раевы—братъ и сестра,

Тарочка и Митюша; она — пухлая, здоровая, румяная дѣвочка—шалунья и хохотунья, любимая подруга Таси; онъ—толстый карапузикъ, большой забіяка. Съ ними пріѣхала и ихъ молоденькая француженка-гувернантка, не менѣе веселая и жизнерадостная, нежели они.

— Вотъ потѣха-то,— весело смѣясь, еще на порогѣ кричала Тарочка,—насъ чуть изъ кабріолета Лука не вывернулъ. Онъ ударилъ Красавчика, а Красавчикъ понесъ... и экипажъ на бокъ... Вотъ смѣху-то было! М-lle кричитъ, Митюша бранится, а я хохочу, хохочу, хохочу!

— Ахъ, какъ страшно!—въ одинъ голосъ вскричали сестрицы Нини и Мери.

— Я не понимаю, что тутъ смѣшного, когда лошадь несетъ и экипажъ на сторону, — пожимая съ пренебреженіемъ плечами, произнесъ Викторикъ, взбивая рукою свои туго завитые барашкомъ волосы.— Если-бъ нашъ кучеръ осмѣлился насъ вывалить, я бы его проучилъ моимъ хлыстомъ.

— Во-первыхъ, онъ не вывалилъ, а во-вторыхъ, ты не смѣешь драться!—вся вспыхнувъ, закричала на него запальчиво Тарочка.

— Не прилично говорить «ты» старшимъ. Я старше васъ,—процѣдилъ сквозь зубы Викторикъ, награждая дѣвочку негодующимъ взглядомъ.

— Ахъ, ты, фофанъ!—неожиданно расхохоталась Тася, и прежде, чѣмъ маленькій пажъ успѣлъ опомниться, она подняла руку и въ одинъ мигъ испортила всю его великолѣпную прическу, смѣшавъ и спутавъ тщательно завитые волосы.

— Какъ ты смѣешь, невоспитанная дѣвчонка! — сердито крикнулъ маленькій пажикъ, въ то время какъ его сестры Нини и Мери дружно испустили короткій крикъ негодованія и испуга.

— Ахъ, скажите пожалуйста, какая нѣженка! Велика важность—ему прическу смяли!—хохотала Тася во все горло, бойко поглядывая на остальныхъ дѣтей и какъ бы ища у нихъ сочувствія.

— Дѣвочка не должна такъ поступать. Это стыдно,— произнесла по-англійски незамѣтно подошедшая миссъ Мабель.

Но Тася не понимала англійскаго языка. Да если бы и понимала, то не обратила-бы ни малѣйшаго вниманія на замѣчаніе гувернантки. Она была вполнѣ счастлива, потому что Тарочка и Митюша—ея закадычные друзья — хохотали во все горло надъ ея продѣлкой, въ то время какъ Павликъ и Леночка старались успокоить разобиженнаго Викторика.

— Дѣти, обѣдать! Обѣдать скорѣе!—послышался въ эту минуту голосъ Нины Владиміровны изъ комнаты.

И вся толпа маленькихъ гостей, въ сопровожденіи своихъ юныхъ хозяевъ, двинулась въ столовую.

Тася первая бросилась къ столу, у котораго хлопотала чистенькая симпатичная старушка въ ослѣпительно бѣломъ чепцѣ.

— Ѣсть хочу! Ѣсть! Ѣсть! Ѣсть! — кричала Тася на всю комнату.

— Да ты бы, Тасюшка, раньше гостей разсадила,—укоризненно покачала головою няня, мелькомъ взглянувъ на свою воспитанницу.

Она испортила его великолѣпную прическу...

Гос.

— Не твое дѣло, молчи, нянька!—сердито буркнула себѣ подъ носъ та.

— Вы невозможная дѣвочка! — тихо, но внушительно произнесла Марья Васильевна, наклоняясь къ уху Таси.

— Вы невозможная дѣвочка! Вы невозможная дѣвочка! Вы невозможная дѣвочка! — запѣла на разные голоса Тася, ужасно разѣвая ротъ и размахивая руками и ногами въ тактъ пѣсни. — Ай! Ай! Ай! — закричала она неожиданно, прерывая себя,—мои любимые пирожки съ капустой! Дайте мнѣ первой! Первой мнѣ, мнѣ, мнѣ, мнѣ!

Миссъ Мабель, строгая, чопорная англичанка, прекрасно воспитавшая дѣтей Извольцевыхъ, почти съ ужасомъ смотрѣла на красную, крикливую дѣвчонку, не умѣвшую вести себя за столомъ. Нини и Мери молча жались другъ къ другу. Онѣ даже какъ-будто побаивались этой шумной, бойкой не въ мѣру проказницы. А братъ ихъ только бросалъ на Тасю презрительные взгляды и молча пожималъ плечами.

— Что ты смотришь такъ? Выпучилъ глаза и смотритъ, какъ тараканъ! — накинулась на него проказница.—Что мнѣ весело? Ужасно удивительно, право. Не могу же я сидѣть, какъ глупая кукушка, и любоваться вами. Павликъ говоритъ, что у нихъ въ корпусѣ кто живѣе и шаловливѣе—того и любятъ больше. А вотъ ты зато и не мальчикъ-кадетъ, а верченая кукла на пружинахъ, вотъ ты кто!

— Тася! Тася!—укоризненно шептала на ухо сестра Леночка.—Вѣдь это наши гости!

Какъ-разъ въ эту минуту Нина Владиміровна вошла въ столовую и Тася при видѣ матери вспомнила, что обѣщала ей вести себя прилично.

Она разомъ подтянулась и притихла, но не надолго. Вскорѣ она совсѣмъ забыла свое обѣщаніе, громко кричала и хохотала на весь столъ, задѣвала дѣтей, проливала воду и, наконецъ, дошла до того, что, свернувъ салфетку, изо всѣхъ силъ швырнула ее въ лицо Викторика.

Салфетка попала какъ-разъ въ тарелку съ супомъ и разлетѣвшіяся во всѣ стороны брызги залили и нарядный военный мундирчикъ маленькаго Извольцева, и прелестныя платьица сидѣвшихъ по обѣ его стороны сестрицъ.

— Ловко!—прошептала, давясь отъ смѣха, Тарочка Раева на ухо Таси, шалости которой она очень одобряла.

— Молодецъ, Тася,—вторилъ сестрѣ толстякъ-Митюша.

— Тася! — строго прикрикнула мама съ другого конца стола.

— Нѣтъ, это уже слишкомъ! — произнесла, густо краснѣя, Марья Васильевна и тотчасъ же добавила суровымъ тономъ: — Вы останетесь безъ сладкаго сегодня.

На сладкое была подана любимая Тасина земляника.

Всѣ дѣти съ удовольствіемъ принялись за вкусное лакомство.

Тася дѣлала видъ, что она рѣшительно равнодушна къ спѣлымъ вкуснымъ ягодамъ и преспокойно въ это

время катала по тарелкѣ хлѣбные шарики, или подъ шумокъ представляла своей сосѣдкѣ Тарочкѣ по-очереди всѣхъ дѣтей Извольцевыхъ.

И Тарочка, и Тася такъ и покатывались со смѣха.

ГЛАВА V.

Птицеловъ.—Пажикъ съ разбитымъ носомъ.

ДАВАЙТЕ играть въ кошки-мышки!

— Или въ веревочку!

— Нѣтъ, въ золотыя ворота. Я хочу въ золотыя ворота!

— Въ кошки-мышки интереснѣе!

— Нѣтъ, нѣтъ, я хочу въ золотыя ворота! Или же въ птицелова. Да, да! Въ птицелова. И больше ни во что.

— Тася, уступи, пожалуйста! Вѣдь мы хозяева!— робко заикнулась Леночка, незамѣтно дергая сестру.

— Ахъ, вотъ какія глупости!—хорохорилась Тася.— Я самая маленькая изъ дѣтей, а старшіе должны уступать маленькимъ. Хочу играть въ птицелова, или вовсе не стану играть ни во что!

— Ну, и не играй! Вотъ еще, что выдумала! Безъ тебя еще веселѣе будетъ! — подергивая плечами, произнесъ Викторикъ. — Несносная дѣвчонка! — добавилъ онъ тихо, сквозь зубы.

— Ахъ, не надо ссориться! Пожалуйста, не надо,—

произнесъ хромой Алеша, ласково оглядывая кругъ дѣтей своими добрыми голубыми глазами.

— Давайте играть въ птицелова, если ей такъ хочется!—предложилъ въ свою очередь Митюша.

— Давайте! Давайте! Это превесело! — подхватила Тарочка.

И игра началась.

Тася, уже разъ настоявъ на своемъ, теперь заспорила снова. Она хотѣла быть хозяиномъ лавки и выпускать птицъ. Да, она или будетъ представлять хозяина птичника, или вовсе не станетъ играть. А Алеша пусть будетъ птицеловомъ. — Онъ такъ смѣшно перебираетъ ногами, когда бѣгаетъ!—И говоря это, она громко расхохоталась, совершенно позабывъ о томъ, что тотъ-же Алеша первый уговорилъ дѣтей поступить по желанію Таси.

Гувернантки сидѣли въ сторонѣ отъ дѣтей, стараясь не мѣшать имъ въ ихъ играхъ, и Тася снова могла командовать и кричать сколько ей хотѣлось.

Алеша былъ очень добрый мальчикъ и хотя слова Таси и обидѣли его, онъ постарался не показать этого.

Нини, Мери, Викторикъ, Тарочка съ Митюшей, Лена и Павликъ назвались разными именами птицъ.

Тася продавала ихъ покупателю—птицелову-Алешѣ, который называлъ птицъ по-очереди, и если среди названныхъ была такая, какая находилась у хозяина-Таси, Тася получала деньги, т.-е. ударяла рукой по ладони покупателя въ то время, какъ купленная птица выбѣгала или, вѣрнѣе, вылетала изъ дома и стрѣлой неслась по дорожкѣ сада вокругъ клумбы съ цвѣтами.

Птицеловъ, уплативъ деньги, несся за нею во всю прыть и если ему удавалось поймать птицу, то она дѣлалась птицеловомъ, онъ же занималъ ея мѣсто въ лавкѣ.

Тася очень ошиблась, предполагая, что хромой Алеша будетъ уступать дѣтямъ въ ловкости и быстротѣ бѣга. Алеша, несмотря на свои хромыя ноги, бѣгалъ очень быстро, подпрыгивая козелкомъ и ловко настигая играющихъ. Первымъ онъ поймалъ Викторика, который ради своего пріѣзда въ гости надѣлъ такіе узкіе сапоги, что едва могъ въ нихъ двигаться. Сапоги немилосердно жали, и маленькій франтикъ еле бѣжалъ по этому случаю.

— Теперь ты птицеловъ! Викторъ птицеловъ! — кричалъ торжествуя Алеша, поймавъ наконецъ троюроднаго брата.

Викторикъ, морщась отъ боли, сталъ на мѣсто Алеши. Но ему долго не удавалось поймать никого. Одна только Тарочка, которая была очень полна и неуклюжа, уступала ему въ скорости бѣга. Викторикъ погнался за Тарочкой. Но въ ту минуту, когда онъ почти настигалъ дѣвочку, Тася незамѣтно для другихъ выставила впередъ ногу. Викторикъ, не видя этого, прибавилъ шагу и теперь почти-что настигалъ Тарочку, но въ ту минуту, какъ онъ хотѣлъ схватить ее, онъ зацѣпилъ за выставленную ногу Таси и со всего размаха грохнулся на землю.

Тася захохотала. Остальныя дѣти бросились къ Викторику поднимать его. Пажикъ плакалъ, забывъ о томъ, что онъ взрослый, и вытиралъ носъ бѣлыми

перчатками, которыя не захотѣлъ снять даже во время игры. На бѣлой лайкѣ злополучныхъ перчатокъ теперь ярко выступили большія кровяныя капли. Викторикъ, не выносившій вида крови, теперь заревѣлъ еще громче при видѣ этихъ пятенъ.

Миссъ Мабель со всѣхъ ногъ побѣжала къ нему. M-lle Lise и Марья Васильевна послѣдовали за нею. Дѣти спорили и кричали, почему упалъ Викторикъ. Словомъ—суматоха получилась полная.

Миссъ Мабель помогла подняться Виктору. Не безъ труда остановила кровь, фонтаномъ бившую изъ носа, и просила дѣтей объяснить ей, какимъ образомъ случилось все это.

Дѣти молчали и только переглядывались въ большомъ недоумѣніи между собою. Одна только Тася насмѣшливо улыбалась. Она терпѣть не могла Викторика и была очень довольна, что ей удалось насолить ему.

И вдругъ неожиданно впередъ выступилъ хромой Алеша и сказалъ, прямо глядя въ лицо Таси:

— Я знаю, почему упалъ Викторъ. Вотъ она, — онъ указалъ на младшую Стогунцеву,—подставила ему ножку. Никто не видѣлъ этого, я одинъ замѣтилъ. Онъ споткнулся о ногу и упалъ... Нехорошо, стыдно! — добавилъ мальчикъ, обращаясь къ Тасѣ, и добрые глаза его теперь смотрѣли строго, почти сердито.

Марья Васильевна испытующе взглянула на Тасю. Дѣвочкѣ невольно пришлось опустить глаза подъ этимъ пронизывающимъ взглядомъ.

— Вы будете наказаны. Ступайте за мною,—особенно ясно отчеканивъ каждое слово, проговорила гувернантка и, взявъ Тасю за руку, повела ее къ дому.

ГЛАВА VI.

Земляника.—Снова хромой Алеша.

ТАСЯ сидѣла въ пустой гостиной и дулась. M-lle Marie привела ее сюда, посадила въ кресло и, приказавъ сидѣть такъ до ея возвращенія, вышла, оставивъ дѣвочку одну. Тасѣ было нестерпимо скучно. Изъ сада до нея долетали голоса дѣтей.

Дѣти прекратили игру и теперь о чемъ-то очень оживленно разговаривали.

— А я тебѣ говорю, что онѣ не существуютъ, — громко доказывала Тарочка.

— А няня говоритъ, что онѣ есть. И что у насъ въ пруду она ихъ видѣла!—слабо опровергалъ ее голосъ Леночки.

— Твоя няня глупая деревенщина и больше ничего!—вмѣшался въ разговоръ Митюша.—Мнѣ девять лѣтъ только, а я отлично знаю, что русалокъ нѣтъ на свѣтѣ! Папа говоритъ, что только невѣжественные люди утверждаютъ, что онѣ существуютъ.

— Ахъ, нѣтъ, неправда!—снова зазвенѣлъ серебристый голосокъ Леночки, — няня говоритъ, что даже

видѣла одну изъ нихъ. Она выплыла тамъ, гдѣ растутъ лиліи у насъ на пруду, и пѣла что-то очень печальное и заунывное. У нея были распущенные волосы и бѣлое платье. Это было очень, очень страшно, няня говоритъ... Она какъ увидѣла ее, то тотчасъ-же стала читать молитву.

— Ну, она и пропала? — въ одинъ голосъ спросили дѣти.

— Пропала.

— Ахъ, вздоръ все это! Ну, хотите, я докажу вамъ, что все это вздоръ? — предложила Тарочка. — Попросимъ только Марью Васильевну покатать насъ въ лодкѣ, когда стемнѣетъ, съ миссъ Мабель и m-lle Lise. Теперь такъ хорошо по вечерамъ! Ночи лунныя, свѣтлыя. M-lle Lise гребетъ отлично. Будетъ превесело, право! И кстати вы узнаете, что никакихъ русалокъ не бываетъ на свѣтѣ.

— А какъ-же Тася?—робко заикнулась Леночка.

— Ну, такъ что же Тася? — произнесла негодующимъ голосомъ Тарочка.—Твоя Тася оказалась очень дурной дѣвчонкой! И я ничуть не жалѣю, что она наказана. Я до сихъ поръ считала ее доброй дѣвочкой и только большой шалуньей и охотно дружила съ нею, а теперь вижу, что она нехорошая, дурная. Подставить исподтишка ножку— это уже не шалость, а злость, она просто злючка, твоя Тася.

— А, такъ вотъ ты какъ! Хорошо-же. Ты мнѣ не другъ послѣ этого! — задыхаясь отъ злобы, прошептала Тася, которая слышала отъ слова до слова весь разговоръ въ саду. — Хорошо-же, Тарочка. Я тебѣ

покажу себя! Ты еще пожалѣешь, что такъ поступила со мною!

И Тася тутъ-же стала измышлять, какъ-бы посильнѣе насолить своему недавнему другу.

Голоса дѣтей смолкли въ саду. Очевидно они ушли играть въ другое мѣсто. И Тася, еще болѣе злая и надутая, нежели раньше, снова осталась одна. Ей было и досадно, и скучно. Особенно докучала ей одна мысль: Тарочка ее разлюбила и не хочетъ знать больше. И жгучая злоба, и какая-то ненависть по отношенію къ Тарочкѣ грызли теперь озлобленное сердечко Таси.

Она долго думала, какъ-бы побольнѣе досадить Тарочкѣ. Вдругъ одна мысль ярко блеснула въ головѣ дѣвочки.

Тарочка утверждаетъ, что русалокъ нѣтъ и всѣ ее слушаютъ и вѣрятъ ей; такъ она, Тася, во что бы то ни стало докажетъ имъ всѣмъ, что Тарочка ничего не знаетъ, что она далеко не такъ умна, какъ это кажется, что Тарочка лгунья и что русалки есть...

Тася отлично знала, что все это вздоръ, и что самыя маленькія дѣти не вѣрятъ въ существованіе русалокъ. Правда, простой народъ думаетъ, что они существуютъ — и русалки, и лѣшіе, и всякая «нечистая сила», какъ называетъ ихъ няня, которая вѣритъ въ нихъ... Но все это очень смѣшно!

«Ну, и пускай смѣшно! Пускай глупо»,—рѣшила Тася.

Дѣло не въ томъ — смѣшно или нѣтъ, а въ томъ, чтобы хорошенько напугать Тарочку и остальныхъ за то, что они совсѣмъ забыли о наказанной Тасѣ и прекрасно себя чувствуютъ безъ нея.

Очевидно, эта мысль очень улыбалась дѣвочкѣ. Лицо ея оживилось, глаза заблестѣли. Она даже запрыгала по комнатѣ и захлопала въ ладоши, совершенно позабывъ о томъ, что мама прилегла отдохнуть послѣ обѣда.

Къ довершенію счастья, на глаза торжествующей Таси попалась тарелка съ земляникой, оставленная на роялѣ для ужина,—той самой земляники, которую не дали за обѣдомъ Тасѣ.

— Ага! Вотъ они гдѣ ее поставили, голубушку!— весело проговорила дѣвочка, и тотчасъ же сердито нахмурилась снова.—Не думаетъ-ли эта злючка Марья Васильевна, что можетъ безнаказанно распоряжаться мной. Думала наказать меня за обѣдомъ, лишивъ сладкаго, а выходитъ—накажу всѣхъ я, потому что ужъ, конечно, поѣмъ теперь до-сыта земляники, а имъ не оставлю ни одной ягодки. Да!

И, говоря это, дѣвочка быстро придвинула къ себѣ тарелку и скоро отъ ягодъ не осталось и слѣда. Тася наскоро обтерла ротъ и отодвинула пустую тарелку въ сторону, тщательно прикрывъ ее салфеткой. Она хотѣла уже съ самымъ безпечнымъ видомъ отойти отъ рояля, какъ неожиданно за ея спиной раздался укоризненный голосъ:

— Ай! Ай! Ай! Какъ нехорошо брать безъ спросу!

Дѣвочка испуганно вскрикнула и оглянулась. Передъ ней стоялъ хромой Алеша.

— Зачѣмъ ты прилѣзъ сюда?—грубо крикнула ему Тася.

— Я пришелъ звать васъ кататься въ лодкѣ. Мы

всѣ поѣдемъ, когда сядетъ солнце. Ваша гувернантка позволила это,—произнесъ спокойно мальчикъ.—А вы зачѣмъ съѣли землянику? Вѣдь вамъ было это запрещено,—вдругъ неожиданно заключилъ онъ.

— Не смѣй соваться не въ свое дѣло! — рѣзко оборвала мальчика Тася.

— Вы напрасно сердитесь на меня,—такъ-же спокойно произнесъ Алеша. — Дядя говоритъ, что тотъ, кто беретъ чужое...

— Да замолчишь-ли ты, дрянной мальчишка! — выйдя изъ себя, закричала взбѣшенная Тася и кинулась на Алешу съ поднятыми кулачками.

Алеша съ крикомъ отскочилъ отъ нея, уронилъ стулъ и съ грохотомъ полетѣлъ на него.

— Что такое? Что случилось?

И перепуганная, и запыхавшаяся Марья Васильевна появилась на порогѣ.

Въ одну минуту она увидѣла и лежащаго на полу Алешу, и стоявшую надъ нимъ со сжатыми кулаками Тасю, и пустую тарелку отъ земляники на роялѣ — и разомъ поняла все.

Она прежде всего помогла подняться мальчику, потомъ схватила Тасю за руку и, подведя ее къ роялю, строго сказала, указывая на тарелку:

— Разумѣется, землянику съѣли вы?

Тася стояла, потупивъ голову и упрямо молчала.

— Признавайтесь, землянику съѣли вы!—еще разъ повторила гувернантка.

Новое молчаніе.

— Ну, берегитесь, Тася! Мамаша узнаетъ обо всемъ...

И она двинулась было къ двери, какъ вдругъ позади прозвучалъ нерѣшительный голосокъ:

— Извините, m-lle, землянику съѣлъ я!

И Алеша, весь красный отъ смущенія, смотрѣлъ на Марью Васильевну кроткими, заискивающими глазами.

— Вы, Алеша? Не можетъ быть, — удивилась та, зная его какъ самаго милаго, честнаго и благонравнаго мальчика.

Тася молчала. Ей было странно и пріятно въ то же время это внезапное самообвиненіе Алеши.

«Вотъ глупый мальчишка! Беретъ на себя чужую вину!—вихремъ пронеслось въ ея мысляхъ.—Что же, тѣмъ лучше! Пускай! По крайней мѣрѣ, это избавитъ меня отъ новаго наказанія», — безпечно рѣшила дѣвочка.

Но m-lle Marie, очевидно, не повѣрила словамъ Алеши.

— Ну, землянику, положимъ, скушали вы, за что я васъ прощаю, потому что вы гость, хотя это и очень дурно,—произнесла она съ усмѣшкой,—а кто же заставилъ васъ закричать такъ громко и упасть на полъ? Вотъ что меня немало интересуетъ. Не думаете-ли вы увѣрить меня, что сами ударили себя или что-нибудь въ этомъ родѣ? Тутъ, разумѣется, не обошлось безъ вмѣшательства Таси! Она толкнула васъ и за это будетъ оставлена безъ катанья и вплоть до ночи просидитъ здѣсь одна... А вы ступайте къ дѣтямъ!

И, взявъ Алешу за руку, Марья Васильевна вывела его изъ комнаты.

Тася снова осталась одна въ гостиной. Съ минуту она стояла въ нерѣшимости. Потомъ лукавая, недобрая усмѣшка проскользнула по ея красивому личику и она осторожно, крадучись на цыпочкахъ, прошмыгнула въ дѣтскую и плотно закрыла за собою дверь. Потомъ быстро опустила шторы на окнахъ и принялась за дѣло.

Въ слѣдующей главѣ мы узнаемъ, за какое дѣло принялась Тася.

ГЛАВА VII.

Русалка.

Солнце сѣло и на смѣну ему на небо выплыла полная круглая луна. Въ августѣ ночи наступаютъ рано и немудрено поэтому, что въ девятомъ часу вечера въ усадьбѣ было темно. Только серебристые лучи мѣсяца обливали своимъ блѣднымъ свѣтомъ и зеленую рощу, и далекія нивы, и зеркальную поверхность пруда.

Большая, красивая лодка медленно скользила по поверхности. Кругомъ шелестѣла осока и какая-то ночная птичка пронзительно кричала въ прибрежныхъ кустахъ. На лодкѣ царило веселое оживленіе. Дѣти болтали и смѣялись, не умолкая. Марья Васильевна, Павликъ и Тарочка сидѣли на веслахъ. Митюша и Алеша занимались тѣмъ, что ловили баграми бѣлые цвѣты водяныхъ лилій, въ изобиліи покрывавшихъ весь прудъ. Сорвавъ лиліи, они со смѣхомъ бросали ихъ на дно лодки, обдавая брызгами всѣхъ сидѣвшихъ въ ней. Только франтикъ Викторъ да его двѣ сестрицы были недовольны катаньемъ. Первый никакъ

не могъ забыть своего разбитаго носа, на которомъ красовалась теперь огромная нашлепка-пластыря, кромѣ того его щегольскія лакированныя ботинки не выносили сырости и могли испортиться, и это несказанно удручало мальчика. А Нини и Мери просто боялись кататься и пугливо жались другъ къ другу.

— Ну, гдѣ-же твои русалки? — со смѣхомъ спрашивала Тарочка Лену, которая, за неимѣніемъ мѣста, стояла на днѣ лодки, опираясь рукой на плечи брата, сидящаго на веслахъ.

— Русалокъ нѣтъ, сама видишь, и няня твоя разсказывала тебѣ сказку, а ты и повѣрила ей, трусиха!—вторилъ сестрѣ карапузъ Митюша,—сама, небось, видишь!

— Вижу!—покорно согласилась Леночка.

— И въ наказанье за трусость ты должна намъ спѣть что-нибудь, — рѣшительно заявила Тарочка. — Спой, Леночка,—ласково добавила она.

— Спой! Спой, Леночка! — подхватили остальныя дѣти.

У одиннадцатилѣтней Леночки былъ чудесный голосокъ. Она знала много разныхъ красивыхъ пѣсенъ, которымъ ее съ любовью обучила Нина Владиміровна, сама имѣвшая очень хорошій голосъ.

— Спойте намъ какой-нибудь романсъ! Я ужасно люблю слушать романсы!—неожиданно оживился Викторикъ, проговоривъ все это тономъ взрослаго молодого человѣка.

Дѣти громко расхохотались. Гувернантка также. Викторикъ обидѣлся и надулся.

— Что тутъ смѣшного, — процѣдилъ онъ сквозь зубы и въ носъ, очевидно подражая кому-то,—у каждаго порядочнаго человѣка долженъ быть хорошій вкусъ. И что я люблю слушать романсы, это доказываетъ только, что у меня хорошій вкусъ. Меня очень удивляетъ, что вы этого не понимаете,—закончилъ онъ обиженнымъ тономъ.

— Постойте, я вамъ сейчасъ спою что-то! — рѣшительно заявила Леночка.

Черезъ минуту нѣжный, звучный, красивый дѣтскій голосокъ полился мелодичной волной надъ водами соннаго пруда. Мѣсяцъ снова выглянулъ изъ-за облака и залилъ цѣлымъ потокомъ лучей маленькую стройную фигурку, стоявшую посреди лодки, дѣлая Леночку при этомъ освѣщеніи похожей на какое-то фантастическое существо.

Леночка пѣла, вся залитая луннымъ сіяньемъ, ту пѣсенку, которой недавно ее научила мать. Дѣти разомъ притихли, очарованныя и красивымъ мотивомъ, и прелестнымъ голосомъ пѣвицы.

Леночка пѣла:

Тихо дремлетъ ночь нѣмая,
Мѣсяцъ свѣтъ лучистый льетъ,
А русалка молодая
Косы чешетъ и поетъ:
«Мы живемъ на днѣ, глубоко
Подъ студеною волной,
И выходимъ изъ потока
Поздно, поздно въ часъ ночной!
Тамъ, гдѣ лиліи сверкаютъ
Изумрудомъ ихъ стеблей,
Тамъ русалки выплываютъ
Въ пляскѣ радостной своей.

Громкій, отчаянный вопль пронесся надъ прудомъ...

Тихо, тихо плещутъ воды,
Всюду сонъ, покой и тишь...
Мы заводимъ хороводы
Тамъ, гдѣ шепчется камышъ...
Тамъ, гдѣ...»

Пѣсня вдругъ разомъ оборвалась и громкій, отчаянный вопль пронесся надъ прудомъ. Леночка, вдругъ поблѣднѣвшая, какъ мертвецъ, подняла руку и указывала ею на что-то.

Всѣ разомъ, какъ по командѣ, повернули головы въ ту сторону, куда указывала Леночка.

У берега, въ томъ мѣстѣ, гдѣ плакучая ива купала въ пруду свои вѣтви, раздвинулись кусты осоки и небольшая бѣлая фигура съ распущенными волосами, очень похожая на тѣ, что изображаютъ русалокъ на картинкахъ, появилась, вся облитая серебрянымъ сіяніемъ мѣсяца.

— Русалка! — вырвалось одновременно изъ устъ всѣхъ восьмерыхъ дѣтей.

И вдругъ новый крикъ дикимъ, пронзительнымъ стономъ повисъ надъ водою. Леночка, до сихъ поръ стоявшая посреди лодки, зашаталась и безъ чувствъ грохнулась за бортъ, прямо въ черную, холодную воду пруда.

Въ ту-же секунду отвѣтный крикъ прозвучалъ на берегу и вмигъ бѣлая русалка сорвала съ себя покрывавшую ее одежду и изъ длиннаго со шлейфомъ одѣянія выскользнула фигурка дѣвочки въ коротенькомъ платьѣ, кричавшая во весь голосъ:

— Леночка утонула! Леночка утонула! Спасите Леночку,—и Тася съ плачемъ металась по берегу.

ГЛАВА VIII.

Послѣдствія злой шалости.

Тася была напугана не менѣе тѣхъ, кто находился въ лодкѣ. Она видѣла, какъ зашаталась Леночка, какъ упала на бортъ и какъ потомъ перекинулось въ воду ея маленькое худенькое тѣльце. Этого Тася никакъ не ожидала. Леночка за всю свою коротенькую жизнь никогда ни съ кѣмъ не ссорилась и всячески старалась выгораживать Тасю передъ старшими. Она, Тася, хотѣла только напугать Тарочку, Викторика и этихъ нѣженокъ-сестрицъ, но отнюдь не бѣдную Леночку. И вдругъ все это такъ вышло. Пострадала Леночка. Одна бѣдная, милая Леночка. И Тася металась по берегу, громко крича и плача навзрыдъ.

— Спасите Леночку! Спасите! Спасите! — стонала она.

Между тѣмъ на лодкѣ не дремала Марья Васильевна и успѣла во-время выхватить багоръ изъ рукъ Алеши и зацѣпить имъ за платье упавшей въ прудъ дѣвочки. Скоро на поверхности воды появилось сначала бѣлое

платье, потомъ худенькая ручка, а за ней и бѣлокурая головка Леночки.

Миссъ Мабель быстро перекинулась за бортъ и сильными руками вытащила изъ воды дѣвочку.

Теперь слѣдовало какъ можно скорѣе приплыть къ берегу. Маленькіе гребцы налегли на весла. Безчувственную Леночку завернули въ большую пелерину миссъ Мабель и лодка быстро заскользила по направленію къ пристани. Лишь только она причалила къ берегу, Тася первая бросилась къ мосткамъ.

— Что съ Леночкой, ради Бога, что съ нею? — дергая то того, то другого за платье, кричала она, не переставая плакать.

Но никто даже вниманія не обратилъ на тревогу дѣвочки. Дѣти старались не смотрѣть на нее и точно умышленно отворачивались отъ Таси. Они справедливо считали ее виновницей несчастья.

Только Марья Васильевна сурово взглянула на дѣвочку и произнесла глухо:

— Полюбуйтесь, что вы надѣлали. Вы убили вашу сестру.

Тася дико вскрикнула и закрыла лицо руками. Когда она открыла его снова, то ни Леночки, ни дѣтей, ни гувернантокъ уже не было на пристани. Маленькая толпа двигалась по дорогѣ къ дому.

Тася съ опущенной головой и сильно бьющимся сердцемъ послѣдовала позади всѣхъ. Она видѣла, какъ выбѣжала на террасу мама, какъ она съ легкостью дѣвочки спрыгнула съ крыльца и, подбѣжавъ къ Марьѣ Васильевнѣ, несшей Леночку, выхватила изъ ея рукъ

дѣвочку и, громко рыдая, понесла ее въ домъ. Въ одинъ мигъ появились простыни. Мама свернула одну изъ нихъ на подобіе гамака, положила въ нее безжизненную Леночку и при помощи трехъ гувернантокъ стала качать ее изо всѣхъ силъ въ обѣ стороны.

— Это чтобы воду изнутри выгнать у нея, голубушки,—пояснила появившаяся на шумъ няня.

Старушка вся дрожала отъ страха за свою питомицу и крупныя слезы текли по ея морщинистымъ щекамъ. Леночка была любимицей няни.

Тася видѣла изъ своего угла, какъ сосредоточены и суровы были лица у взрослыхъ, какъ недоумѣвающе испуганы у дѣтей, столпившихся въ кучу, точно стадо на смерть испуганныхъ барашковъ.

И вдругъ какой-то слабый звукъ, не то рыданье, не то стонъ, послышался подъ простынею и тотчасъ же цѣлая струя воды хлынула изъ ушей, носа и горла Леночки. Въ ту-же минуту мертвенно-блѣдныя щечки больной зажглись чуть замѣтнымъ румянцемъ и Леночка открыла глаза.

— Жива! Слава Тебѣ, Господи!—вскричала радостнымъ, счастливымъ голосомъ Нина Владиміровна. — Теперь доктора, доктора скорѣе! Ради Бога, пошлите за докторомъ,—рыдала она.

— Дитя внѣ опасности! — подтвердила миссъ Мабель и помогла Марьѣ Васильевнѣ и хозяйкѣ дома перенести Леночку въ спальню Стогунцевой.

Тася медленно послѣдовала за ними и незамѣтно пріютилась въ ногахъ постели.

Когда миссъ Мабель вышла снова къ дѣтямъ, она

велѣла имъ собираться какъ можно скорѣе домой, потому что больной Леночкѣ былъ необходимъ полный покой и тишина. Дѣти Извольцевы безшумно одѣлись и сѣли въ экипажъ; Раевы послѣдовали ихъ примѣру. Съ ними вмѣстѣ уѣхалъ и Павликъ, посланный вмѣстѣ съ конюхомъ Андрономъ верхами за ближайшимъ врачомъ.

Леночка попрежнему неподвижно лежала на мамином постели, блѣдная и осунувшаяся, похожая скорѣе на какой-то хрупкій нѣжный цвѣтокъ, чѣмъ на живую маленькую дѣвочку.

Марья Васильевна вышла на кухню приготовлять горячее питье для больной, и мама теперь осталась одна у постели дѣвочки.

Тася только и ждала, казалось, этой минуты. Она быстро подошла къ матери и, съ трудомъ сдерживая слезы, прошептала:

— Мамочка, прости... Прости, мамочка! Я не хотѣла. Ей-Богу не хотѣла... Я думала напугать Тарочку. Я пошутила только, и вдругъ Лена—бухъ! Ахъ, Господи! Никогда не буду! Если-бъ я знала. Я дурная, гадкая... Я Виктору носъ разбила... Я Алешу побить хотѣла... Я земляннику съѣла... Все я, я, я!.. Только Леночку я не хотѣла! Право! Я русалкой нарядилась не для нея... А вышло, что она изъ-за меня чуть не утонула...

Тася захлебывалась слезами. Сначала она говорила тихо, потомъ все громче и громче. Потомъ для большей убѣдительности стала кричать на всю комнату.

Леночка испуганно вздрогнула, забилась и заметалась въ постели.

— Русалка! Русалка!—въ ужасѣ расширяя неестественно горящіе глаза шептала она, задыхаясь.

Мама бросилась къ ней, обвила руками ея бѣлокурую головку и стала нашептывать ей на ушко:

— Успокойся, мое золото, успокойся, моя радость. Съ тобой твоя мама! Ленушечка моя!

И какъ только дѣвочка стихла подъ вліяніемъ ласковаго шопота, Нина Владиміровна снова сѣла на прежнее мѣсто и, сухо взглянувъ на Тасю, произнесла такимъ строгимъ, холоднымъ тономъ, какимъ еще никогда не говорила съ ней:

— Уйди. Я не хочу тебя видѣть до тѣхъ поръ, пока ты не исправишься. Твоя злая выходка чуть не стоила жизни сестрѣ. Ступай. Я не хочу тебя видѣть, недобрая, нехорошая дѣвочка! Марья Васильевна была права — тебя надо отдать въ строгія руки, пока ты окончательно не испортилась дома.

Тася взглянула на маму, какъ-бы спрашивая, не шутитъ-ли она? Но нѣтъ. Лицо мамы строго, почти гнѣвно. Такимъ она никогда его не видѣла.

Что-же это? Или она разлюбила Тасю?

Дѣвочка, однако, не смѣла ослушаться и, низко опустивъ голову, тихо поплелась изъ маминой спальни.

ГЛАВА IX.

Неожиданная новость.—Отъѣздъ.

ДОКТОРЪ только-что уѣхалъ. Изъ своего любимаго уголка — небольшой бесѣдки изъ дикаго винограда, находившейся въ дальнемъ концѣ цвѣтника — Тася видѣла, какъ ему подали тройку, и мама проводила его до крыльца.

Вотъ уже три недѣли, какъ больна Лена. Серьезно больна. Послѣ ея злополучнаго паденія въ прудъ у нея сдѣлалась нервная горячка, и она была на волоскѣ отъ смерти. Тася все это время проводила одна. Всѣ были заняты больною. Только по утрамъ Марья Васильевна давала уроки дѣвочкѣ и, окончивъ ихъ, спѣшила въ спальню — помогать Нинѣ Владиміровнѣ ухаживать за больной.

Сегодня третій день, что Ленѣ лучше. Она уже разумно отвѣчаетъ на вопросы и вчера выпила цѣлую чашку бульону. Няня сказала объ этомъ Тасѣ и не удержалась, чтобы не прибавить:

— Вотъ, что ты надѣлала, сударыня,—и не стыдно тебѣ!

Тася высунула языкъ нянькѣ, въ знакъ того, что ей не стыдно, и, подпрыгивая, побѣжала въ садъ.

Теперь, когда опасность миновала и Леночка черезъ недѣлю, другую поправится и встанетъ съ постели, Тася сразу успокоилась и даже какъ-бы почувствовала себя обиженной всѣми.

— Лена выздоровѣетъ, — говорила мысленно дѣвочка,—все прошло—и страхи, и волненія. Почему-же всѣ недовольны мною, не разговариваютъ со мною и почти не смотрятъ на меня? Ну, пусть эта гадкая Маришка (такъ называла Тася Марью Васильевну), пусть эта выжившая изъ ума нянька и задира Павликъ, ну, а мама? Неужели-же мама все еще сердится на Тасю? Или разлюбила Тасю? За что? Или Тасю никто никогда не любилъ, — продолжала размышлять дѣвочка,—и если-бы утонула Тася, никто-бы не ухаживалъ за ней, никто-бы не сидѣлъ у ея постельки? И Тася умерла-бы одна въ своей комнатѣ, позабытая всѣми... Бѣдная Тася! Бѣдная Тася!

И Тася, упавъ на мягкій деривъ, составлявшій полъ бесѣдки, залилась горькими слезами. Она считала себя несчастной жертвой, обиженной всѣми, совершенно забывая о томъ, какъ она постоянно мучила и обижала другихъ.

Наплакавшись вволю, она медленно подняла отягощенную отъ слезъ голову — и вдругъ легкій крикъ неожиданно вырвался изъ ея груди. Около нея стоялъ высокій, очень худощавый господинъ въ модномъ пальто и шляпѣ, опираясь на трость съ дорогимъ набалдашникомъ.

— Здравствуйте, милая барышня! — произнесъ незнакомецъ съ любезной улыбкой.

— Зачѣмъ вы здѣсь и что вамъ надо? — вмѣсто всякаго отвѣта грубо отрѣзала дѣвочка.

— О, мнѣ надо весьма немногаго! — такъ-же любезно и ничуть, повидимому, не обижаясь грубостью Таси, произнесъ высокій господинъ.—Я пришелъ познакомиться съ одной маленькой барышней, Тасей Стогунцевой. Надѣюсь, я не ошибся: Тася—это вы?

— Надѣюсь, вы не ошиблись: Тася—это я!—передразнивая длиннаго господина произнесла дѣвочка.

Ее уже начинало забавлять это новое знакомство и такъ и тянуло выкинуть одну изъ своихъ шаловливыхъ выходокъ. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, хорошо она дѣлаетъ или нѣтъ, Тася быстро окинула бойкими, шаловливыми глазами фигуру незнакомца и спросила, едва удерживаясь отъ смѣха:

— Отчего вы такой худой? Можно подумать, что вы привыкли обѣдать только по воскресеньямъ.

Высокій господинъ разсмѣялся. Онъ хохоталъ такъ громко и притомъ такъ сгибалъ въ три погибели свою сухую, длинную, какъ жердь, фигуру, что Тася начинала опасаться, какъ-бы онъ не переломился пополамъ.

Наконецъ, незнакомецъ съ трудомъ удержался отъ обуявшаго его смѣха и снова заговорилъ, обращаясь къ дѣвочкѣ:

— Итакъ, васъ зовутъ Тасей, а меня—Орликомъ. Г-нъ Орликъ—содержатель пансіона для благородныхъ дѣвицъ. Моя кузина Матіе писала мнѣ по приказанію

вашей мамаши, чтобы я пріѣхалъ сюда за вами и увезъ васъ въ мой пансіонъ.

— Какъ? Что такое?

Глаза у Таси расширились отъ изумленія.

— Меня въ пансіонъ? Меня? Но вы ошиблись! Увѣряю васъ, вы не туда попали, — произнесла Тася дрожащимъ голосомъ,—увѣряю васъ!

— О, нѣтъ, милая барышня! Я не ошибся! Я уже успѣлъ побывать въ домѣ, повидать вашу мамашу и кузину Магіе, и онѣ указали мнѣ, гдѣ я могу найти васъ, чтобы познакомиться съ вами.

— Такъ вотъ оно что! — произнесла злымъ голосомъ Тася и вдругъ залилась громкими, неистовыми слезами.

Въ припадкѣ неудержимаго злого отчаянія она кинулась на полъ, била ногами и руками землю и кричала громко и отчаянно на весь садъ:

— Не хочу въ пансіонъ! Не хочу! Не хочу! Не хочу! Гадкій пансіонъ! Гадкій! Гадкій! Гадкій! Я умру тамъ, непремѣнно умру отъ тоски и горя. Мамаша, милая мамаша, не отдавайте въ пансіонъ Тасю! Гадкій, мерзкій пансіонъ! Я его ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Г. Орликъ съ терпѣніемъ выслушивалъ всѣ эти стоны и крики и только смотрѣлъ на бившуюся въ припадкѣ злого, капризнаго отчаянія маленькую дѣвочку спокойнымъ, проницательнымъ взглядомъ. Видя, что никто не спѣшитъ изъ дома на ея крики, Тася стала успокаиваться мало-по-малу и вскорѣ окончательно притихла. Изрѣдка всхлипывая и вздыхая, она

— Здравствуйте, милая барышня...

уставилась въ лицо г. Орлика злыми, враждебными глазами.

— Ну вотъ, и отлично. Покричали — и довольно. Пользы отъ криковъ мало! — спокойно произнесъ директоръ пансіона. — А теперь, какъ подобаетъ умной барышнѣ, собирайтесь-ка въ путь-дорогу, такъ какъ мнѣ сегодня же надо выѣхать обратно.

— Я не поѣду!—упрямо говорила Тася.

— Ну, этого быть не можетъ, — также спокойно возразилъ директоръ, — не было еще случая, чтобы г. Орликъ исполнялъ то, что желаютъ маленькія барышни, а всегда маленькія барышни дѣлаютъ то, чего пожелаетъ г. Орликъ.

И глаза его при этомъ смотрѣли съ такой рѣшительностью на Тасю, что она не могла сомнѣваться въ истинѣ его словъ.

— Да неужели-же мама хочетъ, чтобы я уѣхала?— съ тоскою воскликнула дѣвочка.

— Ваша мамаша желаетъ одного, чтобы вы исправились и стали милой, послушной барышней, а дома ваше исправленіе немыслимо. Вы не желаете никому повиноваться, какъ мнѣ писала моя кузина Магіе.

— Ваша Магіе — лгунья! Я ее ненавижу,—вскричала запальчиво Тася и вдругъ съ новымъ порывомъ злости добавила:—а если такъ, и если онѣ хотятъ отъ меня избавиться, то я не хочу оставаться съ ними больше. Увезите меня, г. Орликъ, увезите!

И она рѣшительно зашагала къ дому.

На террасѣ ее встрѣтила мама.

— Ты уже знаешь про твой отъѣздъ, — прогово-

рила она, строго глядя въ глаза Таси недовольными глазами.—Послѣ обѣда вы ѣдете. Няня собираетъ твои вещи. Если желаешь проститься съ Леночкой, можешь пойти къ ней. Она теперь не спитъ.

— Я не хочу ни съ кѣмъ прощаться,—процѣдила сквозь зубы Тася.

— Тѣмъ хуже для тебя, — сухо возразила мама и попросила нянюшку поторопиться съ обѣдомъ.

Обѣдъ прошелъ скучно и натянуто. Одинъ только г. Орликъ оживлялъ его немного своими разсказами о пансіонѣ, удивляя всѣхъ присутствующихъ необычайно большимъ аппетитомъ. Г. Орликъ ѣлъ ужасно много. Куски исчезали съ поразительной быстротой въ большомъ рту директора.

Тася не прикасалась ни къ чему. Она сидѣла надутая, злая и недовольная всѣмъ и всѣми.

«Не хотятъ меня — и не надо. И уѣду, и уѣду, и уѣду!»—мысленно съ ожесточеніемъ твердила дѣвочка.

Къ концу обѣда къ крыльцу подали лошадей. Г. Орликъ поблагодарилъ хозяйку и сказалъ, что пора ѣхать.

Няня принесла шляпу и пальто Тасѣ.

— Христосъ съ тобой, матушка! Поживешь среди чужихъ-то, такъ и свое дороже покажется, — сказала она, крестя свою питомицу дрожащей старческой рукою. — Мамашу, смотри, радуй ученьемъ да поведеньемъ хорошимъ, да и меня, старуху, заодно!

Тася равнодушно подставила щеку нянѣ и, кивнувъ мимоходомъ Маріи Васильевнѣ и Павлику, подошла къ матери.

— Прощай,—произнесла мама, и Тасѣ показалось на мигъ, что она слышитъ прежнія мягкія и ласковыя нотки въ голосѣ матери,—прощай, моя дѣвочка,—снова ласково проговорила Нина Владиміровна, обнимая Тасю,—старайся вести себя хорошенько и хорошо учиться. Надѣюсь, послѣдній твой поступокъ послужитъ тебѣ хорошимъ урокомъ, и ты научишься, вдали отъ насъ, быть послушнымъ и милымъ ребенкомъ, научишься цѣнить насъ всѣхъ. Помни, я буду знать твой каждый шагъ и лишь только узнаю, что ты стала чуточку лучше, я возьму тебя снова домой. Не думай, что я люблю тебя меньше, Тася,—нѣтъ! Я знаю, что тебя можетъ исправить только чужая обстановка, и съ болью въ сердцѣ поступаю такъ...

Голосъ мамы дрогнулъ. Она сняла съ груди маленькій эмалевый крестикъ и, перекрестивъ имъ Тасю, надѣла его на шею дѣвочки. Потомъ крѣпко обняла ее и нѣсколько разъ поцѣловала надутое, сердитое личико.

Но Тасю не смягчила эта нѣжная ласка матери. Она попрежнему считала себя правой и незаслуженно обиженной всѣми. На прощальное привѣтствіе m-lle Marie она умышленно не обратила вниманія и поспѣшила сбѣжать съ крыльца и усѣсться въ коляску.

— Тася! Милая Тася! — послышался позади нея слабый, нѣжный голосокъ.

Дѣвочка живо обернулась и увидѣла больную Леночку на рукахъ няни, поддерживаемую Павликомъ. Личико больной было худо и блѣдно, до неузнаваемости худенькія ручонки висѣли, какъ плети. Огромные глаза живо устремились вслѣдъ за сестрою.

— Ничего не подѣлаешь, матушка-барыня, — оправдывалась няня на замѣчаніе Нины Владиміровны зачѣмъ вынесли больную. — «Хочу, говоритъ, видѣть Тасю! Неси меня къ ней!»

Что-то дрогнуло въ озлобленномъ сердечкѣ маленькой проказницы. Она быстро выскочила изъ экипажа и подбѣжала къ сестрѣ.

— Леночка! Прости, милая! Я не хотѣла тогда тебя...—прорыдала она, крѣпко обнимая больную.

По лицу старшей сестры текли крупныя слезы.

— Тася, голубушка, милая! Я не сержусь на тебя! Право, не сержусь, родная. — И она протягивала къ сестрѣ свои исхудалыя ручонки и большіе кроткіе глаза ея сіяли неизъяснимой любовью и лаской.

Няня поторопилась унести больную.

Тася тихо плакала. Теперь она не чувствовала ни озлобленія, ни гнѣва. Видъ исхудалой, измученной Леночки, которую она не видѣла послѣ печальнаго происшествія, теперь лучше всякихъ словъ доказалъ ей, какъ она виновата. Но Тася была слишкомъ избалована и горда, чтобы показать другимъ свое раскаяніе. Она молча, хмуря брови и кусая губы, поцѣловала руку матери, обняла наскоро брата и сѣла въ коляску, стараясь не обнаружить своего волненія.

Г. Орликъ сѣлъ подлѣ дѣвочки. Лошади тронули, и Тася Стогунцева выѣхала со двора родного дома.

ГЛАВА X.

Новенькая.

На большихъ столовыхъ часахъ пробило половина второго—и дѣвочки, воспитанницы пансіона г. Орлика, поднялись какъ по командѣ изъ-за стола, вокругъ котораго оканчивали свой завтракъ.

Ихъ было человѣкъ двѣнадцать, приблизительно возраста отъ 8 до 14 лѣтъ. Старшая изъ дѣвочекъ, Маргарита Вронская, прочла вслухъ послѣобѣденную молитву и высокая, худая дама въ черномъ, довольно поношенномъ платьѣ—m-lle Орликъ, сестра и помощница г. Орлика—произнесла своимъ рѣзкимъ голосомъ:

— Даю вамъ полчаса отдыха. Скоро придетъ нѣмецкій учитель, а пока можете поиграть въ залѣ.

И отпустивъ величественнымъ жестомъ дѣтей она незамѣтно исчезла изъ столовой.

— Ну, ужъ и скука!—произнесла высокая, тоненькая дѣвочка, очень красивая блондинка съ длинными, туго заплетенными косами.—Знала-бы я, какъ живутъ въ этомъ противномъ пансіонѣ, ни за что не поступила бы сюда.

— Да, да, и я тоже!

— И потомъ, что за обѣдъ намъ даютъ! Бобы, бобы и бобы. Каша, каша и каша! Или кисель... что можетъ быть противнѣе киселя? Графиня Стэлла права. Здѣсь жить рѣшительно невозможно! — возмущалась толстенькая розовая дѣвочка лѣтъ десяти.

— И почему такъ рано намъ велѣли съѣхаться?

— Еще только 10-ое августа, а у насъ уже начались классы,—возмущалась черненькая, какъ жучокъ, толстушка.

— Дѣвочки, кто взялъ мой мячикъ? Отдайте мнѣ мой мячикъ!—кричала прелестная дѣвчурка, которой на видъ было лѣтъ шесть и которую всѣ безъ исключенія любили въ пансіонѣ и баловали напропалую.

— Кто взялъ мячикъ малютки?—повысивъ голосъ на всю залу закричала некрасивая, но бойкая дѣвочка, Фимочка Ярошъ или Ярышка, какъ ее называли въ пансіонѣ.

— Хоть-бы что-нибудь случилось, что-ли! Хоть-бы пожаръ или крыша свалилась!—тянула бѣлокурая красавица недовольнымъ голосомъ,—все-таки происшествіе въ нашей скучной жизни.

— Графинѣ Стэллѣ скучно, потому что ей нечего дѣлать!—выскочила впередъ смуглая черноволосая дѣвочка, похожая на цыганку, съ большимъ горбомъ за плечами.—Графиня Стэлла—лѣнтяйка!

— Молчи! Какъ смѣешь ты говорить дерзости мнѣ!—произнесла красавица съ бѣлокурыми косами.

— А, ваша свѣтлость, простите великодушно! Я хотѣла только сказать, что ваша свѣтлость не нахо-

дить подходящаго для своего графскаго достоинства дѣла!—кривлялась и дурачилась горбунья.

— Молчать!—еще разъ прикрикнула та, которую звали графиней Стэллой, хотя она была вовсе не графиней, а простой Степанидой Ивановой, а прозвали ее такъ въ насмѣшку—за ея чванство и гордый нравъ.

Неизвѣстно чѣмъ-бы кончилась эта ссора, если-бы въ комнату не влетѣла надзирательница, которую звали Настасьей Аполлоновной и которую пансіонерки прозвали совою—за ея огромные выпученные круглые глаза, очень похожіе на глаза этой птицы.

— Дѣти, не шумите! Директоръ пріѣхалъ!—прокричала она испуганнымъ голосомъ.

— Сова—хищная птица!—раздалось въ одномъ углу залы бойкимъ, веселымъ выкрикомъ.

— Она не спитъ по ночамъ,—вторилъ другой голосъ изъ другого угла комнаты.

— И ѣстъ всякую падаль, — подвизгивалъ чей-то тоненькій дѣтскій голосокъ.

— Въ родѣ пансіонерскаго жаркого!—выкрикнула новая шалунья.

И всѣ одиннадцать пансіонерокъ разразились громкимъ смѣхомъ.

— Что такое? Что такое? — недоумѣвала надзирательница, не знавшая, что всѣ эти злыя выходки относились къ ней.

— Настасья Аполлоновна, — подскочила къ ней Ярышка, глядя прямо въ глаза своей наставницѣ,—а вы любите совъ?—и тотчасъ же добавила залпомъ:—а я ихъ терпѣть не могу: глупая и безобразная птица.

— И я!—вторила ей горбунья.

— И я! И я! — кричали со всѣхъ сторонъ дѣвочки.

— Тише!—стараясь заглушить голоса дѣтей прикрикнула Настасья Аполлоновна, — сію минуту тише! Или я пожалуюсь г. Орлику.

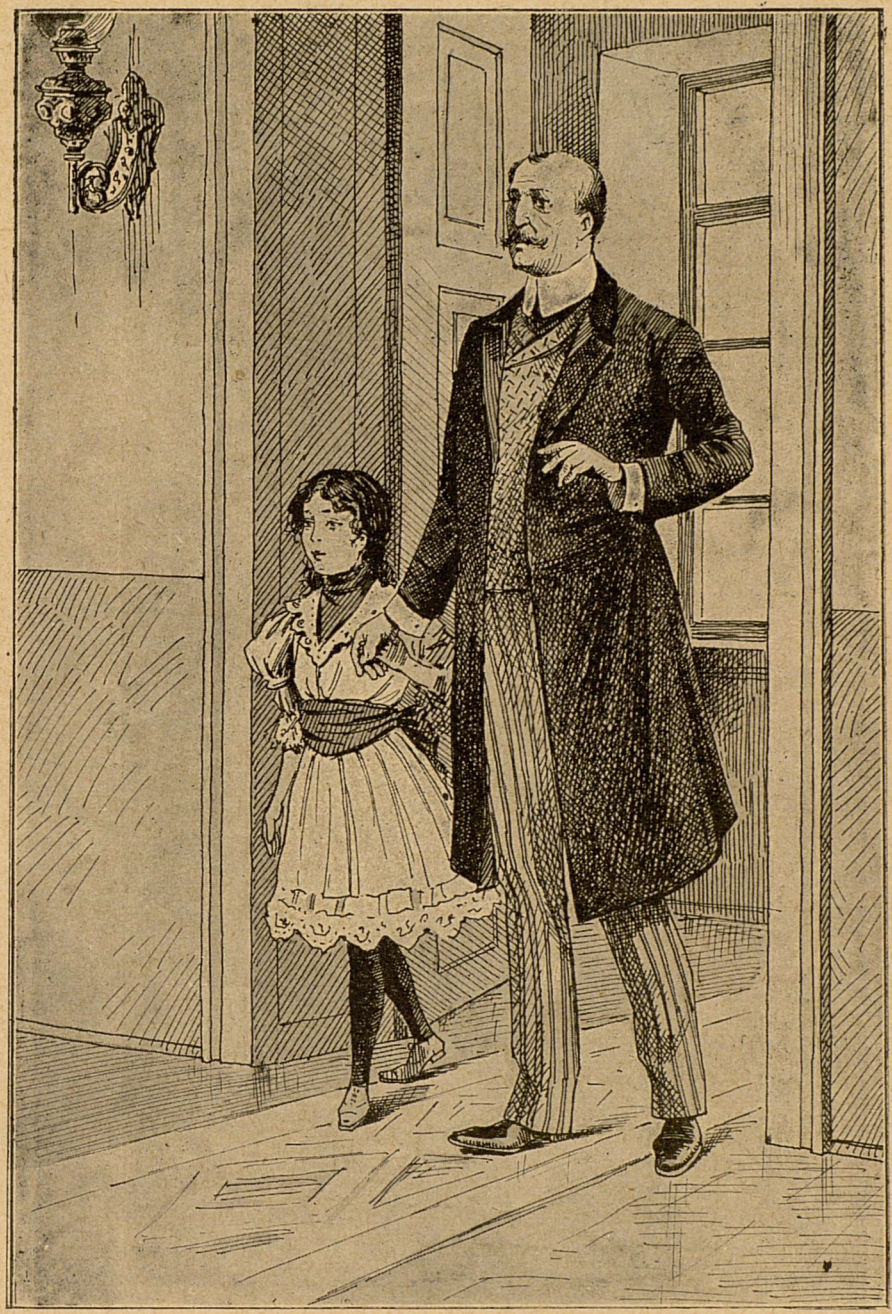
Это была не шуточная угроза. Г. Орлика боялись даже самыя безстрашныя изъ пансіонерокъ. Всегда изысканно вѣжливый, онъ никогда не бранилъ дѣвочекъ, но зато относительно наказаній былъ неумолимо строгъ и наказывалъ ввѣренныхъ ему воспитанницъ за малѣйшій проступокъ.

Дѣвочки, послѣ этой угрозы, сразу присмирѣли— и во-время, потому что въ эту минуту дверь распахнулась и въ залъ вошелъ знакомый уже читателю высокій, худой господинъ, ведя за руку маленькую дѣвочку, въ которой не трудно было узнать проказницу Тасю.

Пансіонерки сдѣлали низкій реверансъ директору и во всѣ глаза смотрѣли на новенькую.

— Барышни!—произнесъ г. Орликъ,—я привелъ вамъ новую товарку, m-lle Татьяну Стогунцеву. Прошу любить и жаловать. Маргарита Вронская, вы, какъ самая старшая изъ дѣвочекъ, возьмите новенькую подъ свое покровительство. Надѣюсь, вы поможете пріучить ее къ нашимъ требованіямъ и порядкамъ. А теперь я пойду уснуть съ дороги, а вы познакомьтесь съ вашей новой подругой, барышни, и разскажите ей все, что требуется отъ васъ въ пансіонѣ.

Едва только успѣлъ окончить эту небольшую, но



Вошелъ высокій господинъ, ведя за руку Тасю...

весьма внушительную рѣчь директоръ, какъ позади толпы дѣвочекъ послышался звонкій голосъ, выкрикнувшій особенно задорно:

— Спокойной ночи!

Г. Орликъ съ минуту оглядывалъ весь кругъ дѣвочекъ, перебѣгая взглядомъ съ одного лица на другое, и вдругъ поднялъ руку, указывая ею на одну изъ пансіонерокъ.

— M-lle Васильева, — произнесъ онъ со своимъ обычнымъ спокойствіемъ,—вы пожелали мнѣ спокойной ночи въ два часа дня при полномъ блескѣ солнца. Такъ какъ вы не въ мѣру любезны сегодня и несвоевременно высказываете ваши пожеланія, то ужъ будьте любезны до конца и потрудитесь покараулить меня у дверей моей комнаты и прослѣдить, чтобы эти дѣвицы не шумѣли и дали мнѣ хорошенько отдохнуть съ дороги!

Произнеся это, г. Орликъ удалился, мягко ступая по паркету своими безшумными подошвами.

Васильева или «Котошка», какъ ее называли подруги, даже въ лицѣ измѣнилась отъ словъ г. Орлика. Она знала, что директоръ проспитъ очень долго и что ей придется часа три или четыре пробыть на часахъ у его дверей. Это было не легкое наказаніе — стоять на часахъ, когда другія дѣвочки бѣгали и играли въ залѣ.

Бѣдная Котошка не посмѣла ослушаться своего начальника и молча послѣдовала за нимъ, низко наклонивъ свою повинную голову.

Лишь только шаги г. Орлика затихли въ отдале-

ніи, вся толпа дѣвочекъ разомъ засуетилась, зашумѣла и со всѣхъ сторонъ обступила Тасю.

— Вы издалека пріѣхали?—кричала одна.

— А вы не сирота?—вторила ей другая.

— У васъ есть мама?—перекрикивала четвертая.

— А братья?

— А сестры?

— А вы пшенную кашу съ тыквой любите?

— У насъ безъ нея дня прожить не могутъ, безъ этой глупой каши.

— Чтожъ вы молчите?

— Или вы нѣмая?.. Она нѣмая, господа,—громче всѣхъ кричала Ярошъ, влѣзая на стулъ подлѣ Таси и въ одну минуту срывая шляпу съ головы новенькой.

Тася, смутившаяся было въ первую минуту отъ присутствія столькихъ дѣвочекъ, теперь разомъ пришла въ себя, разсерженная этой внезапной выходкой Фимочки.

— И совсѣмъ я не нѣмая!—сердито бросила она, зло поблескивая на дѣвочекъ своими черными глазками.—Оставь мою шляпу! — окончательно разсердившись прикрикнула она на Фимочку.

— На, возьми! Развѣ я тебѣ мѣшаю,—со смѣхомъ проговорила та и поднесла шляпу къ самому лицу Таси.

Но лишь только дѣвочка собралась взять ее, какъ шляпа моментально исчезла и очутилась на головѣ Ярышки. Нѣкоторыя изъ пансіонерокъ залились веселымъ смѣхомъ и шумно одобряли ловкость Ярошъ.

Тася вскипѣла и, не долго думая, подскочила кверху,

стараясь уцѣпиться руками за шляпу. Она была вся красная отъ злости. Глаза ея блестѣли, какъ у дикаго волчонка.

— Отдай шляпу!—кричала она внѣ себя, стараясь стащить Ярошъ со стула.

И вдругъ ей удалось дотянуться до шляпы, и она изо всѣхъ силъ рванула ее съ головы шалуньи. Шляпа очутилась въ рукахъ Таси, но заодно съ нею очутился и цѣлый клокъ волосъ съ головы Ярышки, нечаянно захваченный вмѣстѣ со шляпой.

Ярошъ вскрикнула отъ боли и обиды.

— Злючка! Злючка! — кричала она вся багровая отъ волненія.

— Злючка! Злючка!—вторили ей остальныя дѣвочки.

— Драчунья! Она драчунья, неправда-ли, дѣвочки?—стонала Ярошъ.

— Да! Разумѣется, драчунья! Злюка! Злюка! Драчунья!—подхватили всѣ.

— Вотъ, подожди, мы проучимъ тебя! — кричала Ярошъ, грозя Тасѣ пальцемъ.

Вмѣсто отвѣта Тася сердито тряхнула головою и, прежде чѣмъ кто-либо изъ дѣвочекъ могъ предвидѣть это, изо всей силы толкнула стулъ, на которомъ стояла Ярошъ.

Стулъ зашатался и упалъ, а съ нимъ вмѣстѣ полетѣла на полъ и злополучная Ярышка.

— Ахъ! такъ вотъ ты какая! Такъ вотъ она какая, дѣвочки!—кричали взбѣшенныя пансіонерки.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого нельзя такъ оставить! Вонъ

бѣдняжка Ярышечка плачетъ отъ боли... Зовите сюда директора, г-на Орлика, зовите! Пусть онъ построже накажетъ эту звѣрюшку! — надрывалась смугленькая горбунья, и черные глаза ея горѣли гнѣвомъ.

Но г. Орлика звать не пришлось. Онъ самъ вышелъ на шумъ изъ своей спальни и, не найдя надзирательницы въ залѣ, обратился къ Маргаритѣ, какъ къ самой старшей, прося ее объяснить въ чемъ дѣло.

— Такъ вотъ оно что, — произнесъ онъ строго, выслушавъ юную пансіонерку.—Я ошибся, думая, что однимъ переселеніемъ изъ родительскаго дома въ пансіонъ могъ уже повліять на дурной характеръ Стогунцевой. Оказывается, барышнѣ нужны болѣе крутыя мѣры. Извольте, сударыня, слѣдовать за мною, — своимъ обычнымъ вѣжливымъ тономъ обратился онъ къ Тасѣ.

Сердечко Таси екнуло. Она не осмѣлилась, однако, ослушаться строгаго директора и покорно послѣдовала за нимъ. Пройдя нѣсколько комнатъ Василій Андреевичъ (такъ звали г. Орлика) толкнулъ какую-то дверцу, и Тася очутилась въ маленькой, полутемной каморкѣ съ однимъ крошечнымъ окошечкомъ безъ стекла, выходящимъ въ коридоръ. Въ ту же минуту г. Орликъ вышелъ, не говоря ни слова: задвижка щелкнула, и Тася осталась одна-одинешенька въ своей темной каморкѣ.

ГЛАВА XI.

Въ карцерѣ.

Горькія слезы хлынули изъ глазъ дѣвочки. Она бросилась на полъ съ громкимъ рыданьемъ, звала маму, няню, Павлика, какъ-будто они могли услышать ее за нѣсколько десятковъ верстъ. Разумѣется, никто не приходилъ и никто не откликался на ея крики. Тогда Тася вскочила на ноги и, подбѣжавъ къ плотно запертой двери, изо всей силы стала колотить въ нее ногами, крича во все горло:

— Выпустите меня, или я умру здѣсь! Умру! умру! умру! Гадкіе! Противные! Мучители!

Но никто не откликается — прежняя тишина царитъ вокругъ дѣвочки, точно весь пансіонъ вымеръ и тамъ нѣтъ ни души.

Тогда, видя всю безполезность криковъ и угрозъ, утомленная и измученная Тася какъ снопъ повалилась на стоявшую въ углу каморки постель и, уткнувшись лицомъ въ подушку, тихо заплакала.

Это уже не были слезы злости, изступленія. Въ душѣ Таси впервые промелькнуло раскаяніе во всѣхъ

ея прежнихъ выходкахъ и капризахъ. Ее неудержимо потянуло домой—къ доброй мамашѣ, къ сестрицѣ и брату, которыхъ она столько разъ огорчала. Ей припомнились всѣ мамины заботы и ласки, припомнились и послѣднія событія, день маминаго рожденія,—рѣшающій Тасину судьбу день.

Мама увидѣла, что ничто не можетъ исправить ея дѣвочку, и пригласила г. Орлика пріѣхать за нею. О, этотъ г. Орликъ, какъ онъ былъ вѣжливъ съ нею, Тасей, въ дорогѣ, пока они ѣхали на станцію, и нѣсколько часовъ, проведенныхъ въ вагонѣ поѣзда, доставившаго ее сюда! Даже въ тѣ минуты, когда Тасю охватывало желаніе капризничать, онъ старался очень вѣжливо обходиться съ нею. Но эта самая вѣжливость пугала дѣвочку больше всякихъ криковъ и угрозъ. Подъ вѣжливымъ обращеніемъ Орлика чувствовалась желѣзная рука, которая могла направить ее въ какую угодно сторону. Тася почувствовала это и сразу возненавидѣла своего директора. Злость на него, на «злыхъ дѣвчонокъ», какъ она называла пансіонерокъ, наполняла теперь до краевъ ея маленькое сердечко.

— Мама, мама, зачѣмъ ты отправила меня сюда? Здѣсь только мучаютъ бѣдную Тасю!—всхлипывая говорила дѣвочка, совершенно забывая о томъ, что она сама и была главною причиною всѣхъ своихъ несчастій.

И вдругъ внезапный порывъ злобы снова охватилъ ее.

— А если такъ,—вскричала она,—то я знаю, что мнѣ надо дѣлать! Вы думаете, что этотъ гадкій пан-

сіонъ исправитъ меня и сдѣлаетъ хорошей? А я стану на-зло вамъ еще хуже, еще злѣе въ этомъ гадкомъ пансіонѣ,—вотъ увидите, увидите, увидите!

И она злорадно улыбнулась, представивъ себѣ, какъ г. Орликъ отправитъ ее домой, безсильный исправить ее, и мама скажетъ Марьѣ Васильевнѣ:

— Напрасно, Маріе, вы совѣтовали мнѣ отдать Тасю изъ дома. Это не помогаетъ.

И у Маріе будетъ кислое лицо, кислое, точно она выпила уксусъ. А Тася скажетъ на это мамѣ:

— Я исправлюсь, мамочка, дома, а въ пансіонѣ я всегда-бы дурно вела себя, потому что я не хочу быть въ пансіонѣ.

И тогда мама поцѣлуетъ Тасю и скажетъ:

— Я тебя прощаю, только старайся исправиться поскорѣе.

А Маріе она выгонитъ изъ дома.

— Да, да, выгонитъ, выгонитъ! Непремѣнно!—злорадствовала Тася.

Она такъ углубилась въ свои мысли, что не замѣтила, какъ сгустились сумерки, и въ каморкѣ наступила полная темнота.

— Меня, кажется, совсѣмъ позабыли,—съ горечью подумала дѣвочка, и, чтобы напомнить о себѣ, громко закричала:—г. Орликъ! г. Орликъ!

Но попрежнему никто не отзывался на ея зовъ.

Тасѣ становилось жутко. Къ тому-же она начинала ощущать голодъ, такъ какъ не ѣла съ самаго отъѣзда изъ дома. Правда, Василій Андреевичъ предлагалъ ей чаю и бутербродовъ на вокзалѣ, но она гордо заявила

на это, что не станетъ ѣсть всякую гадость. Теперь же желаніе чего-нибудь покушать все сильнѣе и сильнѣе охватывало ее. Къ довершенію всего въ каморкѣ стало совсѣмъ темно, а Тася не любила и боялась темноты.

И вотъ она сидѣла, подавленная и притихшая, въ углу на постели и смотрѣла въ темноту широко раскрытыми испуганными глазами.

Неожиданный шорохъ въ углу заставилъ вздрогнуть дѣвочку.

И въ ту-же минуту двѣ ярко горящія точки привлекли ея вниманіе.

Точки приближались, блестя въ темнотѣ, какъ два маленькихъ фонарика, и направляясь прямо къ Тасѣ. Какое-то странное фырканье послышалось въ томъ-же углу. Потомъ свѣтящіяся точки приблизились окончательно и что-то мягко и безшумно прыгнуло на колѣни Таси.

— Ахъ!—вскричала дѣвочка и въ ужасѣ закрыла глаза.

ГЛАВА XII.

Это была кошка!—Добрый геній.

АХЪ!—вторилъ Тасѣ чей-то незнакомый крикъ со стороны окошечка.

И вмигъ послышалось чирканье спичекъ. Окно освѣтилось, освѣтилась и каморка.

Тася, вся замирая отъ страха, открыла глаза и... громко расхохоталась. Напугавшія ее такъ свѣтящіяся точки оказывались двумя ярко горящими глазами замѣчательно красивой рыжей кошечки. Кошка была преласковая. Она терлась о колѣни Таси и заглядывала ей въ лицо, умильно виляя своимъ желто-бурымъ хвостикомъ.

А въ окошко, теперь освѣщенное яркимъ огнемъ свѣчи, смотрѣла бѣлокурая головка дѣвочки съ большими ласковыми глазами и двумя туго заплетенными косичками по плечамъ.

Появленіе бѣлокурой головки такъ удивило Тасю, что она мигомъ забыла и про рыжую кошку, и про недавніе страхи.

— Какъ ты сюда попала? — съ удивленіемъ спрашивала она бѣлокурую незнакомку.

— Очень просто. Я встала на сундукъ, гдѣ хранятся платья m-lle Орликъ, потомъ на стулъ и дотянулась до окошка. Мнѣ стало жаль тебя, я и пришла навѣстить тебя и успокоить. Ты, должно быть, боишься темноты.

— Кто ты? — снова спросила Тася, которой сразу понравилось открытое, симпатичное личико дѣвочки.

— Я — Дуся.

— Кто?

— Дуся, Евдокія. Дѣвочки меня такъ прозвали. Онѣ любятъ меня.

— Твои дѣвочки злючки. Я ихъ терпѣть не могу, твоихъ дѣвочекъ!—снова вспыхнула Тася.

— Нѣтъ, дѣвочки добрыя,—убѣжденно и спокойно подтвердила Дуся. — Ты вѣрно злая сама, если считаешь злыми другихъ. Увидишь, какія онѣ добрыя. Ярышка извиняется передъ тобой, что отнимала у тебя шляпу, и проситъ передать тебѣ, чтобы ты не безпокоилась, что сдѣлала ей больно.

— Я и не безпокоюсь...

— Вотъ ты какая! — и бѣлокурая дѣвочка изумленно вытаращила глаза, какъ-бы разглядывая Тасю, потомъ, словно спохватившись, сказала: — Красавица прислала тебѣ пирожное.

— Кто прислалъ?

— Маргарита. Самая красивая и самая большая изъ всѣхъ дѣвочекъ. Вотъ она и прислала тебѣ сладенькаго. Только я откусила кусочекъ: хотѣла узнать, изъ чего оно сдѣлано. Ты не сердишься?

— Нѣтъ. Ты славная! Ты не знаешь, скоро выпустятъ меня отсюда?

— Нѣтъ, не скоро. Ты вѣрно проведешь ночь въ карцерѣ. У насъ всегда запираютъ на ночь дѣвочекъ, которыя не умѣютъ быть добрыми. Меня ни разу не запирали, а Ярышку много разъ. Она самая большая шалунья изъ всего пансіона.

— Но я боюсь оставаться въ карцерѣ на ночь! — закричала сердитымъ голосомъ Тася.

— Почему ты такъ кричишь? Развѣ я глухая? — удивилась Дуся.—Ты кричи нашей кухаркѣ: она плохо слышитъ, ей надуло въ уши послѣ бани. А мнѣ не надуло, и я хорошо слышу,—спокойно пояснила бѣлокурая Дуся и, помолчавъ немного, добавила снова:— такъ ты боишься? Г. Орликъ говоритъ, что боятся только люди съ нечистою совѣстью. А знаешь,—снова, послѣ минутнаго молчанія, проговорила она,—я приду къ тебѣ ночевать, хочешь?

— Да вѣдь тебѣ достанется.

— Нѣтъ. Меня очень любятъ и Василій Андреевичъ, и Анна Андреевна. Меня никогда не бранятъ. Вѣрно оттого, что я сиротка.

— Ты сиротка?—удивилась Тася.

— Да. Я тебѣ все разскажу, когда мы уляжемся. Только надо выпустить «Милку». А то она будетъ мяукать и разбудитъ весь домъ.

И съ этими словами голова и свѣчка исчезли въ окошкѣ, и на минуту въ каморкѣ водворилась прежняя темнота. Черезъ секунду, однако, свѣтъ снова появился, за дверью щелкнула задвижка, и на порогѣ, освѣщенная мерцающимъ свѣтомъ свѣчи, появилась бѣлокурая головка Дуси. Она казалась очень худень-

кимъ и маленькимъ созданьемъ съ прозрачно-болѣзненнымъ личикомъ и не-дѣтски серьезными глазками, которые смотрѣли такъ открыто и прямо, что, глядя въ эти глаза, самый отъявленный лгунишка не посмѣлъ бы солгать.

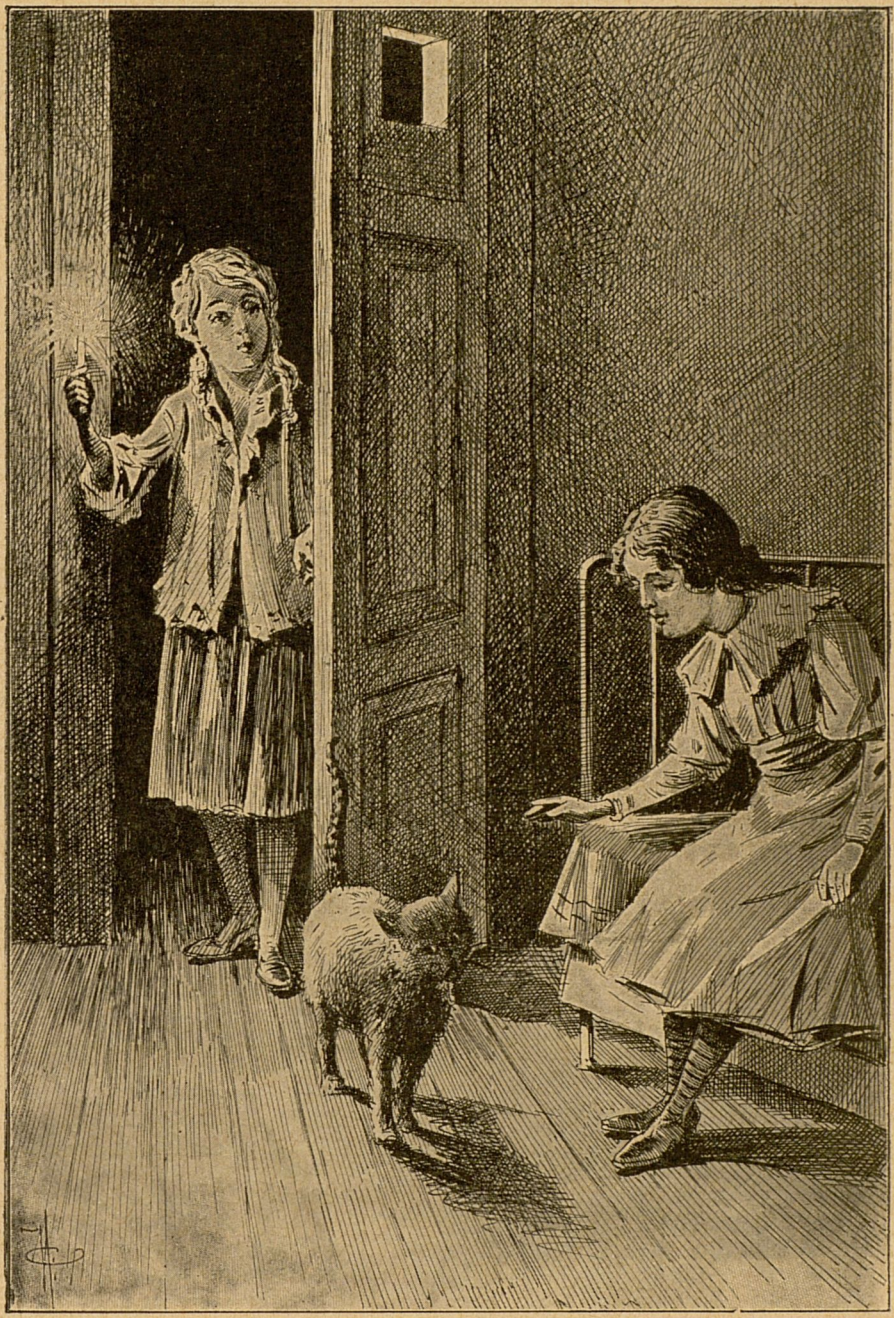
— Ну, вотъ и я!—произнесла худенькая дѣвочка.— Вдвоемъ не будетъ страшно здѣсь въ карцерѣ. Только Милку выгонимъ. Пошла вонъ, Милка! — замахала она рукой на кошку.

Послѣдняя съ недовольнымъ мяуканьемъ, выгибая кольцомъ свою красивую, полосатую спину, выскользнула изъ комнаты.

— Ну, ложись-же. Ты къ стѣнкѣ, а я съ краю, чтобы успѣть утромъ вскочить и убѣжать на случай, если Сова или Сушка зайдутъ сюда.

— Кто?—изумилась Тася.

— Сова—это Настасья Аполлоновна, надзирательница. Сушка—сестра г. Орлика, Анна Андреевна. У насъ у всѣхъ здѣсь прозвища. Только меня Дусей называютъ. А у остальныхъ дѣвочекъ у всѣхъ названія. Самая старшая, Маргарита Вронская—Красавица. Вторая, Степанида Иванова — графиня Стэлла, ее прозвали такъ въ насмѣшку. Она очень важничаетъ передъ всѣми нами. Горбатенькая Вавилова—Карлуша. Ты видѣла несчастную дѣвочку съ горбомъ? Такъ вотъ она Карлуша. Машенька Степановичъ — Гусыня. Она очень глупенькая. Нѣмку Лизу Бергъ зовутъ Птичкой. Она все поетъ цѣлый день. Фиму Ярошъ—Ярышкой. Потомъ идетъ Малютка — Нина Рузой. Потомъ двухъ близнецовъ, сестеръ Нагибиныхъ, Анночку и Софочку,



На порогѣ появилась Дуся...

зовутъ Зайкой и Лиской, потому что одна такая бѣленькая, какъ зайчикъ, а у другой остренькое личико, какъ у лисички. Маруся Васильева—Коташка или Котикъ, и, наконецъ, мы зовемъ черненькую Галю Каховскую—Пчелкой. Вотъ тебѣ и весь пансіонъ. У насъ славныя дѣвочки. Только графиня Стэлла чуточку заносчивая, Гусыня—глупенькая, Карлуша—злючка немножко, да Ярышка—проказница невозможная, и хохлушка съ Коташкой также, а въ общемъ всѣ очень хорошія.

— А г. Орликъ и его сестра?

— Они очень строги, но справедливые. Сова сердитая. Только если съ нею вѣжливы, то и она не сердится никогда.

— А ты давно въ пансіонѣ?

— Давно. Раньше всѣхъ. Меня привезли сюда совсѣмъ маленькой, я и не помню даже когда. Сюда вѣдь не только для ученья возятъ, но и для исправленья и воспитанія сиротокъ. Напримѣръ, вотъ Гусыню сюда привезли отъ лѣни отучить. Ее изъ гимназіи за лѣнь выключили. Пансіонъ г. Орлика отчасти и исправительное заведеніе.

— Я знаю!—процѣдила Тася сквозь зубы и густо покраснѣла въ своемъ уголку.

— Ахъ, да, я тебѣ пирожное принесла. Красавицыно. Ѣшь.

Тася взяла пирожное и въ два пріема съѣла его.

Дуся удивленно смотрѣла на нее, пока она ѣла.

— Что ты?—спросила Тася.

— Нѣтъ, ничего. Я думала, что ты со мною подѣлишься. Я всегда дѣлюсь.

Тася промычала что-то и отвернулась къ стѣнѣ, оставивъ очень мало мѣста для своей сосѣдки. Но Дуся нимало не смутилась этимъ. Она была очень нетребовательная дѣвочка. Дуся потушила свѣчку и примостилась, свернувшись клубочкомъ, въ углу постели.

Черезъ нѣсколько минутъ обѣ дѣвочки, и бѣленькая Дуся, и порядочно измученная долгимъ путемъ и слезами Тася, крѣпко уснули, каждая на своемъ уголкѣ.

ГЛАВА XIII.

Первый день въ пансіонѣ.

Глухой ударъ колокола, повѣшеннаго въ передней пансіона, разбудилъ Тасю. Она проворно вскочила съ постели, рѣшительно не понимая, гдѣ находится. Темная каморка стала свѣтлѣе. Свѣтъ, проникавшій сюда изъ коридора, дѣлалъ крошечную комнату много уютнѣе, нежели ночью. Ночной гостьи не оказалось на постели рядомъ и Тасѣ показалось даже, что она видѣла бѣлокурую Дусю только во снѣ.

Едва Тася успѣла открыть глаза, какъ щелкнула задвижка, и въ каморку вошла Настасья Аполлоновна. Надзирательница нѣсколько минутъ молча смотрѣла на Тасю, Тася—на надзирательницу.

Потомъ Настасья Аполлоновна пожала плечами въ знакъ своего изумленія и сказала:

— Когда старшіе входятъ въ комнату, младшіе должны здороваться съ ними. Вы должны поздороваться со мною, Стогунцева. Я—ваша классная дама.

— Здравствуйте, классная дама!—произнесла Тася невозмутимымъ тономъ, желая выказать на этотъ

разъ послушаніе, чтобы получить прощеніе и возможно скорѣе выйти изъ карцера.

Она была изумлена, увидѣвъ, что полныя щеки классной дамы покрылись густымъ румянцемъ негодованія и гнѣва.

«За что-же она сердится?»—изумилась дѣвочка при видѣ этого разгнѣваннаго лица.

Должно быть, ея собственное личико было очень смиренно въ эту минуту, потому что Сова разомъ успокоилась и сказала:

— Надо говорить: здравствуйте, m-lle!

— Хорошо,—покорно отвѣчала Совѣ Тася,—я буду говорить такъ, какъ вы желаете, потому что мнѣ хочется ѣсть и очень надоѣло сидѣть въ этомъ противномъ карцерѣ. Скажите, m-lle классная дама, гдѣ я могу найти что-нибудь поѣсть? — черезъ минуту добавила она.

— Говорите прямо m-lle, не смѣйте прибавлять— классная дама,—снова заволновалась Сова.

— Ну, прямо m-lle,—разомъ согласилась Тася, — дайте мнѣ ѣсть!

— Все будетъ въ свое время!—произнесла строго надзирательница. — Прежде всего идите въ уборную. Одѣньтесь тамъ въ пансіонерское платье, умойтесь и причешитесь, и когда ударитъ колоколъ, приходите вмѣстѣ съ другими пить чай.

— Я пила у мамы какао по утрамъ.

— Здѣсь вы будете пить то, что вамъ дадутъ,— еще строже произнесла Настасья Аполлоновна.

«Такая-же злючка, какъ наша Маришка. Вотъ

противная!»—мысленно рѣшила Тася. Однако, не посмѣвъ ослушаться, покорно двинулась слѣдомъ за классной дамой.

Въ небольшой комнатѣ, куда привела ее надзирательница, стояло нѣсколько умывальниковъ, подлѣ которыхъ плескались и мылись пансіонерки.

— Новенькую простили! Новенькую простили!— кричала бойкая Фимочка Ярошъ, старательно намыливая себѣ руки.

— Пойдемте, я покажу вамъ вашу постель въ дортуарѣ, — подошла къ Тасѣ Маргарита Вронская или «Красавица», какъ ее называли дѣвочки.

Маргарита была дѣйствительно прехорошенькая. Тонкое личико, точеный носикъ съ горбинкой и ласковые голубые глаза притягивали къ ней каждаго, кто ни взглянетъ на дѣвочку. Тасѣ она понравилась больше другихъ. Къ тому-же она не дразнила Тасю наканунѣ и теперь обращалась съ нею такъ, то но ничего не происходило между новенькой и остальными.

— А вы, должно-быть, хорошая, — сказала Тася, любуясь дѣвочкой, и, подпрыгнувъ, неожиданно чмокнула Вронскую въ самыя губы.

Та разсмѣялась.

— Забіяка пришла! Забіяка! — снова раздался за плечами Таси знакомый голосъ.

Она быстро оглянулась и увидѣла Ярышку, насмѣшливо щурившую на нее свои бойкіе глаза.

— Фима, молчи! Не смѣй задирать новенькую, — и бѣлокурая Дуся быстро подбѣжала къ Тасѣ. — Онѣ

тебя не тронутъ больше, только ты сама не дразни ихъ,—поспѣшно шепнула она ей на ухо.

Дуся не солгала, сказавъ, что ее любятъ въ пансіонѣ. Маленькую сиротку слушались съ перваго слова. Даже самая отчаянная шалунья Ярошъ и злая горбунья Карлуша повиновались ей безпрекословно.

Ровно въ восемь часовъ снова ударилъ большой колоколъ. Это глухая кухарка, готовившая для пансіонерокъ обѣдъ, звонила къ утреннему чаю.

Дѣвочки съ веселымъ смѣхомъ и шумомъ вошли въ столовую, но при видѣ сидѣвшаго тамъ за столомъ съ газетой въ рукахъ г. Орлика и его строгой сестры, разливавшей чай, разомъ притихли.

Каждая изъ пансіонерокъ заняла свое мѣсто за завтракомъ, состоявшимъ изъ стакана чаю и куска свѣжаго ситника.

Тася очутилась какъ разъ между Дусей и Маргаритой Вронской.

Дѣти пили чай въ глубокомъ молчаніи.

И вдругъ, среди гробовой тишины, раздался звонкій голосокъ Таси:

— А что у васъ сегодня за обѣдомъ на сладкое?

Это было такъ неожиданно, что г. Орликъ выронилъ газету, а m-lle Орликъ — крышку съ чайника, которая, со звономъ упавъ на полъ, тутъ-же разбилась вдребезги.

Тасѣ показалось это очень смѣшнымъ.

Она расхохоталась на всю комнату, пригибаясь головой къ столу, при чемъ задѣла кружку съ чаемъ—

кружка опрокинулась, и на скатерти образовалось огромное пятно.

— Ай-ай-ай! Вотъ и Черное море!—кричала Тася, еще громче заливаясь смѣхомъ,—а вотъ и лодочка. Я пустила по морю лодочку, глядите! — кричала она, отрывая кусокъ ситнаго и бросая его въ лужицу.

Кое-кто изъ дѣвочекъ фыркнулъ, кое-кто тихо смѣялся, закрывая ротъ платкомъ.

— М-lle Стогунцева! — произнесъ своимъ невозмутимымъ голосомъ г. Орликъ,—потрудитесь пересѣсть за штрафной столъ у окна,—и онъ указалъ жестомъ, куда слѣдовало сѣсть Тасѣ.

Тася оглянулась. У окна стоялъ непокрытый ни скатертью, ни даже клеенкой простой некрашеный деревянный столъ и табуретъ. Она брезгливо поморщилась, но ослушаться, однако, не посмѣла, боясь снова очутиться въ темномъ карцерѣ.

Новый ударъ колокола возвѣстилъ начало урока. Дѣти прошли на этотъ разъ чинно въ классную—большую свѣтлую комнату въ четыре окна.

Сова подозвала Тасю и велѣла ей сѣсть подлѣ Дуси, фамилію которой тутъ-же узнала дѣвочка: ея бѣлокурую ночную гостью звали Евдокіей Горской.

Не успѣли дѣвочки размѣститься по своимъ мѣстамъ, какъ въ классную вошелъ, подпрыгивая на ходу, господинъ небольшого роста, съ шарообразной толстой фигурой, учитель исторіи, географіи и зоологіи, фамилія котораго была Васютинъ. Сегодня былъ сначала урокъ географіи, остальные предметы слѣдовали за нимъ.

Такъ какъ между воспитанницами г. Орлика была замѣтная разница въ лѣтахъ, то половина ихъ составляла старшее отдѣленіе, которое состояло изъ Красавицы или, вѣрнѣе, Маргариты Вронской, Степы Ивановой, прозванной графиней Стэллой, Лизы Бергъ, Маруси Васильевой и Гали Каховской—смуглой, миловидной хохлушки. Остальныя семь дѣвочекъ составляли младшее отдѣленіе.

Сейчасъ былъ урокъ младшихъ, и старшія, чинно сидя на своихъ мѣстахъ, могли заниматься своимъ дѣломъ.

Петръ Петровичъ Васютинъ своей подпрыгивающей походкой обошелъ учебные столы, за которыми сидѣли дѣвочки во время уроковъ, и, замѣтя новую ученицу, Тасю, спросилъ:

— Новенькая? Славно! Очень радъ познакомиться. Очень радъ! Очень радъ! Учились чему-нибудь изъ географіи?

Тася молчала.

— Учились чему-нибудь изъ географіи?—повторилъ свой вопросъ учитель, съ удивленіемъ разглядывая черноглазую дѣвочку, не умѣвшую отвѣтить ему.

Новое молчаніе было отвѣтомъ ему.

— Что же это съ нею? — обратился, недоумѣвая, учитель ко всему классу, и на лицѣ его выразилось самое неподдѣльное изумленіе.

Кое-кто изъ дѣвочекъ фыркнулъ. Другія сдержанно улыбались, предвидя новую потѣху.

— Она, Петръ Петровичъ, нѣмая! — выкрикнула со своего мѣста неугомонная Ярышка.

— Вотъ какъ! Бѣдняжка!—не то сочувственно, не то насмѣшливо произнесъ Васютинъ.

По лицу новенькой проскользнула плутоватая улыбка, и неожиданно для другихъ Тася вытянула губы и продолжительно замычала на весь классъ: «Ммм! Ммм!» — какъ это обыкновенно дѣлаютъ нѣмые.

Дѣвочки покатились со смѣха. Сова, присутствовавшая на урокѣ, привскочила со своего мѣста и, грозя пальцемъ, кричала:

— Молчать! Сію минуту молчать!

— Ммм! Ммм!—мычала Тася, дѣлая странную гримасу и шевеля странно губами.

— Ха, ха, ха, ха! — покатывались со смѣха пансіонерки.

Нѣсколько минутъ въ классѣ стоялъ гамъ.

И вдругъ надъ всѣмъ этимъ гамомъ, покрывая его, прозвучалъ серебристый голосокъ Дуси:

— Нехорошо! Стыдно! Гадко! Фуй! Фуй! Не умѣешь себя вести за урокомъ.

Сова подскочила къ Тасѣ, схватила ее за руку и вытащила на середину класса.

— Стойте здѣсь! — приказала она строгимъ голосомъ, — и пусть всѣ видятъ, что вы за невозможная дѣвчонка!

Тася немного поблѣднѣла, но сейчасъ же пришла въ себя и дерзко подняла голову.

— Ай, ай, ай, какъ не стыдно! — качая головой, произнесъ Васютинъ и, оглядѣвъ внимательнымъ взоромъ дѣвочку, отвернулся отъ нея, принявшись

объяснять младшимъ пансіонеркамъ, какія моря существуютъ на бѣломъ свѣтѣ и какимъ странамъ принадлежатъ они.

Позанявшись съ младшимъ отдѣленіемъ, онъ перешелъ къ старшему и послѣ полутора часа занятій вышелъ изъ класса своей обычной подпрыгивающей походкой.

ГЛАВА XIV.

День въ пансіонѣ продолжается.

Лишь только учитель вышелъ, дѣвочки съ шумомъ повскакали со своихъ мѣстъ.

— А ты молодецъ, Стогунцева,—подскочивъ къ Тасѣ, проговорила Ярышка.—Мм! Мм!—передразнила она ее,—славно!

— Недурно! — поддержала Фимочку Васильева. — Васютинъ порядочная злюка и его стоитъ хорошенько извести!

— Васильева, вы говорите глупости! Потрудитесь молчать! — произнесла строго подоспѣвшая къ нимъ Настасья Аполлоновна.

Тася, очевидно очень довольная собою, стояла посреди класса съ торжествующей улыбкой на лицѣ. Она себя чувствовала чуть не героиней. Все вниманіе класса было обращено на нее. Ея выходка насмѣшила и позабавила всѣхъ. Дѣвочки улыбались сочувственно, кромѣ старшихъ, которыя занимались своими дѣлами и нимало не обращали вниманія на малышей.

Но радость Таси была преждевременна. Не прошло

и двухъ-трехъ минутъ по окончаніи урока, какъ къ ней приблизилась бѣлокурая Дуся и строго произнесла, уставившись въ лицо Таси своими честными голубыми глазками:

— То, что ты сдѣлала сегодня, гадко и дурно.

Тася вспыхнула.

— Это не твое дѣло!—грубо отрѣзала она.

— То, что ты сдѣлала, нехорошо!—еще разъ произнесла Дуся.

— Убирайся! — внѣ себя вскричала Стогунцева и оттолкнула отъ себя свою новую товарку.

— Дѣвочки! Дѣвочки! Смотрите, она обижаетъ нашу Дусю!—вскричала Маргарита Вронская, видѣвшая эту коротенькую сцену.

— Не смѣй обижать Дусю!—подскочила Васильева къ покраснѣвшей отъ гнѣва Тасѣ.

— Дуся наша милочка! Мы не позволимъ обижать ее!—вторила дѣвочкамъ смугленькая хохлушка Каховская изъ старшаго отдѣленія пансіона.

— Да, да! Не позволимъ!—отозвались близнецы—сестрицы Зайка и Лиска.

— Ахъ, ты, Задира Ивановна, Забіяка Петровна!—подбѣжавъ къ Тасѣ вскричала Ярышка.

— Забіяка! Забіяка! — прыгала вокругъ нея черненькая горбатая Карлуша.

Тася каждую минуту готова была расплакаться злыми безсильными слезами. Къ ея счастью въ классъ вошелъ новый учитель, русскаго языка и ариѳметики, Барановъ, и дѣвочки чинно размѣстились за своими столиками. Одна только Дуся не успѣла занять своего мѣста.

— М-lle Горская!—произнесъ учитель,—что же вы? Прогулку задумали не въ урочное время!

— Это не она виновата, а новенькая! — крикнула со своего мѣста Ярышка.

— Ярошъ, тише! — остановила дѣвочку надзирательница.

— Правда! Правда!—подтвердили всѣ.—Новенькая виновата! Новенькая!

— Мнѣ нѣтъ дѣла, кто виноватъ!—произнесъ Барановъ,—я вижу, что m-lle Горская не на мѣстѣ, и дѣлаю ей замѣчаніе за дурное поведеніе! — заключилъ онъ и, обмакнувъ перо, написалъ что-то въ классномъ журналѣ.

— Это несправедливо,— неожиданно раздался звучный голосъ съ половины старшихъ, гдѣ въ это время большія пансіонерки дѣлали письменную задачу.—Дуся не виновата! Нѣтъ! нѣтъ! — и Маргарита Вронская встала со своего мѣста съ пылающими отъ негодованія щеками.

— Не виновата!—вторила ей и графиня Стэлла.

— Не виновата! — отозвалась всегда тихенькая и невозмутимая Лизанька Бергъ.

— Молчать!—прикрикнула Сова на расходившихся дѣвочекъ.

— Я васъ прошу не шумѣть! — въ свою очередь надрывался учитель.

Но дѣвочки уже не могли успокоиться, разъ дѣло касалось ихъ любимицы Дуси, которую обвиняли незаслуженно по ихъ мнѣнію. Онѣ волновались и шумѣли, какъ стая крикливыхъ воробышковъ.

— Злой Барановъ! Нехорошій,—говорила Ярышка злымъ шопотомъ, глядя на учителя сердитыми, блестящими глазами.

— Противный! Не люблю его! — отозвалась горбунья Карлуша. — Дусю ни за что обидѣлъ! Бѣдная Дуся!

— Онъ Дусю обидѣлъ, а я его,—неожиданно выпалила снова Ярышка,—противный, несносный, скверный... Я ему отплачу за бѣдняжечку Дусю,—и прежде, нежели ея сосѣдка успѣла остановить ее, шалунья низко пригнула голову къ столу и, не шевеля губами, испустила короткое: «Бэ! Бэ! Бэ!» очень похожее на блеяніе барана.

— Это что такое?—такъ и подскочилъ на своемъ мѣстѣ учитель, не понимая, откуда идетъ этотъ крикъ, такъ какъ глаза шалуньи Фимы невозмутимо смотрѣли въ упоръ на него, въ то время какъ губы ея, находившіяся чуть ниже поверхности стола, тщательно выводили:

— Бэ! Бэ! Бэ!

— Что-съ? — окончательно потерялся Барановъ, бѣгая по классу и отыскивая виновную.

— Бэ! Бэ! Бэ! — продолжала неистово Фима, въ то время какъ оба отдѣленія пансіонерокъ, старшее и младшее, чуть не давились отъ тщетнаго усилія удержать смѣхъ.

— Кто это позволяетъ себѣ подобную дерзость?— строго произнесъ учитель, обводя весь классъ испытующимъ взоромъ.

Настасья Аполлоновна, вся красная, какъ морковь,

перебѣгала съ одного мѣста на другое, стараясь накрыть блеявшую проказницу. Но это было не такъ-то легко, какъ казалось. Едва Сова подходила къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла Фима, какъ блеяніе прекращалось въ минуту, а лишь только надзирательница отдалялась въ противоположный уголъ классной, возобновлялось снова съ удвоенной силой.

— Что же это наконецъ такое?—еще разъ неистово крикнулъ, выйдя изъ себя, учитель.

И вдругъ съ ближайшей къ нему скамейки поднялась очень полная, высокая дѣвочка съ широкимъ скуластымъ лицомъ и невыразительными выпуклыми глазами. Это была Машенька Степановичъ, самая лѣнивая, неразвитая дѣвочка изъ всего пансіона, которую подруги прозвали Гусыней за ея глупость.

— Не сердитесь, пожалуйста! — произнесла она, обращаясь къ учителю своимъ лѣниво-спокойнымъ голосомъ, въ то время какъ на рыхломъ, широкомъ лицѣ ея появилась невыразимо глупая улыбка. — Не сердитесь, пожалуйста, г. учитель, мы не виноваты. Въ классѣ появился баранъ, это онъ, а не мы.

Замѣчаніе Машеньки переполнило чашу. Дѣвочки не могли сдерживаться дольше отъ обуявшаго ихъ смѣха и дружный взрывъ хохота огласилъ своды пансіона.

Учитель, принявъ замѣчаніе Гусыни за новую насмѣшку надъ нимъ, окончательно вышелъ изъ себя и теперь кричалъ что-то, чего нельзя было разслышать за веселымъ хохотомъ пансіонерокъ. И весь этотъ шумъ покрывало попрежнему неумолкаемое и пронзительное, какъ свистокъ: «Бэ-Бэ-Бэ!» Фимочки.

Плохо бы окончился урокъ для не въ мѣру расшалившихся дѣвочекъ, потому что Барановъ уже нѣсколько разъ повторилъ имя Орлика, какъ вдругъ неожиданно со своего мѣста поднялась Тася Стогунцева и, сдѣлавъ изъ своихъ рукъ подобіе рупора, прокричала во весь голосъ громко, какъ въ лѣсу, заглушая и смѣхъ, и блеяніе, и крикъ учителя:

— Это не баранъ, а Ярошъ, г. учитель! Это Ярошъ изображаетъ барана. Вотъ кто!

И она указала пальцемъ на разомъ притихшую Ярышку.

Впечатлѣніе получилось неожиданное.

Смѣхъ оборвался разомъ, шумъ прекратился.

— Стогунцева — ябедница! Шпіонка!—зашептали во всѣхъ углахъ дѣвочки.

— Ну, такъ что-же! — крикливо вторила имъ Тася, — и пусть. Вы меня браните забіякой, задирой. Вы меня дразните, такъ вотъ же вамъ за это! Вотъ вамъ!

И она торжествующими глазами обвела весь классъ.

— И отлично сдѣлали! — произнесъ учитель, — я васъ хвалю за это! Дурные поступки должны быть указаны; это не ябедничество, а долгъ каждой изъ васъ! Вы справедливо поступили, m-lle Стогунцева.

Ласково кивнувъ Тасѣ, онъ бросилъ уничтожающій взглядъ на Ярошъ и произнесъ строго:

— Вашъ поступокъ будетъ оцѣненъ по заслугамъ г. директоромъ,—и сталъ объяснять новый урокъ къ слѣдующему дню.

Ровно въ часъ ударилъ большой колоколъ, призывающій къ обѣду. Г. Барановъ, не прощаясь съ дѣвочками, очевидно еще разсерженный ихъ выходкой, поспѣшно вышелъ изъ класса.

И тотчасъ же, лишь только фигура учителя скрылась за дверью, пансіонерки шумной толпой окружили Тасю.

— Шпіонка! Доносчица! Фискалка! — кричали однѣ.

— Стыдно доносить и фискалить! Фи, безстыдница!—вторили имъ другія.

— Дѣвочки, оставьте ее, — послышался за ними нѣжный голосокъ Дуси,—она нечаянно выдала Фиму. Право, нечаянно! Вѣдь ты нечаянно это сдѣлала? — обратилась къ Тасѣ милая дѣвочка, глядя ей прямо въ глаза своими свѣтлыми, чистыми глазками.—Вѣдь ты не хотѣла? Ты не подумала раньше, чѣмъ сдѣлала это?—спрашивала она Тасю и, обнявъ ее, не спускала съ лица Стогунцевой своего лучистаго ласковаго взгляда.

Эта неожиданная ласка и этотъ добрый голосокъ странно напомнили маленькой Тасѣ что-то милое, родное — напомнили ей ея маму, прежнюю, добрую, ласковую маму, а не строгую и взыскательную, какою она казалась Тасѣ со дня паденія Леночки въ прудъ. Что-то екнуло въ сердечкѣ Таси. Какая-то теплая волна прихлынула къ горлу дѣвочки и сдавила его. Ей захотѣлось плакать. Дуся сумѣла пробудить въ ней и затронуть лучшія струны ея далеко не испорченаго, но взбалмошнаго сердечка.

Она взглянула на окружающихъ ее дѣвочекъ, потомъ на Дусю и вдругъ залилась горькими, неудержимыми слезами, припавъ головой къ плечу своей маленькой заступницы.

— Ну, вотъ! Ну, вотъ! Я знала, что она не злая! Я знала,—торжествуя, говорила та.—Она не шпіонка и не злючка, а просто вспыльчивая и избалованная дѣвочка. Нѣтъ, пожалуйста, не обижайте ее!—и она умоляющими глазами окинула кругъ дѣвочекъ.

Тѣ, растроганныя словами Дуси, пообѣщали ей не задѣвать Тасю и не дразнить ее. Только Ярышка и горбатенькая Карлуша—двѣ закадычныя подруги—не дали этого обѣщанія, зная заранѣе, что не въ силахъ сдержать его. Новенькая не пришлась по сердцу обѣимъ дѣвочкамъ.

ГЛАВА XV.

Новая продѣлка.—Глухая Мавра.

ПРОШЛА цѣлая недѣля со дня поступленія Таси въ пансіонъ. Дѣвочки мало-по-малу привыкли къ Тасѣ, Тася—къ дѣвочкамъ. Только двѣ пансіонерки попрежнему терпѣть не могли маленькой Стогунцевой, и она въ свою очередь платила имъ тѣмъ же. Эти двое были: горбатенькая Карлуша и Ярошъ, которыя рѣшительно не могли и не желали находить новенькую доброй и сердечной дѣвочкой. Но Тася нимало не горевала объ этомъ: она быстро освоилась съ пансіонскою жизнью и чувствовала бы себя отлично, если-бъ не постоянное воспоминаніе о томъ, что ее отдали сюда въ наказаніе и что мама, должно быть, совсѣмъ разлюбила и позабыла свою Тасю!

Но Тася ошибалась; мама болѣе, чѣмъ когда-либо, любила свою дѣвочку, больше, чѣмъ когда-либо, интересовалась ею. Тася и не подозрѣвала, что еженедѣльно въ «Райское» къ мамѣ ѣздилъ или самъ г. Орликъ, или же сестра его съ отчетомъ о ея поведеніи и успѣхахъ.

До сихъ поръ, однако, бѣдная Тасина мама не могла гордиться ни тѣмъ, ни другимъ. Тася все еще была на дурномъ счету, и исправленіе ея почти не подвигалось впередъ. Одно только порадовало маму: г. Орликъ успѣлъ сообщить ей одну очень утѣшительную новость. Ея дочь, неисправимая дочурка-проказница, подружилась съ Дусей Горской—съ самой лучшей дѣвочкой изъ всего пансіона — и это ужъ много говорило за нее. Нина Владиміровна — мама Таси — очень грустила по своей дѣвочкѣ — и не одна мама, но и няня, и Леночка, уже окончательно выздоровѣвшая отъ своей болѣзни, и даже m-lle Marie, любившая по своему свою строптивую и непокорную воспитанницу. Даже по письмамъ Павлика, уѣхавшаго въ Москву въ корпусъ, было видно, какъ онъ тревожился о своей младшей сестричкѣ.

Немудрено, что посѣщенія г. Орлика ждали съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, чтобы узнать отъ него о маленькой пансіонеркѣ.

Но вернемся къ Тасѣ.

Стояло пасмурное осеннее утро. Дуся, сидя за чаемъ вмѣстѣ съ прочими пансіонерками, жаловалась на головную боль.

— Ужасно трудно вставать по утрамъ такъ рано,— жаловалась дѣвочка.

— Разумѣется, насъ будятъ съ пѣтухами,— подхватила недовольнымъ голосомъ графиня Стэлла.—Ужасно непріятно! Совсѣмъ спать не приходится.

— Это потому, что ты слишкомъ долго возишься со своимъ туалетомъ, — завиваешь на папильотки во-

лосы и мажешь глицериномъ руки. Конечно, тебѣ остается мало времени на спанье,—расхохоталась Тася.

— Молчи, пожалуйста!—топнувъ ногою, прикрикнула на нее графиня Стэлла.

— Иванова! Ведите себя приличнѣе, — строго замѣтила Анна Андреевна, сидѣвшая тутъ-же за самоваромъ.

— Нѣтъ, право, Мавра звонитъ точно на пожаръ,— замѣтила Лизанька Бергъ,—большая любительница поспать хорошенько.

— А я, дѣвочки, и не слышу звонка! — со своей простоватой улыбкой произнесла Гусыня.

— Тебѣ хоть изъ пушки пали подъ ухомъ и то не услышишь,—недовольно замѣтила Ниночка Рузой, или Малютка, симпатичная восьмилѣтняя дѣвочка, казавшаяся гораздо моложе своихъ лѣтъ.

— Я, дѣвицы, спать люблю! — чистосердечно заявила Машенька съ такимъ смѣшнымъ выраженіемъ на лицѣ, что всѣ расхохотались.

— Странно, гуси мало спятъ!—насмѣшничала злая на языкъ Карлуша.

— Да развѣ я гусь?—захлопала недоумѣвающе глазами Машенька.

— Нѣтъ, ты другое!—лукаво усмѣхнулась Ярошъ.

— А что-же?

— Гусыня!—отозвалась снова Карлуша, и обѣ подруги покатились со смѣху.

— Ну, ужъ вы скажете тоже! — обидѣлась Машенька.—Гусыня-то глупая...

— А ты у насъ умница. Про это знаетъ вся улица,

пѣтухъ да курица, дуракъ Ермошка, да я немножко,— захлебываясь отъ смѣха прокричала проказница Ярошъ.

— Не трогайте ее, дѣвочки,—остановила Карлушу и Ярошъ Дуся Горская и вдругъ тихо застонала.

— Что съ тобой, Дуся? Что съ тобой? — всполошились всѣ.

— Голова болитъ ужасно,—прошептала Горская.

— А все изъ-за вставанья съ пѣтухами. Все изъ-за колокола противнаго! Хоть бы укралъ его кто скорѣе,—сердито проговорила Тася, которой было очень жаль свою бѣдную подругу.

— Не украдутъ,—уныло произнесла Галя Каховская.

— Очень глупо желать непріятностей вашему директору,—строго произнесла Анна Андреевна и, вставъ изъ-за стола, пошла въ комнату Настасьи Аполлоновны, гдѣ онѣ обѣ за чашкой кофе повѣряли другъ другу всѣ свои горести и непріятности, причиненныя имъ пансіонерками.

Лишь только фигура директрисы скрылась за дверью, Тася вскочила на стулъ, оттуда на столъ, крича своимъ громкимъ голосомъ:

— Ура! Я придумала что-то! Ура! Колоколъ не разбудитъ васъ завтра! Да, не разбудитъ, ручаюсь вамъ за это!

И она радостно захлопала въ ладоши.

Дѣвочки недоумѣвающе поглядывали на Стогунцеву, но на всѣ вопросы — въ чемъ заключалась ея выдумка—Тася не отвѣчала имъ ни слова.

Большой колоколъ былъ привѣшенъ въ темной прихожей пансіона, въ углу за верхними платьями

пансіонерокъ, и если влѣзть на вѣшалку, то можно было рукою достать до его желѣзнаго языка. Тася все это обдумала всесторонне и въ тотъ же вечеръ можно было видѣть миніатюрную фигурку дѣвочки въ длинной, ночной сорочкѣ, проскользнувшую изъ дортуара и босикомъ пробравшуюся въ переднюю. Въ рукахъ бѣлая фигурка держала скомканное ручное полотенце. Добравшись до темнаго угла, гдѣ висѣлъ колоколъ, Тася (такъ какъ бѣлая фигура была она) вскарабкалась на подзеркальникъ трюмо, стоявшаго въ передней, оттуда на вѣшалку и живо принялась за работу. Въ одну минуту языкъ колокола былъ тщательно обернутъ полотенцемъ, и Тася, съ ловкостью кошки, снова соскользнула на полъ.

Было ровно 7 часовъ утра, когда заспанная глухая пансіонская кухарка Мавра пришла въ полутемную прихожую и стала дергать веревку колокола.

Колоколъ не звонилъ. Но такъ какъ Мавра никогда, по причинѣ своей глухоты, не слышала звона, то и теперь, дернувъ нѣсколько разъ за веревку, снова ушла къ себѣ въ кухню, увѣренная въ томъ, что выполнила возложенную на нее обязанность.

На большихъ столовыхъ часахъ пробило восемь. Необыкновенная тишина царила въ пансіонѣ. Пробило половина девятаго и наконецъ девять. Прежнее невозмутимое, мертвое спокойствіе.

Въ началѣ десятаго часа къ старшимъ пансіонеркамъ долженъ былъ придти учитель музыки, къ младшимъ — священникъ, настоятель городского собора, преподававшій дѣвочкамъ Законъ Божій.

Учитель и священникъ, впущенные Маврой, сошлись въ залѣ и были очень поражены царившей въ ней зловѣщей тишиной.

— Можно подумать, что пансіонъ вымеръ!—произнесъ г. Штромъ, худой, длинноволосый нѣмецъ.

— Н-да, подозрительно что-то! — согласился батюшка, отецъ Илларіонъ, пожимая плечами.

— Странно! Слушай, голубушка, — обратился Штромъ къ Маврѣ,—что у васъ все благополучно?

Та радостно закивала головою, не разслышавъ того, что говоритъ учитель.

— Съ лучкомъ, батюшка, съ лучкомъ. Я завсегда съ лучкомъ котлеты дѣлаю, — весело затараторила она.

— Какія котлеты? — удивился г. Штромъ. — Что она говоритъ? Что ты говоришь, про какія котлеты?— снова спросилъ онъ кухарку.

— Одѣты! Одѣты! Я ихъ покличу въ классную. Въ эту пору онѣ завсегда одѣты бываютъ, — обрадовалась глухая въ полной увѣренности, что ее спрашиваютъ—готовы ли пансіонерки.

— Мы подождемъ, не надо! Не надо! — махнулъ рукою Штромъ.

Тутъ ужъ лицо Мавры осклабилось до ушей и растянулось въ счастливую улыбку.

— На что мнѣ награда, батюшка, я и безъ награды скажу. Благодарствуйте, мы и такъ вами много довольны,—и, низко кланяясь, она удалилась въ дортуаръ звать пансіонерокъ.

Тѣ еще крѣпко спали, несмотря на то, что было уже половина десятаго. Да не только онѣ, но спали

Тася принялась за работу...

и г. Орликъ, и Анна Андреевна — каждый въ своей комнатѣ, спала Сова въ своемъ дуплѣ, какъ прозвали старшія пансіонерки комнату классной дамы, спала горничная Ирина въ умывальной комнатѣ на клеенчатомъ диванѣ, словомъ—спали всѣ.

Колоколъ не звонилъ въ это утро.

Маврѣ оставалось только выйти на середину дортуара и закричать громкимъ голосомъ:

— Барышни! Батюшка съ нѣмецкимъ учителемъ пришли.

Пансіонерки вскочили, перепуганныя на смерть.

— Пожаръ? Горимъ? — спрашивали онѣ, на что Мавра отвѣчала такимъ же крикомъ:

— Да, да, въ залѣ!

— Пожаръ въ залѣ! Ужасъ! Ужасъ!—кричали внѣ себя дѣвочки, поспѣшно одѣваясь кто во что попало.

Между тѣмъ изъ своей комнаты выбѣжала Сова, забывъ снять папильотки, въ которыя всегда закручивала свои жиденькіе волосы на ночь, а изъ противоположной половины дома вихремъ неслась Анна Андреевна, истерически выкрикивая:

— Гдѣ пожаръ? Что такое?

Вслѣдъ за остальными прибѣжалъ г. Орликъ, который, тщательно разслѣдовавъ дѣло, старался изо всѣхъ силъ успокоить пансіонерокъ и втолковать имъ, что никакого пожара нѣтъ и въ пансіонѣ все обстоитъ благополучно.

Вдругъ въ эту минуту въ прихожей прозвучалъ мѣрный ударъ колокола. Это Тася, успѣвшая во время общей суматохи проскользнуть туда, освободила мѣд-

ный языкъ отъ обертывающей его тряпки и теперь трезвонила во всю, изо всѣхъ силъ дергая веревку.

Въ этотъ день никто не жаловался на усталость и у Дуси Горской прошла ея головная боль.

Кто былъ причиной безпорядка—такъ никто и не узналъ въ пансіонѣ. Тася Стогунцева умѣла хранить свои маленькія тайны.

ГЛАВА XVI.

Исторія одной кошечки. — Король воздуха.

ОНА была очень хорошенькая. Представьте себѣ длинное гибкое тѣльце, покрытое золотистой шерстью, посреди которой вдоль спины шла въ видѣ ленты узкая длинная полоса. Умные зеленые глазки съ поминутно расширяющимися зрачками и круглая мордочка, изъ которой по временамъ высовывался острый, какъ жало, розовый язычокъ. Самое имя ея, Милка, какъ нельзя болѣе подходило къ хорошенькому звѣрьку.

Милку привезла въ пансіонъ Карлуша, и прелестная кошечка составляла радость и гордость горбатой дѣвочки. Не было худшей обиды для Карлуши, какъ обидѣть ея любимицу. Милку подарилъ Карлушѣ ея отецъ, который вскорѣ послѣ этого умеръ и немудрено поэтому, что маленькая горбунья всѣмъ своимъ сердцемъ привязалась къ его живому подарку. Милка спала въ дортуарѣ въ постели дѣвочки, ѣла изъ одной тарелки съ нею и бросалась со всѣхъ ногъ навстрѣчу Карлушѣ.

Г. Орликъ разрѣшилъ горбатенькой Вавиловой держать кошку при себѣ изъ жалости къ обиженной судьбою дѣвочкѣ.

И вдругъ Милка пропала. Пропала безслѣдно. Ее искали всюду: и въ кухнѣ, и въ дортуарѣ, и въ классной. Малютка или Ниночка Рузой, которая, по словамъ Красавицы, могла влѣзть даже въ наперстокъ, по причинѣ своего маленькаго роста, влѣзла въ буфетъ и обшарила тамъ всѣ полки, стараясь найти Милку, которую любили всѣ безъ исключенія—и воспитанницы, и начальство.

Карлуша плакала. Остальныя ходили, понуря головы; даже Настасья Аполлоновна меньше сердилась на дѣвочекъ и рѣже покрикивала на нихъ изъ уваженія къ общему несчастью.

Одна Тася была весела попрежнему.

Дѣло въ томъ, что Тася поссорилась очень недавно съ Карлушей.

Маленькая горбунья отлично знала языки и въ совершенствѣ говорила по-французски и по-нѣмецки. Тася тоже очень недурно владѣла тѣмъ и другимъ языкомъ. М-lle Орликъ, дававшая уроки языковъ въ пансіонѣ, ставила еженедѣльно отмѣтки по этому предмету. У Таси оказалась на этотъ разъ отмѣтка значительно хуже, нежели у Карлуши.

Маленькая горбунья не могла не уколоть Тасю этимъ.

— Ахъ, ты, француженка! — усмѣхнулась она,—а еще хвалилась, что лучше всѣхъ насъ знаешь по-французски.

— И знаю!—огрызнулась Тася.

— Ну, не очень-то велико твое знаніе!

— Отстань!—и Тася толкнула горбатую дѣвочку.

— Не смѣй толкаться!—разсердилась та.

Тогда Тася толкнула Карлушу вторично.

М-lle Орликъ видѣла всю эту сцену.

— Стогунцева, подойдите сюда!—позвала она Тасю, и, когда она подошла, произнесла строго:

— У насъ не принято толкаться въ пансіонѣ. Это доказываетъ одну невоспитанность и грубость. Поэтому не угодно-ли будетъ вамъ въ наказаніе выучить нѣмецкіе стихи, пока дѣти будутъ совершать послѣобѣденную прогулку.

Это было строгое наказаніе, такъ какъ дѣвочекъ водили гулять по лучшимъ улицамъ города, а иной разъ въ городской садъ, гдѣ всегда играла военная музыка и гдѣ было шумно и весело.

Тася очень любила такія прогулки.

— Если виновата я, — виновата и Вавилова,—звенящимъ слезами голосомъ поясняла она директрисѣ.

— Толкались вы, а не Вавилова, — отвѣчала неумолимая m-lle Орликъ, — и поэтому будете наказаны вы, а не она.

— Что, досталось на орѣхи! Ага, будешь толкаться,—успѣла шепнуть Карлуша Тасѣ.

— Противная горбунья! — буркнула она,—терпѣть тебя не могу! Пусть меня наказали, ужъ и ты останешься довольна. Будетъ тебѣ праздникъ!

Но Карлуша не слышала послѣднихъ словъ разсерженной не на шутку дѣвочки и побѣжала, подпры-

гивая на-ходу, въ прихожую, гдѣ одѣвались остальныя пансіонерки и откуда раздавался звонкій голосокъ Ярышки, кричавшій Тасѣ:

— Ты не горюй, Стогунцева, съ тобой Милка останется и Мавра. Ничего, что Милка кошка, а Мавра глухая тетеря. За неимѣніемъ лучшаго будь довольна и этимъ обществомъ!

— Противныя, — прошептала сквозь слезы Тася, готовая расплакаться навзрыдъ.

Тася долго смотрѣла въ окно, пока вереница пансіонерокъ не скрылась за угломъ.

Какія онѣ были веселыя! Какъ разрумянились и оживились на свѣжемъ осеннемъ воздухѣ ихъ дѣтскія лица.

— Противныя! Гадкія! — злобно шептала Тася, глядя имъ вслѣдъ, — ненавижу васъ всѣхъ, ненавижу за то, что вы обижаете Тасю, за то, что вамъ нѣтъ дѣла до нея. Бѣдная Тася! Бѣдная Тася!—и она смотрѣла въ окно на опустѣвшую улицу затуманенными отъ слезъ глазами.

И вдругъ взглядъ ея упалъ на странную фигурку, стоявшую передъ окномъ. Это былъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, смуглый, черноволосый, съ лукаво бѣгающимъ во всѣ стороны взоромъ. Онъ смотрѣлъ во всѣ глаза на Тасю и смѣялся. Что-то непріятное и отталкивающее было въ его лицѣ. Видя, что сидѣвшая на подоконникѣ дѣвочка обратила на него вниманіе, онъ запустилъ руку въ карманъ и, вытащивъ оттуда что-то сѣрое и маленькое, посадилъ къ себѣ на плечо. Тася увидѣла, что это былъ совсѣмъ ручной сѣренькій мышенокъ.

Почувствовавъ себя на свободѣ, звѣрекъ и не думалъ убѣгать и преспокойно терся мордочкой о смуглую шею черноглазаго мальчика.

Это такъ заинтересовало Тасю, что она въ одну минуту вспрыгнула на окно и, открывъ форточку, высунула изъ нея голову.

— Эй, ты, мальчишка! — крикнула она,—что это у тебя?

— Развѣ ты не видишь что?—закричалъ въ свою очередь мальчикъ,—ручной мышенокъ.

— Во-первыхъ, не смѣй мнѣ говорить ты: я барышня,—неожиданно оборвала его дѣвочка.

— Барышня!—расхохотался мальчишка, — велика штука барышня! А я вотъ король да и то говорю съ тобою!

— Король?—изумилась Тася.

— Да, «царь фокусовъ», или «электрическій мальчикъ», или «истребитель шпагъ», или «король воздуха», — такъ и посыпалъ онъ названіями и присовокупилъ черезъ минуту: — видишь, сколько у меня прозвищъ!

— А мышенокъ чей-же? — все больше изумлялась дѣвочка.

— Мышенокъ мой! Онъ дрессированный. У насъ не только мыши, но и кошки дрессированныя есть, и собаки, и даже змѣя.

— Змѣя!— съ ужасомъ произнесла Тася.

— Ну, понятно, змѣя. Чего ты испугалась, глупая дѣвочка? Что это у тебя? — неожиданно ткнулъ онъ пальцемъ по направленію окна.

Тася оглянулась въ свою очередь. Около ея ногъ терлась Милка, незамѣтно подкравшаяся къ ней и вспрыгнувшая на подоконникъ.

— Это кошка! — беря Милку на руки, отвѣчала Тася.

— Вижу, что кошка, а не корова! — расхохотался мальчикъ,—и красивая кошка, я тебѣ скажу. Такихъ мнѣ видѣть не приходилось. Вотъ что: дай ты мнѣ ее.

— Это не моя кошка, чужая!—произнесла Тася.— Эта кошка Карлушина.

— Чья?

— Карлушина. У насъ такая дѣвочка есть. Злая-презлая. Горбунья. Такъ вотъ Милка ея.

— Злая, говоришь?

— Ужасно. Изъ-за нея меня наказали! Всѣ ушли гулять на музыку, а меня дома оставили.

— Изъ-за нея?

— Да.

— Такъ чего-жъ тебѣ жалѣть ее,—снова расхохотался мальчикъ и подмигнулъ своими черными глазами,—тебя за нее наказали, а ты ее накажи!

— Какъ?—не поняла Тася?

— Очень просто: отдай мнѣ ея кошку. Вѣдь горбунья ее очень любитъ, и если ты ее мнѣ подаришь, твоей горбуньѣ больно будетъ. Вотъ ты и отмстишь такимъ образомъ.

— Чужое брать грѣшно, — нерѣшительно заикнулась Тася.

— Ишь ты! Впрочемъ, какъ хочешь. Не желаешь отдать мнѣ эту кошку и не надо. Прощай. Мнѣ еще

на музыку поспѣть надо. Сегодня музыка въ саду особенная, съ платой за входъ: нашъ хозяинъ даетъ въ городскомъ саду представленіе.

— Какой хозяинъ?

— Нашъ хозяинъ, хозяинъ труппы фокусниковъ. Собакъ, мышей дрессированныхъ показывать будемъ, змѣю. Потомъ я на проволокѣ ходить буду. Это отдѣленіе «Король воздуха» называется. И шпаги глотать... Возьму длинную, острую шпагу и въ горло ее себѣ пропущу.

— Ахъ, какъ интересно!—вскричала Тася,—а онѣ, гадкія, меня оставили дома, и я ничего не увижу!— и слезы брызнули изъ ея глазъ.

— А потомъ Розка плясать будетъ. Платье все въ блесткахъ, звѣзда въ волосахъ, и она пляшетъ. Розка пляшетъ, а музыка жаритъ. Тра-ла-ла! Трумъ! Тумъ! Тумъ!

— Ахъ, я несчастная!—прошептала Тася.

Ей такъ живо представилось, какъ играетъ музыка, какъ пляшетъ невѣдомая Розка, какъ прыгаютъ дрессированныя собаки, что слезы сильнѣе заструились по ея печальному лицу.

«И все изъ-за Карлушки! Все изъ-за этой гадкой дѣвчонки!—мысленно повторяла она.—Охъ, ужъ эта Карлушка! Если-бъ ей досадить хорошенько за все! За все!»

И вдругъ слезы ея разомъ пресѣклись. Она быстро вытерла глаза и рѣшительно проговорила, обращаясь къ мальчику:

— Бери Милку. Ты правъ. Надо наказать Карлушку.

Взявъ кошку за шиворотъ, Тася подняла ее въ уровень съ форточкой и быстрымъ движеніемъ выбросила за окно прямо въ подставленныя руки черноглазаго мальчика.

— Вотъ это дѣло!—вскричалъ тотъ, съ настоящей ловкостью фокусника подхватывая на-лету Милку.— Ну, прощай покуда. Мнѣ идти надо, а то отъ хозяина попадетъ, если къ своему выходу опоздаю. А пока слушай, что я тебѣ скажу: у насъ жизнь веселая— пляшемъ да кувыркаемся. То ли дѣло! А у васъ, какъ я погляжу, ни свободы, ни радости. Ты къ намъ приходи въ случаѣ чего. А то одной Розкѣ не справиться. Право, поступай къ намъ въ труппу.

— А какъ же я уйду отсюда?—спросила Тася, которой очень понравилось плясать и прыгать или дрессировать животныхъ.

— Да очень просто. Нашъ балаганъ на площади. А живемъ мы въ слободѣ за городомъ. Да я тутъ каждый вечеръ собакъ прогуливаю послѣ десяти часовъ, когда нѣтъ представленья. Ты возьми да и выйди ко мнѣ, а я тебя мигомъ къ хозяину доставлю.

— Хорошо, я подумаю!—проговорила Тася.

— Чего тутъ еще думать? Взяла—и ушла. У насъ, говорю, весело.

И съ этими словами мальчикъ кивнулъ головой и, спрятавъ подъ полу куртки Милку, безпечно посвистывая, отошелъ отъ окна и зашагалъ по улицѣ.

Тася захлопнула форточку и спрыгнула съ подоконника.

Въ этотъ вечеръ вернувшіяся изъ сада пансіонерки хватились Милки и бросились искать ее.

Ночью Тася не сомкнула глазъ ни на минуту. Она долго ворочалась въ постели, стараясь уснуть, переворачивая по нѣсколько разъ подушку, и все-таки сонъ бѣжалъ отъ нея. Кто-то точно шепталъ въ глубинѣ ея сердца: «Нехорошо ты поступила, Тася! Нехорошо! Взять чужое—значитъ украсть. Что бы сказала мама, если-бъ узнала поступокъ своей дѣвочки? Какъ-бы тяжело и больно было узнать это! Ахъ, Тася! Ты-ли это сдѣлала?»

Сердце сильно стучало въ груди дѣвочки. Лицо ея пылало, какъ въ огнѣ. Въ душѣ наростало тяжелое, гнетущее чувство раскаянія. Тася была несчастна. Она сознавала, какъ дуренъ и недостоенъ былъ ея сегодняшній поступокъ.

XVII.

Карлуша переродилась.—Судъ г. Орлика.

Едва только Тася забылась тяжелымъ непріятнымъ сномъ, какъ услышала, что кто-то тихо называетъ ее по имени. Она открыла глаза и сѣла на постели. Передъ ней стояла Карлуша.

— Что тебѣ надо? — грубо окликнула Тася горбунью.

— Ты не сердись... я не со злобой пришла къ тебѣ, Стогунцева, — тихо зашептала та, и Тася не узнала обычно раздраженнаго и сердитаго голоса Вавиловой.—Ты не сердись... Я пришла прощенія у тебя попросить, Стогунцева...—срываясь на каждомъ словѣ, продолжала Карлуша.—Я передъ тобою много виновата. Все дразню тебя... задираю. Это нехорошо. Меня Богъ вѣрно за это наказалъ. Милка пропала... Папина Милка. Мое единственное счастье, единственная радость въ пансіонѣ. Вѣдь я сирота, Тася. Папа у меня недавно умеръ... Передъ смертью Милку и подарилъ. Ахъ, Господи, какъ я Милку любила! А она пропала... Оттого, что злая я была — тебя оби-

жала и всѣхъ... Ахъ, какъ тяжело мнѣ, если бы ты знала!

Голосъ Карлуши внезапно прервался и Тася услышала тихое рыданіе, вырывавшееся изъ груди горбуньи.

Точно раскаленныя иглы впивались въ сердце Таси при видѣ этой убитой горемъ дѣвочки, этихъ неизъяснимо печальныхъ глазъ.

— Вотъ она какая! А я то! А я! Съ Милкой что я сдѣлала!—мысленно съ ужасомъ прошептала Тася, и еще болѣе острое раскаяніе засосало все существо дѣвочки.

А Карлуша между тѣмъ продолжала, всхлипывая:

— Сегодня я долго спать не могла и все думала: почему мы не дружно живемъ, почему ссоримся? Вѣдь всѣ мы далеко отъ родныхъ здѣсь, изъ разныхъ сторонъ, какъ птички слетѣлись. Вотъ-бы и жить согласно и дружно. А мы—то другъ друга дразнимъ, то наставниковъ сердимъ. Это нехорошо. Они заботятся о насъ. И г. Орликъ, и сестра его, и Сова... Да, всѣ мы недобрыя, насмѣшливыя. Одна только Дуся, какъ ангелъ, да Маргариточка, а другія зато... А я хуже всѣхъ была! На всѣхъ злилась, всѣхъ ненавидѣла, точно виноваты всѣ въ томъ, что я калѣка горбатая. Вотъ Богъ и наказалъ. Пропала Милка, а папочка ее съ такой любовью мнѣ подарилъ! Онъ ужъ больной тогда былъ, папочка. Блѣдный такой, еле ноги передвигалъ, а самъ все меня ласкаетъ: «Какъ то ты послѣ меня, моя дѣточка, останешься,—говоритъ,—

бѣдняжечка моя»... Жалко ему меня было... Бѣдный, бѣдный папочка! Какъ онъ страдалъ! А я и подарка его сберечь не сумѣла. Гадкая, дурная, подѣломъ мнѣ! Впередъ ужъ не буду такою. Постараюсь исправиться, хорошей быть, доброй. Если виновата передъ кѣмъ, прощеніе выпрошу. Вотъ и къ тебѣ пришла. Прости, Бога ради, Тася, милая,—и съ трудомъ сдерживая глухое рыданье, чтобы не разбудить имъ спящихъ дѣвочекъ, горбатенькая Карлуша скользнула отъ Тасиной кровати и бросилась въ свою постель.

Тася зарылась съ головой въ подушку. Въ головѣ ея стучало, точно огромный молотъ ударялъ въ нее. И маленькое сердечко билось сильно и тревожно. «Прости ради Бога, Тася, милая», — слышался ей на разные лады голосъ Карлуши,—той самой Карлуши, передъ которой такъ виновата она—Тася!

На одну минуту въ головѣ дѣвочки мелькнула мысль: вернуть Карлушу, покаяться передъ ней во всемъ, выпросить у нея прощеніе. Но, съ другой стороны, боязнь, что горбунья пожалуется, и страхъ передъ наказаніемъ удерживали Тасю.

Совершенно разбитая мученіями совѣсти уснула она только подъ утро тяжелымъ, неспокойнымъ сномъ.

. . . . . .

Со дня пропажи Милки Тася не находила себѣ покоя. Проснувшаяся совѣсть грызла сердце дѣвочки. Ей было жаль и горбунью Карлушу, и самую Милку. Она даже въ лицѣ осунулась, поблѣднѣла, похудѣла и глаза ея приняли безпокойное выраженіе.

— Ты больна, Тася?—спрашивала Стогунцеву ея новая подруга Дуся, испытующе взглядывая на дѣвочку своими ласковыми и проницательными глазами.

— Ахъ, отстань пожалуйста,—съ напускнымъ неудовольствіемъ говорила Тася, густо краснѣя и тщательно избѣгая взгляда Горской.

Та только головою покачивала, очевидно догадываясь, что Тася тщательно скрываетъ отъ нея что-то.

И вдругъ Милка нашлась! Нашлась самымъ неожиданнымъ образомъ, недѣли черезъ двѣ послѣ описанныхъ событій. Старшія дѣвочки подъ начальствомъ m-lle Орликъ побывали какъ-то разъ въ балаганѣ и увидѣли тамъ Милку. Милка прыгала черезъ обручъ и изображала часового, стоя на сценѣ съ крошечнымъ ружьемъ.

— Милка! Милка!—позвала Маргарита, и четвероногій часовой, позабывъ свои обязанности, бросилъ ружье и, поднявъ хвостъ, бросился въ ложу, гдѣ сидѣли дѣвочки, прямо на колѣни Вронской. Тогда m-lle Орликъ попросила вызвать старшаго фокусника, что бы узнать, откуда у него кошка. Явился непріятнаго вида, нечистоплотный господинъ и сказалъ, что кошка его, что онъ привезъ ее съ собой изъ Петербурга и что не отдастъ ея ни за какія деньги

Когда же m-lle Орликъ очень серьезно заявила ему, что кошка принадлежитъ одной изъ пансіонерокъ и что ее украли у нихъ изъ пансіона и пригрозила полиціей,—хозяинъ балагана видимо смѣшался и сказалъ, что онъ ничего не знаетъ, и что кошку ему

принесъ его ученикъ «Король воздуха», за которымъ и послалъ тотчасъ-же. Явился знакомый уже читателю черноглазый мальчикъ, одѣтый въ какія-то яркія, обшитыя позументами, тряпки, и заявилъ на разспросы надзирательницы, что кошку онъ не укралъ, а что ему подарила ее одна дѣвочка-пансіонерка, которую онъ видѣлъ двѣ недѣли тому назадъ въ окнѣ.

— Онъ лжетъ! Онъ лжетъ! Онъ самъ укралъ Милку и только боится сознаться,—шопотомъ произнесла Маргарита на ухо Аннѣ Андреевнѣ.

Но какъ ни тихо говорила дѣвочка, а черноглазый мальчикъ разслышалъ ея слова.

— Зачѣмъ лгать!—безпечно сказалъ онъ, пожимая плечами,—кошку дала мнѣ маленькая дѣвочка, которая была зла на горбатую пансіонерку за то, что ее наказали безъ гулянья. Горбатую зовутъ Карлуша, кошку—Милка; если она ваша—берите ее... безъ полиціи берите. А я больше ничего не знаю.

— А какъ выглядѣла та дѣвочка въ окнѣ?—спросила m-lle Орликъ маленькаго акробата.

Тотъ тотчасъ же нарисовалъ ей наружность Таси.

— Черные глаза... Черные кудри... Румяное личико... Словомъ, красивая дѣвочка, которая можетъ служить украшеніемъ цирка.

— Сомнѣній нѣтъ! Это Стогунцева! — произнесла m-lle Орликъ тихо.

— Это Тася!—подтвердили дѣвочки.

Онѣ дали акробату за кошку рубль и, взявъ Милку, поспѣшили домой, совершенно не интересуясь окончаніемъ представленія.

Появленіе Милки произвело ужасную суматоху. Всѣ дѣвочки всполошились. Карлуша съ рыданьемъ бросилась обнимать свою любимицу.

— Это мнѣ въ награду за то, что я старалась хорошо себя вести все это время и не ссориться ни съ кѣмъ—вотъ покойный папа и послалъ мнѣ радость,—говорила она, смѣясь и плача въ одно и то же время.

Дѣвочки наперерывъ ласкали Милку и радовались не меньше Карлуши. Одна только Тася не раздѣляла общаго оживленія. При видѣ Милки она густо покраснѣла и незамѣтно выскользнула изъ комнаты, чтобы дѣвочки не могли увидѣть ея смущеннаго лица. Старшія дѣвочки къ тому же все время испытующе поглядывали на нее, и это еще болѣе смущало Тасю. Между тѣмъ m-lle Орликъ, вернувшись изъ цирка, прямо прошла въ комнату брата, гдѣ они долго совѣщались о чемъ-то.

Дѣвочки ходили торжественныя и притихшія, зная, что это совѣщаніе является не спроста, и что ихъ ждетъ что-нибудь, новое и необычайное. Наконецъ, ровно въ 9 час. вечера, когда большой колоколъ ударилъ свой обычный призывъ къ чаю, двери директорской комнаты распахнулись, и г. Орликъ вышелъ въ столовую, гдѣ находились пансіонерки. Въ рукахъ онъ несъ большой темный мѣшокъ, перевязанный бечевкой. Лицо директора было сухо и серьезно.

— Дѣти!—началъ Василій Андреевичъ торжественнымъ голосомъ.—Дѣти! До сихъ поръ у насъ въ пансіонѣ были шалости, дѣтскія проказы, непослушаніе

и капризы. Но теперь появилась новая дурная черта—мстительность. Кто-то изъ васъ разсердился на Вавилову и очень дурно поступилъ съ нею, отдавъ ея кошку въ чужія руки. Очевидно, тотъ, кто сдѣлалъ это, совершенно позабылъ, что распорядиться безъ спросу чужою собственностью—это то же самое, что взять безъ спросу или украсть. А это еще худшій порокъ, нежели мстительность, и долженъ быть строго наказанъ. Повторяю, дѣти, между вами не можетъ быть воровки. Въ этомъ я увѣренъ. Дѣвочка, сдѣлавшая это, просто не обдумала хорошенько своего поступка, и поэтому я прошу ее сознаться. Сознаніе снимаетъ уже половину вины. «Повинную голову и мечъ не сѣчетъ»,—говоритъ русская пословица. И такъ, дѣти, я жду. Пусть виновная назоветъ себя и этимъ уменьшитъ свою вину передъ всѣми.

Г. Орликъ кончилъ свою рѣчь и теперь стоялъ въ выжидательной позѣ, не выпуская изъ рукъ своего страннаго мѣшка. Дѣвочки переглядывались и молчали. Маргарита Вронская и графиня Стэлла, бывшія въ балаганѣ и знавшія истину, изрѣдка взглядывали на Тасю.

Но и Тася молчала, хотя все лицо ея покрывалось пятнами, а глаза бѣгали, какъ у пойманнаго звѣрька.

«Нѣтъ! Нѣтъ! Ни за что я не сознаюсь!—думала она.—Назвать себя передъ цѣлымъ пансіономъ, чтобы сгорѣть со стыда на мѣстѣ, чтобы потомъ терпѣть насмѣшки и попреки! Терпѣть, можетъ быть, строгое наказаніе, долгое заключеніе въ темномъ карцерѣ! О,

нѣтъ! Это уже слишкомъ! Я не признаюсь ни за что! Ни за что!»

И она упорно молчала, не смѣя поднять глазъ на г. Орлика. Молчали и остальныя. Такъ длилось пять минутъ, не больше, но эти пять минутъ показались за цѣлый часъ и директору, и пансіонеркамъ. Наконецъ, г. Орликъ прервалъ это тяжелое, гнетущее молчаніе:

— Такъ какъ виновная не хочетъ сознаться,—заговорилъ онъ снова,—то придется прибѣгнуть къ справедливому рѣшенію судьбы. Въ этомъ мѣшкѣ,—и онъ поднялъ странный мѣшокъ надъ головою,—двѣнадцать билетиковъ. Одиннадцать изъ нихъ совершенно чистые, двѣнадцатый съ надписью: «Она виновна». Каждая изъ васъ опуститъ руку въ мѣшокъ и вытащитъ билетикъ. Судьба справедлива, и она не допуститъ, чтобы правая оказалась виноватой и наоборотъ. Билетикъ съ надписью попадетъ въ руки настоящей виновной. А теперь я потушу лампу—это необходимо сдѣлать допоры до-времени. Только прежде встаньте всѣ въ шеренгу и, подходя по одной къ мѣшку, называйте свое имя.

Произнеся это, г. Орликъ подождалъ, пока дѣвочки не исполнятъ его приказанія и потомъ потушилъ свѣтъ.

Въ комнатѣ наступила темнота. Только догорающій огонекъ лампады, зажженной у кіота, передъ которымъ обычно молились пансіонерки, обливалъ своимъ дрожащимъ, чуть замѣтнымъ свѣтомъ фигуру г. Орлика съ мѣшкомъ и вереницу, состоящую изъ двѣнадцати дѣвочекъ.

Впереди шли старшія. Маргарита Вронская первая подошла къ мѣшку и смѣло опустила въ него руку, назвавъ свое имя.

За нею приблизилась графиня Стэлла. Потомъ подошла Маруся Васильева. Эта, никогда не унывающая шалунья-дѣвочка, и тутъ оказалась вѣрна своему шаловливому характеру: даже при такихъ торжественныхъ обстоятельствахъ она не удержалась, чтобы не выкинуть обычной шутки.

— Мяу! Мяу!—промяукала она въ комнатѣ.

— Васильева,—строго произнесъ г. Орликъ,—какъ вамъ не стыдно паясничать въ такую минуту!

— Простите, Василій Андреевичъ,—сконфуженно оправдывалась Коташка.

За нею подошли двѣ сестрицы Зайка и Лиска. Онѣ такъ привыкли дѣлать все сообща, что и теперь захотѣли обѣ въ одно и то же время запустить руки въ мѣшокъ. Но г. Орликъ во-время предупредилъ, что этого нельзя, и дѣвочки покорились ему со вздохомъ. Съ Гусыней произошло нѣкоторое замѣшательство. Машенька Степановичъ подошла къ мѣшку вплотную и стояла передъ нимъ, въ неизъяснимомъ ужасѣ глядя на директора.

— Берите же, Степановичъ! Вы задерживаете остальныхъ,—произнесъ г. Орликъ, видя нерѣшительность дѣвочки.

— Ай, не могу!—такъ и встрепенулась Машенька.— Ей Богу-же не могу! Хоть зарѣжьте, не могу. Я туда суну руку-то, а какъ онъ оттуда шасть...

— Кто?—въ одинъ голосъ спросили дѣвочки.

— Да тотъ, кто въ мѣшкѣ спрятанъ!—въ ужасѣ прошептала глупенькая Машенька.

— Успокойтесь, Степановичъ! Въ мѣшкѣ никого нѣтъ,—произнесъ г. Орликъ, едва удерживаясь отъ улыбки, которая, впрочемъ, врядъ-ли бы была замѣтна впотьмахъ.

— Ай, Ай!—запустивъ было руку въ мѣшокъ и снова въ ужасѣ отдергивая ее, вскричала Машенька,—ай, не могу! Боюсь!

Кое-кто изъ дѣвочекъ фыркнулъ, несмотря на торжественность минуты.

Едва-едва уговорили Машеньку взять изъ мѣшка билетикъ.

Вслѣдъ за Ниночкой Рузой, между нею и Бергъ, подходила Тася. Не спокойно было на душѣ дѣвочки, и чѣмъ ближе приближалась она къ злополучному мѣшку, тѣмъ сердце ея билось чаще и сильнѣе. Ей казалось немыслимымъ запустить туда руку и вынуть билетикъ. Она была заранѣе увѣрена, что судьба справедливо накажетъ ее, Тасю, и дастъ узнать ея вину.

Робко приблизилась дѣвочка къ директору и, постоявъ секунду передъ нимъ, скользнула пальцами по мѣшку, но руку въ него опустить не рѣшилась. Она точно боялась, что ненавистный билетикъ самъ приклеится къ ея пальцамъ и такимъ образомъ уличитъ ее. Потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, она отошла къ группѣ подругъ, уже взявшихъ билетики.

— Ну-съ, кажется, всѣ подходили?—произнесъ въ темнотѣ голосъ Василія Андреевича, когда послѣдняя изъ дѣвочекъ, Пчелка, отошла отъ него.

— Всѣ!—хоромъ отвѣчали дѣвочки.

— Освѣтите столовую,—снова произнесъ г. Орликъ.

Самая высокая изъ пансіонерокъ, Маргарита Вронская, встала на табуретъ и зажгла висѣвшую надъ столомъ лампу. Въ комнатѣ стало попрежнему свѣтло.

— Поднимите руки, каждая ту, которою брала билетъ!—снова скомандовалъ г. Орликъ.

Дѣвочки повиновались. И тутъ же легкій крикъ изумленія вырвался изъ груди всѣхъ присутствующихъ. Каждая рука, державшая билетикъ, была черна, какъ у трубочиста, и только одна изъ нихъ была бѣла и чиста попрежнему и рѣзко отличалась своей бѣлизной отъ остальныхъ.

Въ бѣлой рукѣ не было билетика. Она принадлежала Тасѣ.

ГЛАВА XVIII.

Бѣлая рука. — Нечистая совѣсть. — Тася убѣжала.

— У бѣлой руки должна быть нечистая совѣсть,— проговорилъ г. Орликъ, направляя въ лицо Таси свой проницательный взглядъ.

Тася, вся красная, какъ піонъ, съ потупленными глазами, кусала губы и переминалась съ ноги на ногу.

— Я не буду наказывать васъ,—произнесъ г. Орликъ грустнымъ голосомъ,—вы уже достаточно наказаны и угрызеніями совѣсти, и этими минутами стыда передъ подругами и мною. Богъ съ вами. Пусть это послужитъ вамъ хорошимъ урокомъ и разъ навсегда предостережетъ отъ всего дурного.

И, сказавъ это, директоръ пансіона вышелъ изъ столовой, оставивъ дѣтей однихъ. Въ ту же минуту пансіонерки зажужжали и засуетились, какъ шумный рой пчелокъ.

— Нехорошо, Стогунцева! Стыдно, Стогунцева! — слышалось здѣсь и тамъ.

— Отстаньте! — сердито крикнула Тася, злобно глядя исподлобья на дѣвочекъ. — Отстаньте отъ меня.

— Не кричи, пожалуйста!—проговорила строгимъ голосомъ Красавица,—мы и не думаемъ приставать къ тебѣ; мы только высказали наше неудовольствіе и теперь и знать не хотимъ такую дурную дѣвочку.

— Сами вы дурныя! Не очень-то я нуждаюсь въ вашемъ обществѣ. Мнѣ только Дуся нужна. Я одну Дусю люблю, а васъ всѣхъ ненавижу, — все громче и громче кричала Тася и вдругъ, увидя въ сторонѣ бѣлокурую Горскую, обратилась къ ней, — пойди ко мнѣ, Дуся. Я хочу быть только съ тобой, а ихъ мнѣ не надо, — заключила она, кивнувъ на остальныхъ дѣвочекъ,—я ненавижу ихъ!

Но каково было ея изумленіе, когда Дуся въ отвѣтъ на ея слова только покачала своей милой головкой и, глядя на Тасю съ укоромъ своими ясными, честными глазками, сказала громко:

— Нѣтъ, Стогунцева, я не пойду къ тебѣ. Я заступалась за тебя тогда, когда считала тебя хорошей, а теперь... теперь я вижу, что ты дурная и пока не узнаю, что ты исправилась, не буду твоей подругой.

И она, обнявъ Карлушу, отошла отъ Таси при общемъ сочувствіи дѣвочекъ.

— Такъ, Дуся! Справедливо, Дуся! Хорошо, Дуся!— кричали онѣ.

Тася пожала плечами и, фыркнувъ что-то себѣ подъ носъ, поспѣшила уйти отъ нихъ. Ей было невыразимо тяжело и непріятно. Она прошла въ классную и усѣлась на томъ самомъ окнѣ, гдѣ сидѣла недѣли двѣ тому назадъ, переговариваясь съ маленькимъ фокусникомъ.

Уже давно прозвучалъ колоколъ, призывающій пансіонерокъ ко сну, давно стихли голоса въ пансіонѣ, а Тася все сидѣла и думала свою горькую думу.

— Не хотятъ меня—и не надо! — упрямо твердила дѣвочка,—я ихъ и сама не хочу и мнѣ онѣ не нужны тоже. И безъ нихъ проживу прекрасно. Что за важность, что Дуся меня бросила. Дуся—гордячка. Я ея не люблю больше. Воображаетъ, что лучше всѣхъ. И зачѣмъ мама отдала меня сюда! Здѣсь только мучаютъ бѣдную Тасю! Сердятся! Бранятся! Наказываютъ... «Исправься, а потомъ я вернусь къ тебѣ»,—зло передразнила она Дусю. — Очень нужно! Мнѣ и такъ хорошо. Вотъ на зло не исправлюсь ни капельки. Меня не хотятъ, и я никого не хочу. Возьму и уйду отъ ихъ всѣхъ. Да, уйду. Воображаю, какъ онѣ всѣ испугаются, забѣгаютъ. Гдѣ Тася? Не видѣли Таси? А Тася тю-тю. И слѣдъ простылъ. Мама будетъ плакать и говорить: «Ахъ, зачѣмъ я отдала Тасю изъ дома!» И Леночка будетъ плакать, и няня, и Маня, и Дуся, и Карлуша, и даже Сова. Всѣ будутъ укорять другъ друга, что не умѣли обращаться съ Тасей, и когда всѣмъ будетъ тяжело, очень тяжело, — Тася вернется и скажетъ: «А вотъ и я! Вамъ было тяжело и грустно безъ меня и я вернулась. Но только за это вы всѣ должны дѣлать все, что я хочу, и баловать меня одну». И всѣ согласятся и будутъ очень рады возвращенію Таси. Но только куда уйти—вотъ вопросъ?

И такъ глубоко задумалась Тася надъ этимъ, что не замѣтила, какъ прямо противъ окна остановился тотъ самый мальчуганъ, которому она передала двѣ

недѣли тому назадъ Милку. Онъ долго стоялъ передъ окошкомъ, всячески стараясь обратить на себя вниманіе дѣвочки, но, видя, что та такъ погружена въ свои мысли, что не видитъ его, поднялъ кусокъ обмерзлой земли съ улицы и бросилъ его въ окно.

— Трахъ!—прозвучало что-то надъ головою Таси.

Она вздрогнула и подняла глаза.

— Здравствуй! — неожиданно обрадовалась она, увидя мальчика.

Вдругъ Тася вся вздрогнула отъ внезапно промелькнувшей въ ея головѣ мысли:

«Если уйти—такъ туда, къ нему, къ черноглазому мальчику и его хозяину. У нихъ превеселое житье. Пляшутъ, показываютъ фокусы, ходятъ по проволокѣ, дрессируютъ звѣрей. О, какъ все это весело и интересно! И никто не требуетъ отъ нихъ знанія французскаго языка и другихъ уроковъ! И всегда музыка и шумъ. Вотъ тамъ она, Тася, и отдохнетъ вволю отъ несносной пансіонской жизни. И время проведетъ весело и напугаетъ всѣхъ хорошенько. А когда ей надоѣстъ эта жизнь—она снова вернется въ пансіонъ. Что можетъ быть лучше и интереснѣе? Какъ это она не догадалась раньше!»

И, не долго думая, дѣвочка пріоткрыла форточку и звонкимъ шопотомъ обратилась къ мальчугану:

— Знаешь... я надумала. Я съ тобой уйду. Я тоже хочу плясать и выводить дрессированныхъ собачекъ!

— Молодецъ! Ай-да дѣвочка!—одобрилъ ее тотъ.— А знаешь, вѣдь я угадалъ, что такъ будетъ, и собакъ съ собой не взялъ. А то-бы онѣ шумъ подняли. Ваши

у насъ въ балаганѣ были сегодня и кошку отобрали. Хозяинъ - страхъ сердится. И говоритъ: «приведи дѣвчонку». Это тебя то-есть. Кошки они пожалѣли, дѣвочку потеряютъ. Ну, скорѣе собирайся. Спятъ у васъ?

— Спятъ!

— Такъ выходи скорѣе, пока никто не проснулся.

— Сейчасъ. Жди меня за угломъ.

И быстро соскочивъ съ окна Тася на цыпочкахъ проскользнула въ прихожую. Отыскать пальто и капоръ среди висѣвшей на вѣшалкѣ одежды пансіонерокъ, быстро накинуть на себя то и другое, неслышно подкрасться къ двери, пріотворить ее и проскользнуть на крыльцо — было для Таси дѣломъ двухъ-трехъ минутъ, не больше.

Ноябрьскій холодный воздухъ сразу охватилъ дѣвочку. Она, поеживаясь и подпрыгивая на ходу, спустилась съ крыльца и побѣжала по улицѣ, мимо не освѣщенныхъ оконъ пансіона. Повернувъ за уголъ, она лицомъ къ лицу столкнулась съ поджидавшимъ ее маленькимъ фокусникомъ.

— Ну, вотъ и я! Веди меня къ твоему хозяину! — вскричала Тася весело.

И дѣти, взявшись за руки, чуть не бѣгомъ пустились въ путь.

ГЛАВА XIX.

Новые знакомые.

Они шли долго, очень долго. Дорогой мальчикъ успѣлъ сообщить, что его зовутъ Петькой, а что его сестру звали прежде Зиной, но хозяинъ велѣлъ называть ее Розой. А его зоветъ «Король воздуха» и что такого, какъ онъ, Петька—другого нѣтъ мальчика въ цѣломъ свѣтѣ. И хозяинъ знаетъ это и очень дорожитъ имъ. И Розкой дорожитъ, потому что Розка отлично умѣетъ потѣшать публику своими танцами. А зато Андрюшку терпѣть не можетъ; Андрюшка ужасный нѣженка и такой неловкій, что постоянно падаетъ, а этого нельзя допустить во время представленія, потому что публика приходитъ въ балаганъ, чтобы веселиться, а не видѣть ушибы и увѣчья, да грустныя лица исполнителей.

Болтая такимъ образомъ дѣти незамѣтно дошли до самаго края города и вступили въ пригородную слободку, гдѣ жили только бѣдные обыватели.

— Ну, вотъ мы и дома! — проговорилъ Петька, когда они подошли къ небольшому домику, стоявшему нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ строеній.

— Тутъ вы и показываете фокусы? — поинтересовалась Тася.

— Вотъ-то глупая! — расхохотался самымъ неожиданнымъ образомъ Петька,—ишь, что выдумала! Балаганъ, гдѣ мы работаемъ, далеко отсюда, онъ стоитъ на площади посреди города, а это квартира наша. Понимаешь?

Тася сказала, что поняла, и оба перешагнули порогъ домика, похожаго на избушку.

Въ маленькой, грязной, закоптѣлой комнатѣ вокругъ деревяннаго стола сидѣли двое мужчинъ и дѣвочка приблизительно одного возраста съ Тасей. Старшій изъ присутствующихъ былъ высокій плотный брюнетъ съ сѣдою бородою и недобрымъ выраженіемъ черныхъ выпуклыхъ глазъ. Второй былъ юноша, почти мальчикъ лѣтъ 16-ти, съ такимъ блѣднымъ, измученнымъ и худымъ лицомъ, какое бываетъ только развѣ у трудно больныхъ. Два ярко-красныя пятна нездороваго румянца горѣли на его исхудалыхъ щекахъ. Дѣвочка была бы очень красива, если бы не непріятное выраженіе ея лукавыхъ темныхъ глазъ, плутовато разбѣгающихся въ разныя стороны. Она была поразительно похожа на Петьку.

— Ага! Добро пожаловать! — произнесъ старшій изъ присутствующихъ, шумно отодвигая свой стулъ, и, бросивъ быстрый взглядъ на Тасю, добавилъ недовольнымъ голосомъ:—ай да и худа же она, да и мала! Ну, незавидную-же птицу привелъ ты мнѣ, Петька. Финтифлюшка какая-то! Только и всего.

— Вовсе я не финтифлюшка, а Тася!—вспыхнула дѣвочка.

— Вотъ мы какъ!—громко расхохотался хозяинъ, и все его огромное тѣло заколыхалось въ разныя стороны,—такъ вотъ какъ! Скажите, пожалуйста, обидѣли ваше сіятельство! Не финтифлюшка онѣ, изволите видѣть, а Тася... Принцесса какая выискалась—видали такую?—обратился онъ къ дѣвочкѣ.

Та захихикала, закрывая ротъ рукою.

— Не смѣйте смѣяться надо мною! — проговорила, вся дрожа отъ негодованія и обиды, Тася, и слезы брызнули изъ ея глазъ.

— Ну! Ну! Поговори у меня! — вдругъ загремѣлъ на всю комнату страшный басъ хозяина,—я тебя вышколю живо. Разъ навсегда заруби ты у себя на носу, заморышъ: что бы ни говорилъ тебѣ хозяинъ—молчи! Ни слова чтобы у меня не пикнуть, а то берегись!

При этомъ грозномъ окликѣ Тася вздрогнула всѣмъ тѣломъ и невольно попятилась къ двери. Какое-то болѣзненное предчувствіе чего-то дурного впервые заговорило въ ея сердцѣ. Она шла сюда, въ надеждѣ найти здѣсь веселье, смѣхъ и постоянный праздникъ — и вдругъ, вмѣсто всего этого, закоптѣлая избенка, скудный ужинъ въ видѣ холодной похлебки и коровая хлѣба на столѣ, и этотъ страшный хозяинъ, одинъ видъ котораго способенъ привести въ ужасъ даже такую безстрашную дѣвочку, какою себя считала до сихъ поръ Тася. Ее неудержимо потянуло назадъ къ прежней тихой обстановкѣ пансіона, гдѣ никогда не кричали ни директоръ, ни надзирательница, и гдѣ, если ее и наказывали, то по заслугамъ, когда она стоила этого. Нѣтъ, нѣтъ, она была тысячу разъ не права,

— Вовсе я не финтифлюшка, а Тася!..

что убѣжала оттуда. Слава Богу, что еще не поздно, и она успѣетъ вернуться въ пансіонъ, пока ея тамъ еще не хватились.

— Послушайте!—произнесла дѣвочка робкимъ, нерѣшительнымъ голосомъ, какимъ еще никогда не говорила ни съ кѣмъ, — мнѣ здѣсь у васъ не нравится. Грязно здѣсь и неуютно. Я не останусь съ вами. Скверно у васъ. Я въ пансіонъ вернусь. Распорядитесь, чтобы меня туда проводили.

Едва она успѣла договорить послѣднюю фразу, какъ вся избушка точно ходуномъ пошла отъ громкаго взрыва хохота, который, казалось, потрясъ самыя стѣны крошечнаго помѣщенія. Хозяинъ хохоталъ во весь свой богатырскій голосъ, держась за бока, раскачиваясь изъ стороны въ сторону; ему вторилъ Петька, вертясь волчкомъ на одномъ мѣстѣ, и, наконецъ, красивая Роза пронзительно подвизгивала, хихикая себѣ подъ носъ и утирая слезы смѣха, выступившія ей на глаза. Одинъ блѣднолицый мальчикъ не смѣялся. Онъ молча смотрѣлъ во всѣ глаза на Тасю, и въ глубинѣ этихъ добрыхъ голубыхъ глазъ виднѣлось столько сочувствія, доброты и ласки...

Тася подождала, пока хохотъ стихъ немного, и проговорила уже безъ всякой робости и замѣшательства, какъ-бы ободренная этимъ смѣхомъ.

— Я не понимаю, чего тутъ смѣяться! — пожимая плечами, произнесла она, — я хочу обратно домой и требую, чтобы меня туда проводили.

— Требуешь?—такъ и выпучилъ на нее глаза хозяинъ и снова залился своимъ раскатистымъ смѣ-

хомъ.—Ишь, ты! «требую», — всхлипывая отъ обуявшаго его хохота, съ трудомъ выговаривалъ онъ, — «требую!» Вотъ принцесса какая выискалась! Извините, ваша свѣтлость, не смастерили еще тотъ экипажъ, который-бы отвезъ васъ въ пансіонъ обратно.

— Но я хочу домой!—нетерпѣливо вскричала Тася и топнула ногою.

И вдругъ смѣхъ разомъ прекратился. Огромный хозяинъ грозно взглянулъ на дѣвочку. Глаза его загорѣлись злобой.

— Слушай, ты! — крикнулъ онъ своимъ грубымъ голосомъ, — не глупи! Домой ты не пойдешь, а останешься у меня, въ моей труппѣ, благо она не велика, какъ сама видишь. Я научу тебя всякимъ штукамъ, и ты мнѣ поможешь зарабатывать деньги, какъ Петька, Роза и Андрей. Вотъ тебѣ мое послѣднее слово.

— Нѣтъ! я хочу домой! Домой! Хочу! Хочу! Сію минуту!—вдругъ расплакалась во весь голосъ Тася. — Отпустите меня домой! Я не останусь съ вами! Ни за что на свѣтѣ!

Она топала ногами, махала руками и кричала такъ, точно ее рѣжутъ. Потомъ, видя, что никто не слушаетъ ея стоновъ и не думаетъ везти ее домой, Тася съ быстротою молніи бросилась къ двери и, широко распахнувъ ее, готовилась убѣжать отсюда безъ оглядки, какъ вдругъ громкій крикъ испуга вырвался изъ ея груди. Три большіе лохматые звѣря съ грознымъ рычаніемъ бросились къ дѣвочкѣ. Это были три огромныя собаки, которыми господинъ Злыбинъ, такъ звали хозяина-фокусника, потѣшалъ публику.

— Что, испугалась? — разсмѣялся онъ, когда насмерть перепуганная дѣвочка кинулась къ нему же, ища его защиты. — Такъ-то лучше! А то: «уйду, да уйду». Ну, куда тебѣ уйти отъ меня, заморышъ? Ты никуда не уйдешь! Слышишь? Вонъ тѣ звѣри, Бижу, Ами и Трезорка, все равно догонятъ тебя. Они мои вѣрные друзья и слушаются меня безпрекословно. Догонятъ и искусаютъ до полусмерти. Не совѣтую тебѣ и пробовать убѣгать... а то придется, пожалуй, помимо собакъ, познакомиться съ этой игрушкой! — и съ послѣдними словами Злыбинъ снялъ со стѣны хлыстъ и, изогнувъ его, изо всей силы стегнулъ имъ воздухъ.

Послышался легкій, короткій свистъ. Собаки разомъ поджали хвосты и убрались въ сѣни. Имъ была, очевидно, хорошо знакома эта игрушка ихъ хозяина.

— Ну-съ, теперь, я думаю, у тебя отбило всякую охоту бѣжать отъ насъ? — насмѣшливо проговорилъ хозяинъ, обращаясь къ Тасѣ.—Ѣсть хочешь?

Тася, дрожавшая теперь какъ въ лихорадкѣ, не чувствовала ни малѣйшей охоты къ ѣдѣ. Она отрицательно покачала головою, не найдя въ себѣ силы отвѣтить на вопросъ страшнаго человѣка.

— Ну, не хочешь, и не надо, намъ же больше останется! — грубо засмѣялся тотъ. Затѣмъ, обратившись къ Петькѣ, все время съ большимъ вниманіемъ вмѣстѣ съ Розой наблюдавшему всю эту сцену, онъ сказалъ:—Отведи-ка ихъ свѣтлость въ каморку и прищелкни дверцу хорошенько, чтобы птичка снова не подумала вылетѣть изъ клѣтки.

— Ладно! — коротко отвѣтилъ тотъ и, подойдя къ Тасѣ, крикнулъ рѣзко: — Ну, идемъ! Слышала, что сказалъ хозяинъ?

И, грубо схвативъ дѣвочку за руку, онъ потащилъ ее куда-то въ сѣни. Вслѣдъ затѣмъ скрипнула какая-то дверь, которую Тася не видѣла въ темнотѣ, потомъ на дѣвочку пахнуло сырымъ, затхлымъ воздухомъ, и ея спутникъ исчезъ, оставивъ ее одну среди непрогляднаго мрака.

ГЛАВА XX.

M-lle Фифи и m-me Коко.—Другъ въ тяжелую минуту.

БОЛѢЗНЕННО-жутко сжалось сердечко Таси... Слезы отчаянія готовы были каждую минуту брызнуть изъ глазъ.

Господи! чего бы ни дала она теперь, лишь-бы только снова очутиться въ пансіонскомъ дортуарѣ, залитомъ мягкимъ свѣтомъ фонаря-ночника; чтобы снова увидѣть дѣвочекъ, которыя, если и ссорились съ нею, но никогда не обижали ее несправедливо, никогда не обращались съ нею грубо. А здѣсь! Этотъ страшный хозяинъ, похожій на разбойника; эти злыя, мохнатыя собаки, готовыя разорвать ее по одному его приказанію; эти плутоватыя, недобрыя дѣти, братъ и сестра, которые съ такимъ недоброжелательствомъ смотрѣли на нее! Какой дурной и безсердечный мальчикъ этотъ Петя! Какъ онъ обманулъ ее, говоря, что столько хорошаго ждетъ ее здѣсь! А она и повѣрила! Глупенькая, глупенькая дѣвочка! А теперь... Тася неожиданно опустилась на колѣни и горько, горько заплакала.

— Господи! Спаси меня! Сохрани меня! — шептала

дѣвочка,—Господи, помоги мнѣ. Я буду хорошей, послушной, покорной, только не отворачивай отъ меня Твоего лица, Господи! Не оставляй меня! Мнѣ такъ страшно! Такъ тяжело здѣсь!

Она горячо молилась. Откуда брались у нея и слова и чувство! Бывало, прежде, дома, няня разъ двадцать напоминала своей дѣвочкѣ о молитвѣ и утромъ и вечеромъ, а она и не думала слушаться ее: перекрестится кое-какъ, лишь-бы отстала отъ нея нянька, а то и такъ, безъ креста, уляжется спать. А въ пансіонѣ на общей молитвѣ она, Тася, не разъ шумѣла, смѣялась и задѣвала дѣвочекъ, за что неоднократно получала замѣчанія старшихъ. Зато теперь ея молитва была такъ чиста и глубока, такъ полна дѣтской святой вѣры, что она не могла остаться не услышанной Богомъ.

Помолившись и перекрестивъ воздухъ вокругъ себя, Тася въ изнеможеніи упала на холодный полъ каморки и задремала чуткимъ, болѣзненнымъ сномъ, поминутно вздрагивая и испуская по-временамъ тихіе, короткіе вздохи.

Такъ прошло часа два или три времени.

Вдругъ какой-то легкій шорохъ или шелестъ, вѣрнѣе, разбудилъ дѣвочку.

Она протянула руку и тотчасъ-же отдернула ее съ дикимъ, пронзительнымъ крикомъ. Ея рука коснулась чего-то скользкаго, гладкаго и холоднаго, что тихо шуршало и свистѣло во мракѣ подлѣ нея.

Въ ту-же минуту легкая полоса свѣта пробилась подъ щелью двери. Задвижка щелкнула, и блѣдноли-

цый мальчикъ, который такъ понравился вечеромъ своимъ кроткимъ печальнымъ видомъ Тасѣ, неожиданно появился съ фонаремъ на порогѣ.

Каморка освѣтилась. Тася увидѣла заплѣснѣвшія отъ сырости стѣны и крошечную клѣтушку съ земляным поломъ, и въ тотъ же мигъ новый крикъ ужаса сорвался съ губъ дѣвочки. Прямо передъ ней на аршинъ отъ пола поднялась, извиваясь, большая пестрая змѣя.

При видѣ отвратительнаго пресмыкающагося Тася была уже готова упасть безъ чувствъ на полъ клѣтушки, но блѣднолицый мальчикъ поспѣшилъ успокоить ее, пояснивъ торопливо:

— Ради Бога, не бойтесь нашей Фифи: Фифи не жалитъ. У нея вырваны ядовитые зубы, и потомъ она ручная, Фифи!

И, въ доказательство своихъ словъ, онъ повернулъ змѣю за шею и положилъ къ себѣ на грудь ея глянцовитую и круглую, какъ шарикъ, головку.

— Здравствуй, Фифи! Здравствуй, моя красавица!— говорилъ онъ, безстрашно гладя рукою гибкое, извивающееся тѣло змѣи.—А гдѣ же Коко? M-me Коко, гдѣ вы? — оглядываясь во всѣ стороны, спрашивалъ мальчикъ.

Въ углу клѣтушки что-то зашуршало, завозилось, зашумѣло, и тотчасъ-же маленькая уморительная обезьянка со смѣшными ужимками и гримасами очутилась на плечѣ мальчика.

— Здравствуй, Кокоша! Милый Кокоша!—и онъ поцѣловалъ обезьянку въ самую средину ея гримасничавшей мордочки.

Та самымъ серьезнымъ образомъ отвѣтила на его поцѣлуй, громко и вкусно чмокнувъ губами. Потомъ быстро сползла съ плеча мальчика, дотянулась до кармана его куртки и, запустивъ туда лапу, съ торжествующей миной извлекла изъ него небольшой кусокъ сахару.

Обезьянка была до того смѣшна со всѣми ея ужимками, что Тася не могла не улыбнуться, несмотря на только-что перенесенные страхи.

— Правда, она милушка?—замѣтя улыбку Таси, обратился къ ней мальчикъ, указывая глазами на обезьянку.

— Вы ее очень любите?—поинтересовалась Тася.

— Да кого-же мнѣ и любить-то, какъ не ее? Вотъ она да Фифи—мои друзья. Съ ними только и нахожу отдыхъ и спокойствіе,—печально заключилъ онъ. — Мнѣ тутъ очень тяжело. Вѣдь вы знаете, я живу у дяди. Нашъ хозяинъ мнѣ дядей приходится. А мнѣ хуже, чѣмъ другимъ, живется. Не можетъ мнѣ дядя моей болѣзни простить, сердится все, что силъ и способностей у меня нѣтъ такихъ, какъ у Пети. Онъ любитъ крѣпкихъ, здоровыхъ дѣтей, которыя ему деньги заработать могутъ. А я что могу? Чахотка у меня. Я все кашляю. По ночамъ особенно. Дядя велѣлъ мнѣ также акробатомъ одѣться и на головѣ стоять, такъ у меня кровь изъ горла ручьемъ хлынула. Потомъ, когда шпаги я глотать сталъ, опять. Ну, теперь онъ меня не выпускаетъ передъ публикой. Велитъ лакеемъ одѣваться во время представленія и служить во время фокусовъ на сценѣ, а дома

обѣдъ сготовить и слѣдить за звѣрями, кормить ихъ и ухаживать за ними.

— Очень обижаютъ васъ?—сочувственно спросила Тася мальчика, который ей нравился все больше и больше съ каждой минутой.

— Очень! И дядя бьетъ, и Петька, и Роза. А что я имъ сдѣлалъ? Не виноватъ же я, что такой слабый и больной. Ахъ, Господи, хоть-бы ужъ умереть скорѣе! Право, радъ былъ-бы. Коко да Фифи только и жаль,—произнесъ онъ тоскливо.

— Бѣдненькій! — прошептала чуть слышно Тася, готовая заплакать отъ жалости при видѣ печальнаго, измученнаго личика своего новаго пріятеля.—Ну, теперь они васъ не посмѣютъ обидѣть. Я за васъ заступлюсь,—произнесла она рѣшительно.

— Ну, куда вамъ, вы сами маленькая!—недовѣрчиво произнесъ мальчикъ.

— Ничего, хватитъ силы. А какъ васъ зовутъ?—снова спросила она мальчика.

— Андрюшей. Такъ меня мама называла. Она тоже у дяди жила сначала и тоже по проволокѣ ходила, какъ Петька теперь. И разъ сорвалась, упала на полъ мимо сѣтки, и тутъ-же умерла. Бѣдная мамочка, я ее очень любилъ! — и крупныя слезы блеснули въ глубокихъ тоскливыхъ глазахъ Андрюши.

«Бѣдный Андрюша!—подумала Тася,—и онъ сирота, какъ и Карлуша. У той папа умеръ, и она успокоиться не можетъ по немъ до сихъ поръ; у этого мама, и онъ о ней со слезами вспоминаетъ. А у нея, Таси, есть добрая, милая, ласковая мама, и она, Тася,

такъ много горькаго причинила ей! Сколько горя и печали! Должно быть много, очень много, если добрая мама рѣшила отдать ее такъ далеко отъ себя».

И вмигъ дѣвочку неудержимо потянуло увидѣть свою маму, услышать ея милый голосъ, почувствовать на своемъ лицѣ ея нѣжный поцѣлуй. Впервые тяжелое раскаяніе сильно и остро захватило маленькую душу Таси, заполнивъ собою всѣ ея уголки. И этотъ мальчикъ, поминутно глухо кашлявшій и хватавшійся за грудь, вдругъ сталъ ей дорогимъ и близкимъ. Ихъ общее горе приблизило его къ ней.

— Андрюша! — произнесла она, робко кладя ему руку на плечо,—вамъ жаль меня, Андрюша?

— Понятно жаль!—кивнулъ онъ головой.—Услыхалъ я, какъ закричали вы, такъ даже душа ушла въ пятки со страху: сразу догадался я, что Фифишка васъ напугала, зажегъ фонарь и прямо сюда. Хорошо, что не видѣлъ дядя, а то бы побилъ за это!

— Какой вы, Андрюша, хорошій, если не побоялись дядинаго наказанія и пришли сюда. Я вамъ никогда не забуду этого! — съ чувствомъ проговорила Тася.

Она подумала, какъ-бы она поступила на мѣстѣ Андрюши, и тутъ-же созналась, что никогда не пожертвовала бы собою для другихъ. А этотъ милый Андрюша оказался не такимъ, какъ она. Онъ не побоялся побоевъ и пришелъ къ ней!

— Знаете, Андрюша,—произнесла она, помолчавъ съ минуту,—будемъ друзьями. Здѣсь и мнѣ и вамъ одинаково тяжело, а вдвоемъ переносить горе куда лучше. Согласны?

— Еще-бы,—живо подтвердилъ тотъ.

И дѣти крѣпко обнялись, какъ родные.

— Ну, а теперь уходи, уходи отсюда! А то дядя еще проснется,—взволновалась Тася,—теперь я не буду бояться. Ты мнѣ только фонарь оставь.

— Хорошо, — согласился Андрюша, — спи хорошенько, завтра поговоримъ. А теперь — спокойной ночи.

И онъ скрылся за дверью.

Тася солгала, сказавъ, что она не боится. M-lle Фифи, свернувшаяся клубочкомъ у ея ногъ, наводила на дѣвочку нестерпимый ужасъ. Но примѣръ Андрюши, его самопожертвованіе задѣли ее за живое, и она хотѣла отплатить тѣмъ-же доброму мальчику.

«Лучше трястись всю ночь отъ страха изъ-за сосѣдства со змѣею,—рѣшила Тася,—нежели удержать Андрюшу при себѣ и тѣмъ подвергнуть его жестокому наказанію со стороны злого дяди».

Но Тасѣ не суждено было трястись всю ночь отъ страха, какъ ей казалось. Судьба, очевидно, сжалилась надъ дѣвочкой и, противъ своего ожиданія, она заснула крѣпкимъ дѣтскимъ сномъ безъ всякихъ сновидѣній.

ГЛАВА XXI.

Первый трудъ.—M-me Коко.—Неожиданное превращеніе.

— Эй, ты, лежебока! Вставай сію минуту и ставь самоваръ. Мнѣ надо идти съ хозяиномъ повторить къ вечеру мои упражненія, а Андрюшка опять боленъ и не можетъ встать съ постели!

И, говоря это, Роза раскачивала изо всѣхъ силъ Тасю за плечи.

Та открыла глаза и быстро вскочила съ пола, не соображая что съ нею и дико озираясь во всѣ стороны.

— Ну, ну, нечего прохлаждаться!—крикнула маленькая плясунья, — иди, когда приказываютъ, а то будетъ плохо.

И она толкнула Тасю изъ ея крошечнаго помѣщенія прямо въ грязную, маленькую, полутемную кухню, крикнувъ ей вдогонку:

— Да не забудь сапоги вычистить мужчинамъ! Слышишь?

Ставить самоваръ! Чистить сапоги!.. Думала-ли когда-нибудь прежде Тася, что ей придется нести та-

кія тяжелыя обязанности. Какъ далека она была отъ этихъ мыслей, когда подставляла, бывало, нянѣ свои маленькія ножки, чтобы старуха обувала ее, взрослую девятилѣтнюю дѣвочку! И вотъ какъ зло судьба посмѣялась надъ нею! Ей самой приходится исполнять тяжелую, непосильную работу. Но дѣлать было нечего. Изъ сосѣдняго помѣщенія раздавался сердитый голосъ хозяина, наводившій неподдѣльный трепетъ на бѣдную дѣвочку. Она видѣла однажды, какъ въ ея присутствіи ставила самоваръ няня, и, съ трудомъ перетащивъ тяжелую посуду съ полки къ печкѣ, принялась за дѣло. Однако, не легкимъ показалось это дѣло неумѣлымъ маленькимъ ручонкамъ Таси! Уголья отсырѣли и не загорались. Самоваръ былъ холоденъ попрежнему, а изъ жилой комнаты избы слышался грозный вопросъ хозяина:

— Ну, что-же, ты намѣрена оставить насъ безъ чая, гадкая лѣнтяйка?

Тася была въ отчаяніи.

Въ ту самую минуту, когда она, окончательно упавъ духомъ, готовилась пойти уже признаться г. Злыбину, что не въ силахъ справиться съ работой, дверь въ кухню чуть пріотворилась, и блѣдный, какъ смерть, Андрюша, едва передвигая ноги отъ слабости, переступилъ порогъ.

— Я пришелъ помочь тебѣ,—произнесъ онъ глухо, съ трудомъ роняя слова съ запекшихся отъ жара губъ.

— Но ты упадешь сейчасъ! На тебѣ лица нѣтъ,— прошептала такъ-же тихо дѣвочка, бросаясь къ нему навстрѣчу, чтобы поддержать его.

— Нѣтъ, ничего, мнѣ лучше чуточку. Вотъ я и пришелъ къ тебѣ. Дай, помогу,—успокаивалъ онъ ее и дрожащими руками хлопоталъ около самовара.

— Ну, теперь готово, неси! А я сапоги почищу за тебя въ это время, — также тихо, чтобы не быть услышаннымъ въ сосѣдней комнатѣ, произнесъ черезъ нѣсколько минутъ добрый мальчикъ.

Тася молча, благодарно взглянула на него и, съ трудомъ, поднявъ самоваръ, потащила его въ горницу.

— Ага! наконецъ-то,—сердито встрѣтилъ ее хозяинъ, и глаза его, устремленные на дѣвочку, насмѣшливо блеснули.—Что, сообразила, что тутъ капризами ничего не подѣлаешь? Смирилась, небось!

И потомъ, помолчавъ съ минуту, добавилъ снова:

— Пока я буду съ ними (онъ кивнулъ на Петьку и Розу) въ балаганѣ готовиться къ вечернему представленію, чтобы ты у меня и комнату прибрала, и полы вымыла, и обѣдъ сготовила. Андрюшка боленъ, не сегодня — завтра умретъ, такъ чтобы ты у меня живо все это продѣлала, если не хочешь познакомиться съ моею плеткою.

И съ этими словами онъ быстро накинулъ на плечи порыжѣвшее отъ времени пальто, надѣлъ на голову старый, помятый цилиндръ и въ сопровожденіи дѣтей вышелъ изъ избушки. Три собаки поплелись за ними. Онѣ знали, что пришелъ часъ ихъ работы.

Едва только дверь захлопнулась за хозяевами и ключъ повернулся въ замкѣ снаружи (г. Злыбинъ не забылъ запереть Тасю на время своего отсутствія), больной Андрюша позвалъ къ себѣ дѣвочку.

— Ты ѣсть хочешь?—спросилъ онъ.

Тася сейчасъ только, при напоминаніи объ ѣдѣ, почувствовала голодъ. Не мудрено. Со вчерашняго обѣда въ пансіонѣ у нея не было во рту ни росинки.

— Ужасно хочу!—откровенно созналась она.

— Такъ налей себѣ чаю и поѣшь хлѣба съ колбасой; тамъ на столѣ все стоитъ со вчерашняго дня,—сказалъ онъ и самъ, съ трудомъ двигая ослабѣвшія ноги, перешелъ изъ кухни въ горницу.

На столѣ дѣйствительно валялись черствые куски хлѣба и заплѣснѣвшій кусокъ копченой колбасы.

Тася, никогда въ жизни не ѣвшая ничего подобнаго, брезгливо морщась, поднесла ко рту то и другое. Несмотря на отвращеніе къ подобнаго рода закускѣ голодъ заставилъ бѣдную дѣвочку уничтожить все, что было на столѣ.

И только когда послѣдній кусокъ былъ проглоченъ ею, она вспомнила, что не подѣлилась съ Андрюшей своимъ скуднымъ завтракомъ. Вспомнила и покраснѣла.

— Какъ-же ты-то будешь! Я все съѣла,—съ сокрушеніемъ въ голосѣ произнесла она.

— Не безпокойся! — поторопился утѣшить ее добрый мальчикъ,—мнѣ ничего не надо. Я очень страдаю. Грудь у меня такъ ломитъ, что и думать не приходится о ѣдѣ. А ты теперь принимайся за работу. Постой-ка, я налью тебѣ въ ведро воды и отыщу мыло и тряпку. Ты полы вымоешь прежде всего.

Вымыть полы! Ей, Тасѣ Стогунцевой, мыть полы въ этомъ грязномъ закоптѣломъ домишкѣ! Она пришла

въ ужасъ отъ этой мысли. Но долго раздумывать ей не было времени. Андрюша съ трудомъ притащилъ ведро въ горницу и показалъ Тасѣ, что надо дѣлать. Добрый мальчикъ очень охотно исполнилъ-бы за нее работу, но едва онъ опустился на полъ, какъ страшная боль въ поясницѣ заставила его громко вскрикнуть.

— Нѣтъ, не могу!—простоналъ несчастный ребенокъ.

Тася бросилась къ нему на помощь, помогла подняться и отвела его въ крошечную полутемную каморку, гдѣ онъ спалъ на грязной сырой подстилкѣ изъ соломы. Но мальчикъ, казалось, меньше думалъ о своихъ страданіяхъ, нежели о дѣлахъ Таси.

— Какъ-то ты справишься?—поминутно говорилъ онъ въ промежуткахъ между приступами мучительнаго кашля, — какъ-то удастся тебѣ приготовить обѣдъ и прибраться къ приходу хозяина, бѣдняжечка.

И тутъ-же онъ подробно объяснилъ Тасѣ, какъ надо жарить картофель и варить молочную похлебку.

Покончивъ съ мытьемъ половъ и уборкой, Тася присѣла отдохнуть немножко. Ей казалось, что ноги и руки у нея готовы отняться отъ усталости; всѣ суставы болѣли, спину ломило, а между тѣмъ снова приходилось браться за работу. Теперь ей надо было сготовить обѣдъ. Тася, руководствуясь указаніями Андрюши, налила молоко въ кастрюлю, положила туда муки и соли и поставила все это на плиту, заранѣе разведенную заботливыми руками ея новаго друга. Обжигая себѣ пальцы и поминутно вскрикивая отъ боли, дѣвочка справилась кое-какъ съ этой задачей и по-

хлебка была готова черезъ полчаса. Тогда, отставивъ ее на край плиты, Тася поспѣшила въ комнату—перемыть посуду и приготовить все нужное къ обѣду.

Накрывъ столъ и покончивъ всѣ приготовленія къ обѣду Тася вернулась въ кухню и... вскрикнула отъ изумленія и испуга. На плитѣ не было горшка съ похлебкой, а съ вышины кухонной полки раздавалось какое-то подозрительное чавканье и причмокиваніе. Тася подняла голову кверху и обомлѣла. Подъ самымъ потолкомъ кухни, свѣсивъ ноги съ полки и обвивъ руками горшокъ съ похлебкой, сидѣлъ Коко и съ аппетитомъ уничтожалъ кушанье, поминутно опуская въ него ложку. При этомъ его необычайно смѣшная обезьянья мордочка расплылась въ счастливую и довольную улыбку.

Очевидно кушанье пришлось по вкусу обезьянкѣ.

Но Тася, при видѣ этой картины, пришла въ ужасъ. Что будетъ теперь съ нею? Какъ поступитъ съ нею г. Злыбинъ, когда узнаетъ, что всѣ они по ея милости оставлены безъ обѣда? Онъ навѣрное безжалостно накажетъ ее, ни въ чемъ неповинную Тасю! Дѣвочка вся вздрогнула при одной мысли о томъ, что ее ожидаетъ.

Терять времени было нечего. Надо было во что бы то ни стало заставить Коко отдать горшокъ съ похлебкой.

И Тася, осторожно приблизившись къ обезьянкѣ, подставила табуретъ, влѣзла на него и протянула руку, стараясь поймать проказницу. Но Коко былъ не промахъ и, прижимая къ груди свою драгоцѣнную

ношу, пересѣлъ на другое мѣсто и выплеснулъ мимоходомъ изъ горшка добрую половину содержимаго. При этомъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, поглядывалъ на дѣвочку, строя ей самыя милыя и уморительныя рожицы.

Тася пришла въ ужасъ. Еще одинъ подобный прыжокъ со стороны проказницы-обезьянки и въ горшкѣ не останется ничего.

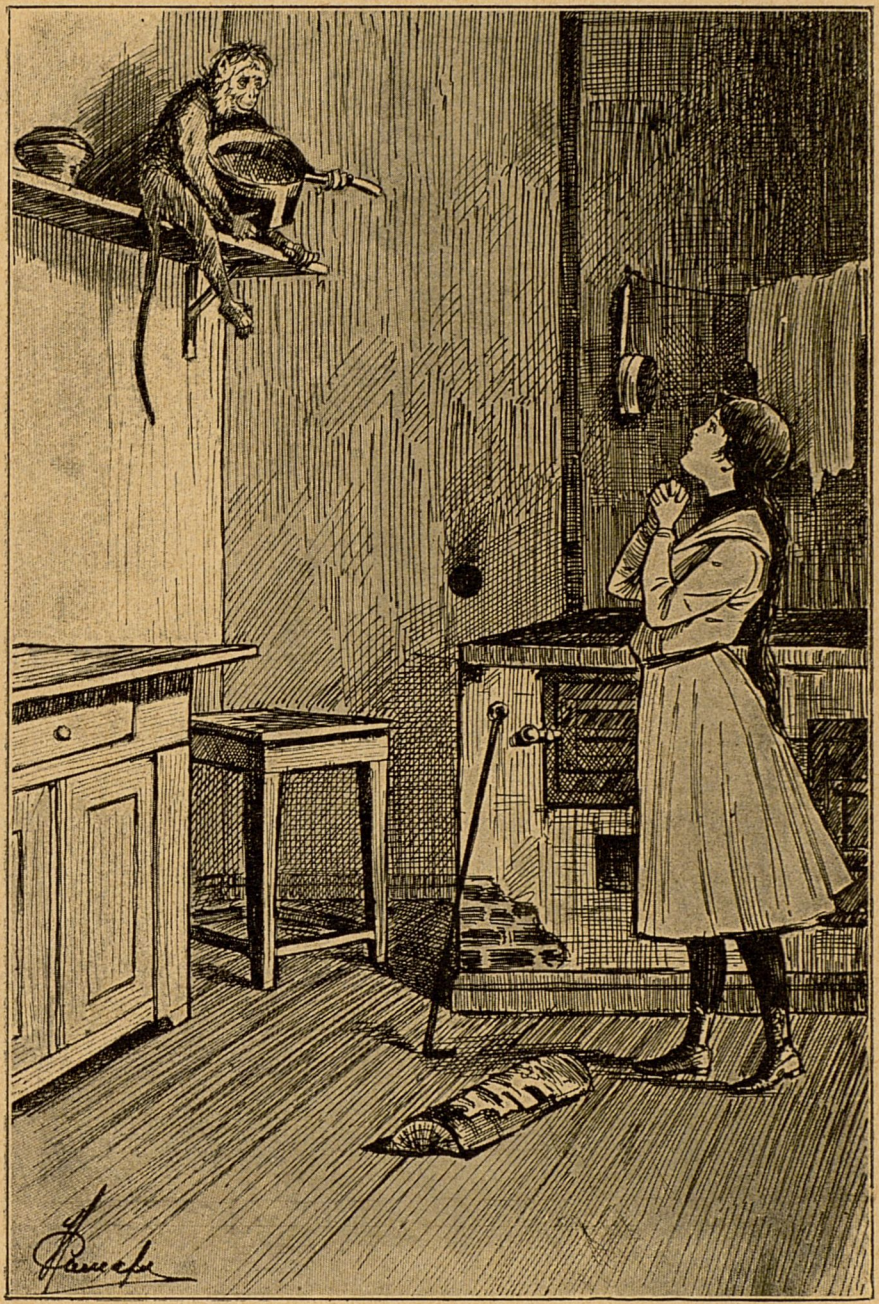
— Коко, милый, дорогой Коко!—произнесла самымъ ласковымъ голосомъ дѣвочка,—сойди сюда и отдай мнѣ горшечекъ!

И она для большей убѣдительности съ мольбой сложила руки на груди и смотрѣла на обезьянку. Обезьянка живо отставила горшокъ въ сторону и, сложивъ переднія лапки, уставилась глазами на Тасю съ такимъ-же умоляющимъ выраженіемъ, очевидно, передразнивая дѣвочку. Это было очень забавно, и Тася не могла не улыбнуться продѣлкѣ проказницы, несмотря на переживаемые ею страхи. Но когда Коко снова принялся за ѣду, ей уже было не до смѣха.

— Противная обезьяна! Отдашь-ли ты мнѣ горшокъ!—гнѣвно вскричала дѣвочка, разомъ потерявъ терпѣніе и, топнувъ ногою, она погрозила кулакомъ обезьянкѣ.

Каково-же было ея негодованіе, когда злополучный Коко поднялъ лапу и, уморительно гримасничая, передразнилъ ее снова.

— Ну, постой-же, глупая обезьяна!—совершенно выйдя изъ себя, вскричала Тася,—я проучу тебя!



Очевидно, кушанье пришлось по вкусу обезьянкѣ...

И она вскочила на столъ, откуда было легче достать Кокошку. Но обезьяна не дремала въ свою очередь. Быстрѣе молніи подняла она обѣими руками горшокъ и, прежде чѣмъ Тася успѣла остановить ее, опрокинувъ его себѣ на голову, надѣла на подобіе шляпы. Остатки похлебки потекли бѣлыми ручейками по лапамъ и мордочкѣ четвероногой проказницы. Забавно гримасничая и подфыркивая, она стала поспѣшно утираться и охорашиваться, какъ избалованный капризный ребенокъ, снова затѣмъ схватилась лапою за горшокъ и, приподнимая его, какъ шляпу надъ головою, стала расшаркиваться передъ Тасей съ самымъ уморительнымъ видомъ.

Въ ту-же минуту ключъ звякнулъ въ замкѣ, дверь скрипнула. Съ замирающимъ сердцемъ Тася приготовилась къ расправѣ.

Вошелъ г. Злыбинъ и дѣти. Дѣвочка съ ужасомъ ждала, что они сейчасъ-же потребуютъ обѣдъ и, не получивъ его, примутся за нее. Но ничего подобнаго не случилось. Лицо стараго фокусника было очень сосредоточенно и серьезно. Очевидно, что-то важное произошло съ нимъ въ это утро. Такъ, по крайней мѣрѣ, предполагала Тася и не ошиблась.

— Слушай, дѣвочка,—проговорилъ онъ, едва переступивъ порогъ комнаты,—сейчасъ мы уѣдемъ отсюда въ большой городъ. Но въ твоемъ настоящемъ видѣ тебѣ ѣхать нельзя. Поэтому вотъ тебѣ платье: пойди, одѣнь его и возвращайся какъ можно скорѣе. Нельзя терять ни минуты времени. Поѣздъ отходитъ черезъ часъ.

Сказавъ это, онъ бросилъ въ руки Таси небольшой свертокъ тряпья.

Дѣвочка удалилась съ узелкомъ въ клѣтушку и когда вернулась оттуда, то врядъ-ли кто изъ знакомыхъ и друзей узналъ-бы теперь Тасю. Вмѣсто простенькаго, но изящнаго платьица пансіонерки на ней были надѣты заплатанныя во многихъ мѣстахъ панталоны, стоптанные рыжіе сапоги и куртка съ чужого плеча, рукава которой едва доходили до кистей рукъ. На головѣ была мужская фуражка съ помятымъ козырькомъ. Роза, помогавшая дѣвочкѣ одѣваться, хохотала самымъ искреннимъ образомъ при видѣ забавно-жалкой фигуры Таси. Но и Злыбинъ, кажется, остался вполнѣ доволенъ своей выдумкой.

— Только волосы выдаютъ. Кудри, какъ у дѣвочки,—пробурчалъ онъ себѣ подъ носъ, оглядывая всю фигурку Таси пристальнымъ, испытующимъ взглядомъ.—Ну, да это легко исправить,—добавилъ онъ и, прежде чѣмъ Тася могла опомниться, старый фокусникъ схватилъ со стола большія ножницы, какими обыкновенно кроятъ портные, и вмигъ отъ красивыхъ, глянцевитыхъ кудрей дѣвочки не осталось и слѣда.

Теперь ее врядъ-ли бы узнали даже самые близкіе родные. Тася Стогунцева исчезла безслѣдно, уступивъ свое мѣсто тоненькому черноглазому мальчику съ испуганнымъ личикомъ и коротко остриженными кудрями.

— Ну, а теперь,—проговорилъ далеко неласковымъ тономъ г. Злыбинъ, обращаясь къ дѣвочкѣ, —

изволь забыть разъ навсегда твое имя, фамилію и прочее. Отнынѣ ты мой племянникъ, братъ Андрея, и зовутъ тебя Толька, Анатолій, понимаешь? А на афишѣ ты будешь называться маленькій Тото, фокусникъ Тото. Слышишь?

— Слышу!—робко проронила Тася.

— И чтобы тебѣ въ голову не пришло жаловаться кому бы то ни было на хозяина или разыскивать родныхъ и друзей! Слышишь? По дорогѣ не смѣй ни съ кѣмъ вступать въ разговоры! За первое слово, обращенное къ чужимъ, я тебя такъ отхлещу моей плеткой, что у тебя разъ навсегда отпадетъ охота искать спасенія. — И произнеся эту внушительно-суровую рѣчь, г. Злыбинъ захлопоталъ съ отъѣздомъ.

ГЛАВА XXII.

Новая пытка.—Коко въ роли парикмахера.—Побѣгъ.

НОВОЕ

БЛЕСТЯЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ.

МАЛОЛѢТНІЙ ТОТО—ДИТЯ ВОЗДУХА. ЧУДО-РЕБЕНОКЪ.

САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ ЗРѢЛИЩЕ СЕЗОНА!

ВСЕГО ТРИ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ!

Странствующая труппа извѣстнаго европейскаго фокусника, неподражаемаго г. Злыбина.

Плата за входъ отъ 2 руб. до 20 коп.

Такъ гласила ярко размалеванная пестрыми красками афиша, прибитая къ дверямъ небольшого круглаго зданія, находившагося въ предмѣстьѣ столицы.

Въ то время какъ толпа зѣвакъ разсматривала афишу, на которой, помимо заманчиваго объявленія, были изображены прыгающія черезъ обручи собаки, стрѣляющая изъ револьвера обезьянка и человѣкъ,

глотающій шпаги, внутри круглаго зданія шла обычная работа.

На земляномъ полу круглой площадки, гдѣ давалось самое представленіе, были воткнуты два шеста, между которыми чуть трепетала протянутая на двѣ сажени отъ земли проволока. Подъ проволокой были положены матрацы и густо насыпаны опилки на случай паденія жонглирующихъ акробатовъ.

Г. Злыбинъ стоялъ у одного изъ столбовъ, держась за него рукою. Передъ нимъ находилась крошечная робкая фигурка мальчика, съ мольбою смотрѣвшаго на него своими большими испуганными глазами.

Всего двѣ недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ Тася попала въ руки фокусника, а никто бы не узналъ въ этомъ притихшемъ, кроткомъ, измученномъ ребенкѣ прежнюю непокорную, дерзкую и капризную дѣвочку. Постоянный страхъ наказаній, тяжелая домашняя работа и, наконецъ, ужасныя и головоломныя упражненія, которыми полдня занимался съ нею хозяинъ, все это окончательно измѣнило крутой и тяжелый характеръ дѣвочки. Отъ прежней Таси осталась одна внѣшность, да и то сильно, почти до неузнаваемости измѣненная. Всегда прежде блестѣвшіе задоромъ глазки дѣвочки теперь приняли грустное выраженіе; губы, надувавшіяся поминутно на все, что не приходилось по нраву ихъ владѣлицѣ, научились улыбаться теперь тихой, покорной улыбкой.

Дѣвочка только теперь поняла, какъ не права она была и дома, и въ пансіонѣ, сколько горя причиняла

она окружающимъ, какимъ она была злымъ, нехорошимъ ребенкомъ.

Каждый вечеръ, ложась въ постель или попросту на жесткую лавку, пріютившуюся въ одной изъ каморокъ циркового балагана, Тася горячо молила Бога простить ей ея былые грѣхи и сдѣлать чудо—вернуть ее къ ея милой мамочкѣ, Ленѣ, нянѣ и всѣмъ тѣмъ, кто ее такъ любилъ и кому она причинила столько огорченій. Даже m-lle Marie казалась ей теперь ангеломъ доброты въ сравненіи съ жестокимъ хозяиномъ и злыми Петькой и Розой. Одинъ Андрюша еще скрашивалъ ей ея тяжелое существованіе своими ласковыми разговорами и утѣшеніями, но Андрюша съ каждымъ днемъ все дѣлался слабѣе и слабѣе и почти не сходилъ теперь съ кровати. И все бы вынесла Тася безъ ропота и смиренно, какъ наказаніе за свой дурной нравъ, но одного она вынести была не въ силахъ: она не могла научиться тѣмъ фокусамъ и акробатическимъ продѣлкамъ, которымъ обучалъ ее ежедневно хозяинъ. Она научилась стряпать обѣдъ, мыть и убирать посуду, приводить въ порядокъ ихъ балаганъ, который былъ извѣстенъ въ кварталѣ подъ громкимъ именемъ цирка, но стоять на шестѣ на высотѣ двухъ саженей отъ земли, или, балансируя руками, скользить по тонкой проволокѣ, этому долго не могла выучиться Тася. Многихъ усилій стоило старому фокуснику заставить дѣвочку исполнить намѣченныя упражненія. Много синяковъ и рубцовъ насчитывалось на тѣльцѣ Таси, прежде чѣмъ она рѣшилась исполнить желаніе своего мучителя. Но хозяинъ

достигъ своего: Тася ходитъ по проволокѣ и выкидываетъ разные акробатическіе фокусы на шестѣ. Завтра она выйдетъ въ первый разъ передъ публикой, въ качествѣ «чудо-ребенка» или «дитяти воздуха», о чемъ торжественно гласитъ разноцвѣтная афиша.

Сегодня г. Злыбинъ требуетъ повторить упражненія нѣсколько разъ. А Тася, какъ нарочно, такъ устала! Ей хочется забиться въ какой-нибудь темный уголъ и уснуть крѣпко, крѣпко. «Ахъ, если-бы можно было отказаться отъ этихъ упражненій!» — думаетъ бѣдная, измученная Тася. Но нѣтъ: надо снова взбираться по шесту и продѣлать все то, что требуетъ ея мучитель. И бѣда, если она не исполнитъ требуемаго. У стараго фокусника его плетка съ собою...

Сегодня, къ счастью, старый фокусникъ доволенъ Тасей. Онъ помогъ слѣзть съ трапеціи робѣвшей дѣвочкѣ и, погладивъ по головкѣ, отпустилъ ее отдыхать.

Тася съ облегченнымъ вздохомъ направилась въ свою каморку, находившуюся поблизости арены, съ цѣлью соснуть хоть съ полчаса времени, какъ внезапно ея вниманіе было привлечено легкимъ шумомъ въ сосѣдней съ ея помѣщеніемъ комнатѣ плясуньи Розы.

Этотъ шумъ показался подозрительнымъ дѣвочкѣ. Съ трудомъ поднявшись со своего жесткаго ложа она прошла туда и, пріоткрывъ дверь, остановилась на порогѣ, пораженная страннымъ зрѣлищемъ: въ углу, на убогой, но чисто прибранной кроваткѣ, —

благодаря стараніямъ той-же Таси, которая завѣдывала чистотою и убранствомъ балагана, крѣпко спала, утомленная утренней репетиціей, Роза. Но, Боже мой, что сталось съ густою черною косою дѣвочки! Она была отрѣзана до шеи и черныя пряди глянцевито-блестящихъ локоновъ валялись на полу около постели. А на комодѣ, стоявшемъ тутъ-же, въ углу, опрокидывая банки съ пудрой и помадой, строя передъ зеркаломъ самыя невозможныя рожицы, Коко плясалъ какой-то невѣдомый танецъ, потряхивая въ воздухѣ рукою, вооруженною большими портняжными ножницами, тѣми самыми ножницами, которыми двѣ недѣли тому назадъ обстригъ старый фокусникъ Тасю. Въ одну минуту Тася поняла все. Обезьянка, присутствовавшая при стрижкѣ Тасиныхъ локоновъ, пожелала продѣлать то-же и съ головою Розы и съ успѣхомъ исполнила свой замыселъ.

— Роза! Роза! проснитесь!—закричала не своимъ голосомъ Тася.—Она отрѣзала вамъ волосы! Она отрѣзала вамъ косу!—теребя сонную дѣвочку лепетала она въ страхѣ.

Маленькая плясунья открыла заспанные глаза и, ровно ничего не понимая, вытаращила ихъ на Тасю.

Вдругъ взглядъ ея упалъ на отрѣзанную косу, валявшуюся на полу.

Роза вздрогнула, поблѣднѣла и крикъ злобы, ужаса и отчаянія вылетѣлъ изъ ея груди. Въ ту-же минуту глаза ея обѣжали комнату и встрѣтились съ недоумѣвающе мигающими глазками обезьянки. Роза не нуждалась въ поясненіи. Маленькая преступница была на-лицо.

— Постой ты у меня, скверная звѣрюшка! — въ бѣшенствѣ вскричала Роза и, схвативъ валявшуюся на полу палку, она замахнулась ею на Коко...

Пронзительный крикъ прозвучалъ короткимъ звукомъ въ крошечной комнаткѣ, потомъ безчувственный Коко, перевернувшись въ воздухѣ, мягко шлепнулся на полъ.

— Ага, не нравится! — кричала, не помня себя, разсвирѣпѣвшая дѣвочка и снова замахнулась палкой, чтобы вторично ударить несчастнаго звѣрька.

— Ради Бога, не троньте его! Вы развѣ не видите! Ему худо! — вскричала Тася, съ трудомъ удерживая за руку разошедшуюся въ своемъ гнѣвѣ плясунью.

— Не говори вздора! Эта хитрая обезьяна умѣетъ притворяться, чтобы избѣжать наказанія, — кричала взбѣшенная Роза и взмахнула палкой.

Но тихій стонъ, вырвавшійся изъ грудки маленькаго звѣрька, остановилъ ее во-время, потомъ тѣльце несчастнаго Коко судорожно встрепенулось, глаза широко раскрылись, исполненные мучительнаго выраженія, похожіе, какъ двѣ капли воды, на глаза человѣка, потомъ онъ вздрогнулъ еще разъ и, вытянувшись во всю свою длину, остался неподвижнымъ посреди комнаты.

— Онъ умеръ!—прошептала испуганно Тася.

— Вздоръ! — возразила Роза и изо всѣхъ силъ подкинула тѣло обезьяны ногою въ воздухъ.

Но злополучное маленькое тѣльце снова неподвижно, какъ мѣшокъ, распростерлось на полу. Тогда

наступила очередь Розы придти въ ужасъ. Дѣвочка вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Блѣдная, какъ смерть, она металась по комнатѣ и, хватаясь за голову, стонала:

— Она убита! Она убита! Что дѣлать? Что дѣлать? Хозяинъ далъ большія деньги за Коко! Эта обезьянка рѣдкой породы! Онъ прибьетъ теперь меня за нее до смерти! А это все ты!—неожиданно накинулась она на Тасю,—пришла-бы ты во-время, и мои волосы были-бы цѣлы и Коко остался-бы живъ! Все ты, гадкая, скверная лѣнтяйка! Небось, спала себѣ сладкимъ сномъ и нимало не заботилась о насъ... Ну, такъ и отвѣчай сама! Слышишь? Ты убила Коко, а не я! Такъ и скажу хозяину, когда онъ кончитъ заниматься съ собаками. Пусть онъ раздѣлается съ тобой хорошенько! Ты стоишь этого, дрянная, гадкая лѣнтяйка. Не сумѣла усмотрѣть за обезьяной и пеняй на себя за это. Ты ее убила! Ты ударила ее палкой, а я ничего не знаю! Я въ это время спала! Да, да, спала! Такъ и скажу хозяину и пусть онъ бьетъ тебя сколько угодно... Пусть! Пусть! Пусть!

И съ этими словами Роза выбѣжала изъ комнаты злая, возбужденная и взволнованная, оставивъ Тасю наединѣ съ мертвымъ Коко.

ГЛАВА XXIII.

Побѣгъ.

РОЗА ушла, а Тася осталась перепуганная на смерть словами злой дѣвочки. Она знала, что маленькая плясунья сдержитъ свое обѣщаніе и оклевещетъ ее, Тасю, налгавъ на нее. Знала и то, что отъ г. Злыбина нечего было ждать пощады. За потерю Коко онъ до смерти забьетъ ее, Тасю.

Дрожь пробѣжала по тѣлу дѣвочки. О! она не вынесетъ побоевъ; у нея отъ нихъ и то все тѣло ноетъ и болитъ, какъ разбитое. Она вся въ синякахъ и рубцахъ отъ слѣдовъ плетки, и новые колотушки и удары доканаютъ ее. А ей, Тасѣ, такъ хочется жить, она еще такая маленькая, такъ мало видѣла жизни, ей такъ хочется повидать дорогую маму, сестру, брата, милую няню, всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ. Она не вынесетъ новаго наказанія! Нѣтъ, нѣтъ, она не вынесетъ его и умретъ, какъ умеръ Коко отъ удара Розы.

Надо избѣжать этого наказанія, ей надо уйти во что бы то ни стало изъ цирка. Сейчасъ! Сію минуту,

пока Роза не успѣла еще пожаловаться хозяину и еще не хватились Таси. Сейчасъ всѣ такъ заняты своимъ дѣломъ, что ея не замѣтятъ, пожалуй. Собаки повторяютъ свои штуки на аренѣ, Петька и г. Злыбинъ съ ними, Роза пошла туда-же... Самый удобный для бѣгства моментъ. Только Андрюшу жалко. Жаль уйти, не простившись съ больнымъ мальчикомъ, который былъ такъ добръ къ ней, Тасѣ... Но она всей душой благодарна Андрюшѣ, а уйдетъ, не повидавъ его... Нельзя медлить ни минуты!

— Нельзя медлить ни минуты!—еще разъ повторила Тася и, бросивъ прощальный взглядъ на мертвое тѣльце обезьянки, которая такъ часто потѣшала ее своими ужимками и огорчала проказами, быстро проскользнула къ выходу, какъ была, въ своемъ легкомъ костюмчикѣ мальчика, позабывъ даже надѣть свой старенькій картузъ.

Былъ холодный декабрьскій вечеръ. На городскихъ часахъ пробило шесть, но зимою дни темны и коротки, и неудивительно, что на дворѣ стояла настоящая ночь. Холодный вѣтеръ пронизывалъ насквозь одежду Таси. Дрожь озноба начинала трясти дѣвочку, но, не обращая вниманія на холодъ и стужу, она бѣжала, подпрыгивая на-ходу, все прибавляя и прибавляя шагу.

Балаганъ, отданный въ распоряженіе труппѣ фокусника, стоялъ почти на концѣ квартала, и за нимъ сразу начинался большой старый паркъ, примыкавшій къ городу. Лѣтомъ должно было быть чудно хорошо въ этомъ паркѣ, но теперь огромные сугробы

снѣга сплошь покрыли его аллеи и дорожки. Деревья стояли совсѣмъ серебряныя отъ инея, а надъ всей этой бѣлой полосой темнѣло темное зимнее небо, осыпанное милліардами звѣздъ.

Дѣвочка смотрѣла на звѣздное небо, на бѣлые сугробы и шла все тише и тише. Силы оставляли ее. Ознобъ дѣлался сильнѣе. Мысли вязались съ трудомъ въ утомленной головкѣ Таси. Странная ломота охватывала все тѣло.

«Я, кажется, больна! — подумала она. — Ужъ не вернуться-ли назадъ!» — мелькнула нерѣшительная мысль въ головѣ дѣвочки, но она тотчасъ-же съ ужасомъ отклонила ее.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Ни за что! Тамъ ждутъ побои и муки, а здѣсь, кто знаетъ, можетъ быть, я встрѣчу кого-нибудь, кто укажетъ мнѣ дорогу на вокзалъ. Упрошу посадить меня въ поѣздъ и довезти до нашего города, гдѣ пансіонъ. А оттуда къ мамѣ! Къ милой, дорогой мамѣ, чтобы ужъ никогда не разлучаться съ нею, никогда не огорчать ее дурными, злыми выходками... Никогда! Ты слышишь, Господи! — прошептали посинѣвшія отъ холода губы дѣвочки, и она подняла исполненный мольбы взоръ къ небу.

И вдругъ ноги ея подогнулись, она вся пошатнулась и, обезсиленная усталостью и волненіемъ, опустилась въ мягкій сугробъ снѣга. Глаза ея тотчасъ же закрылись, скованные дремотой, и она сразу уснула болѣзненнымъ, чуткимъ сномъ...

Сладкій сонъ приснился Тасѣ. Точно она идетъ

по саду въ ихъ чудномъ Райскомъ и никого не находитъ тамъ—ни мамы, ни Марьи Васильевны, ни няни съ Леной.

— Гдѣ наши?—спрашиваетъ она мальчишку-садовника, попавшагося ей на дорогѣ.—Гдѣ наши, Васютка?

— А развѣ вы не знаете, барышня: мамаша васъ поѣхали разыскивать,—отвѣчалъ тотъ,—страхъ какъ напужались онѣ! Изъ пансіона намъ прислали сказать, что будто вы пропавши... А вотъ и барышня и нянюшка идутъ.

— Леночка! Нянечка!—кричитъ Тася и бросается къ нимъ.

Поцѣлуи... объятья... смѣхъ и слезы.

— А мама, мама гдѣ-же?—рыдая, спрашиваетъ Тася Леночку.

— Мама? Да вѣдь она тебя ищетъ. Только она вернется скоро, я чувствую,—лепечетъ Тасѣ ея милая старшая сестренка.—Да вотъ она, развѣ ты не видишь?

Тася смотритъ впередъ и видитъ: къ ней бѣжитъ мама по дорожкѣ цвѣтника, счастливая, радостная, взволнованная.

— Мама!—кричитъ Тася,—милая, родная, я исправилась, я другая стала теперь,—и падаетъ на грудь мамы, охватившей ее своими нѣжными руками.

Но это былъ только сонъ, и Тася проснулась.

ГЛАВА XXIV.

Тяжелое пробужденіе. — Заступникъ Андрюша.

— ТАКЪ вотъ вы гдѣ изволили схорониться! — слышитъ Тася сквозь сонъ грубый, къ несчастью, слишкомъ хорошо знакомый голосъ, и кто-то больно держитъ ее за руку.

Она съ трудомъ открываетъ отяжелѣвшія вѣки и вся замираетъ отъ ужаса. Передъ ней г. Злыбинъ, Петька и три собаки, сумѣвшія чутьемъ напасть на ея слѣдъ и разыскать ее.

Тася тихо вскрикнула и сложила съ мольбой руки.

— Не бейте меня, не бейте!—простонала она.

— Ну, объ этомъ мы поговоримъ дома! — грубо оборвалъ ее хозяинъ,—а теперь, безъ разговоровъ, маршъ впередъ! Живо!

Дѣвочка попробовала подняться, но тотчасъ, обезсиленная, снова опустилась въ сугробъ.

— Я не въ силахъ идти!—прошептала она чуть слышно.

— Ну, коли идти не можешь—отнесемъ тебя. А только не думай у меня прикидываться больной! Я отлично понимаю всѣ твои хитрости. Ты мнѣ Коко извела, убытку принесла сколько, разыскивать себя заставила да еще хочется пустяками отдѣлаться! Ну, нѣтъ, голубушка моя, я тебя научу, какъ моихъ звѣрей травить да тревогу поднимать! Петька, бери принцессу-недотрогу на руки и тащи домой. Погуляла голубушка вволю!

И онъ со злымъ смѣхомъ передалъ полубезчувственную Тасю слѣдовавшему за ними Петькѣ.

Голова дѣвочки попрежнему ныла, и точно желѣзные молоты ударяли по ней. Все тѣло ломило, и она едва сознавала дѣйствительность. И только когда свѣтъ и тепло охватили ее, Тася впервые вполнѣ сознательно поняла, гдѣ она находилась.

Она и ея мучители были уже дома. Петька внесъ ее въ жилое помѣщеніе, находившееся при циркѣ, гдѣ они поселились на время ихъ пріѣзда въ большой городъ, и тяжело, какъ вязанку дровъ, бросилъ ее на полъ. Въ тотъ-же мигъ передъ ней мелькнуло искаженное гнѣвомъ лицо хозяина. Плетка со свистомъ взвилась надъ нею... Тася въ ужасѣ закрыла лицо руками.

— Остановитесь! Что вы дѣлаете! Дѣвочка еле дышитъ! Она совсѣмъ больна!—послышался задыхающійся голосъ Андрюши и онъ бросился на помощь къ Тасѣ и вырвалъ ее изъ рукъ разсвирѣпѣвшаго дяди.

Что было дальше — дѣвочка не помнила. Перене-

— Не бейте меня, не бейте!..

сенныя волненія, колючія боли во всемъ тѣлѣ и сильная лихорадка сдѣлали свое дѣло, и она впала въ какое-то не то болѣзненное забытье, не то въ тяжелый сонъ, полный ужасовъ и кошмаровъ...

Старый фокусникъ бросился было за Андрюшей, намѣреваясь вырвать изъ его рукъ дѣвочку, но тотъ строго взглянулъ на дядю и сказалъ ему не-дѣтски серьезнымъ голосомъ:

— Если вы тронете хоть пальцемъ этого ребенка, я пойду жаловаться въ полицію. Лучше оставьте насъ въ покоѣ. Не забудьте, что завтра она должна выходить передъ публикой. Ей нуженъ сонъ и продолжительный отдыхъ. Вѣдь вамъ же будетъ худо, если маленькій Тото не понравится зрителямъ.

— Ты правъ!—произнесъ сурово г. Злыбинъ, — я ея не трону сегодня, но я ей не прощу: завтра... завтра послѣ представленія, клянусь, дрянная дѣвчонка узнаетъ, что значитъ приносить убытокъ своему хозяину и убѣгать отъ него.

И онъ погрозилъ своей плеткой.

ГЛАВА XXV.

Неожиданная встрѣча.—Среди друзей.

НЕСМОТРЯ на то, что съ вечера добрый Андрюша уложилъ Тасю, завернулъ ее во все, что было теплаго подъ рукой, и напоилъ горячимъ чаемъ, дѣвочка проснулась со страшной ломотою во всѣхъ членахъ и съ какимъ-то тяжелымъ туманомъ въ головѣ.

— Какъ я буду выходить передъ публикой сегодня!—было первою ея мыслью.

— Богъ дастъ, отлежишься! — успокаивалъ Тасю добрый Андрюша,—до вечера еще много времени. Я попрошу дядю, чтобы онъ оставилъ тебя въ покоѣ. Роза уберетъ балаганъ и приготовитъ обѣдъ.

И смѣлый мальчикъ отправился отыскивать дядю.

Г. Злыбинъ закричалъ на племянника, что онъ суется не въ свое дѣло, что Тася лѣнтяйка и притворщица и что онъ сумѣетъ поднять ее своей плеткой, но Андрюша благоразумно напомнилъ ему, что если Тото не выздоровѣетъ къ вечеру, представленіе

придется отмѣнить, а это не должно быть пріятно для него—дяди.

Тогда старый фокусникъ сердито махнулъ рукою, и Тася могла оставаться вплоть до представленія на своей жесткой кровати. Никто не трогалъ ея. Около дѣвочки сидѣлъ Андрюша и разсказывалъ ей о своей матери, о томъ счастливомъ времени, когда она жила вмѣстѣ съ нимъ. Тася оживилась, повеселѣла и сама начала повѣрять своему другу свое счастливое дѣтство, когда росла подъ крылышкомъ своей мамы, и призналась ему, какъ ей хочется снова вернуться къ ней. Не скрыла она отъ Андрюши и того, что пришлось пережить всѣмъ домашнимъ изъ-за ея тяжелаго нрава, и какъ раскаивается она теперь въ томъ, и какъ мечтаетъ снова попасть въ прежнюю счастливую обстановку.

— А ты молись Богу хорошенько. Онъ, Милосердный, услышитъ тебя. Онъ всегда дѣтскія молитвы слышитъ!—серьезно и увѣренно говорилъ Андрюша.—Когда мнѣ очень худо бываетъ, я молиться начну и мнѣ полегчаетъ какъ будто!

— Я буду молиться,—прошептала Тася.

Незамѣтно прошло въ такихъ разговорахъ время и наступилъ вечеръ.

— Ну, теперь тебѣ одѣваться пора, я пойду, — сказалъ Андрюша. — Слава Богу, тебѣ лучше какъ будто.

— Уже пора!—протянула Тася печально.

Она совсѣмъ позабыла и про вечернее представленіе, и про грознаго г. Злыбина, и про свое сего-

дняшнее появленіе передъ публикой; даже про свою болѣзнь забыла Тася—такъ ей хорошо и отрадно было поговорить съ Андрюшей о домѣ.

Но дѣлать было нечего.

Вошла Роза и сердито швырнула ей красивый, вышитый блестками, атласный костюмъ и длинные розовые чулки и фуфайку тѣлеснаго цвѣта, которые называются трико, и въ которыхъ акробаты продѣлываютъ свои головоломные фокусы.

— Одѣвайся, живо! Не мямли! Публика собралась! — крикнула она и снова вышла, сердито хлопнувъ дверью.

Тася съ трудомъ поднялась съ постели и начала одѣваться. Боль во всемъ тѣлѣ, утихшая было на время, пока она лежала, возобновилась снова съ удвоенною силой. Съ большимъ напряженіемъ надѣла Тася короткіе, обтяжные панталончики и туфли, приладила шапочку на своихъ стриженыхъ кудряхъ и вышла въ темный проходъ, ведущій на сцену.

Тутъ она остановилась и, придерживаясь руками за занавѣсъ, отдѣляющій сцену отъ жилого помѣщенія балагана, заглянула въ щель. Въ циркѣ набралось уже довольно много публики. Слышался сдержанный гулъ голосовъ, дѣтскій смѣхъ, возгласы взрослыхъ.

Но вотъ зазвонилъ колокольчикъ, все разомъ стихло, и на кругъ выбѣжала нарядная, разомъ похорошѣвшая отъ своего краснваго костюма, обшитаго блестками и галунами, Роза. Она была одѣта испанкой и должна была плясать испанскій танецъ, полный

граціи и живости. За спиной дѣвочки болтались привязныя фальшивыя косы, замѣнившія ей ея настоящіе кудри, срѣзанные Коко.

Роза легко и свободно раскланялась съ публикой и начала танецъ подъ звуки музыки помѣщеннаго на хорахъ оркестра.

Публикѣ, должно быть, понравилась красивая, веселая дѣвочка, съ легкостью бабочки летавшая по сценѣ, и ей шумно и много аплодировали.

За Розой вышли г. Злыбинъ и Петька, оба одѣтые въ акробатическіе костюмы. Старый фокусникъ подбрасывалъ и снова ловилъ молодого, ставилъ его себѣ на голову и ходилъ по аренѣ.

Потомъ, на привѣшенной подъ самымъ потолкомъ трапеціи, Петька сталъ продѣлывать такія трудныя штуки, что у Таси даже духъ захватывало смотрѣть на него.

И публика снова хлопала въ ладоши и неистово кричала:

— Браво, король воздуха! Браво!

А Петька широко улыбался и посылалъ направо и налѣво воздушные поцѣлуи, стоя на своей трапеціи такъ же твердо и спокойно, какъ на гладкомъ полу.

Послѣ его нумера снова вышелъ г. Злыбинъ съ Фифи, обвившей его шею своимъ гибкимъ, извилистымъ тѣломъ.

Появленіе змѣи вызвало легкій переполохъ среди публики. Никто не зналъ, что у нея вырваны ядовитые зубы, и что змѣя не можетъ причинить вреда.

Фифи заползала подъ куртку своего господина,

терлась головкой объ его щеки, стрѣляла изъ пистолета, ударяя по курку своимъ сильнымъ хвостомъ, и наконецъ танцовала, то-есть дѣлала мѣрные круги на аренѣ подъ музыку оркестра.

Послѣ зрѣлища дрессированныхъ собакъ, продѣлавшихъ съ особеннымъ мастерствомъ всѣ свои штучки, старый фокусникъ подошелъ къ Тасѣ и, грубо толкнувъ ее, крикнулъ:

— Ну, чего заснула? Твоя очередь! Маршъ!

И Тася очутилась на сценѣ.

Въ первую минуту яркое освѣщеніе циркового балагана ослѣпило ее. Она остановилась въ нерѣшительности посреди сцены, точно не зная, что предпринять.

До ея ушей долетали сочувственные голоса изъ публики:

— О, какой хорошенькій мальчикъ!

— Совсѣмъ, совсѣмъ малютка!

— Но какъ онъ блѣденъ, бѣдняжка!

Тася была дѣйствительно очень блѣдна. Ломота во всемъ тѣлѣ и легкое головокруженіе давали себя чувствовать. Несмотря на это, она храбро двинулась къ шесту и стала карабкаться вверхъ къ проволокѣ.

Вотъ она уже у цѣли. Вотъ музыка перешла въ нѣжные, мелодичные аккорды—и Тася, подъ эти чарующіе звуки, достигла крошечной площадки, съ которой ей надо будетъ пуститься въ опасное путешествіе по проволокѣ. Сердце ея забилось сильно, сильно... Дыханіе замерло въ груди. Голова закружилась сильнѣе. Отчаянный страхъ охватилъ дѣвочку.

Она чувствовала, что не можетъ сдѣлать ни шагу, потому что страшная боль во всѣхъ членахъ совершенно лишаетъ ее силъ.

— Что-жъ ты стала? Иди-же! — доносится до нея изъ-за занавѣси свирѣпый голосъ хозяина, и она видитъ его перекошенное отъ гнѣва и безсильной ярости лицо.

«Онъ прибьетъ меня до-смерти!—мысленно произнесла съ тоскою дѣвочка, — но что-же дѣлать, если я не могу двинуться, ни за что!»

Въ отчаяніи Тася обвела циркъ глазами. И вдругъ легкій крикъ неожиданно сорвался съ ея губъ. Что это? Или она ошиблась? Въ ближайшей ложѣ сидятъ Тарочка и Митюша Раевы... или очень похожіе на нихъ мальчикъ и дѣвочка... Нѣтъ, нѣтъ, это они, они — сами. Тася теперь ясно видитъ ихъ лица, видитъ m-lle Lise... Да, да, это они! Нѣтъ никакого сомнѣнія. Вотъ они смотрятъ на нее въ упоръ. Ну, конечно, они! Эти большіе, сѣрые, выпуклые глаза,— фигурка Тарочки... Да она, Тася, изъ сотни дѣвочекъ узнаетъ свою прежнюю подружку. А вонъ и мама ихъ выглянула изъ глубины ложи. Ну конечно, конечно, они!

И Тася, уже не отрываясь, глядитъ на знакомыя лица, а тѣ въ свою очередь не отрываютъ отъ нея глазъ.

— Что-жъ ты ждешь? Иди-же, тебѣ приказываютъ,— неистовствуетъ за занавѣскою хозяинъ и незамѣтно для публики показываетъ Тасѣ кулаки.

Дѣвочка вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ, дѣлаетъ шагъ

впередъ и вдругъ разомъ останавливается, пораженная мыслью:

— Вѣдь спасеніе близко! Здѣсь! Она должна попробовать спастись во что-бы то ни стало, сію же минуту. Или сейчасъ спастись, или будетъ поздно и она не вырвется отсюда никогда, никогда!

И прежде, чѣмъ кто-либо ожидалъ этого, Тася смѣло повернулась въ сторону своихъ друзей и крикнула на весь циркъ, громко:

— Тарочка! Митюша! Возьмите меня изъ цирка! Спасите меня! Я—Тася Стогунцева! Спасите меня!

И странно взмахнувъ руками, скользнула съ проволоки въ растянутую подъ ней сѣтку.

— Что съ мальчикомъ? Ему дурно! Помогите! — кричала переполошившаяся публика.

Многіе повскакали со своихъ мѣстъ и кинулись на арену.

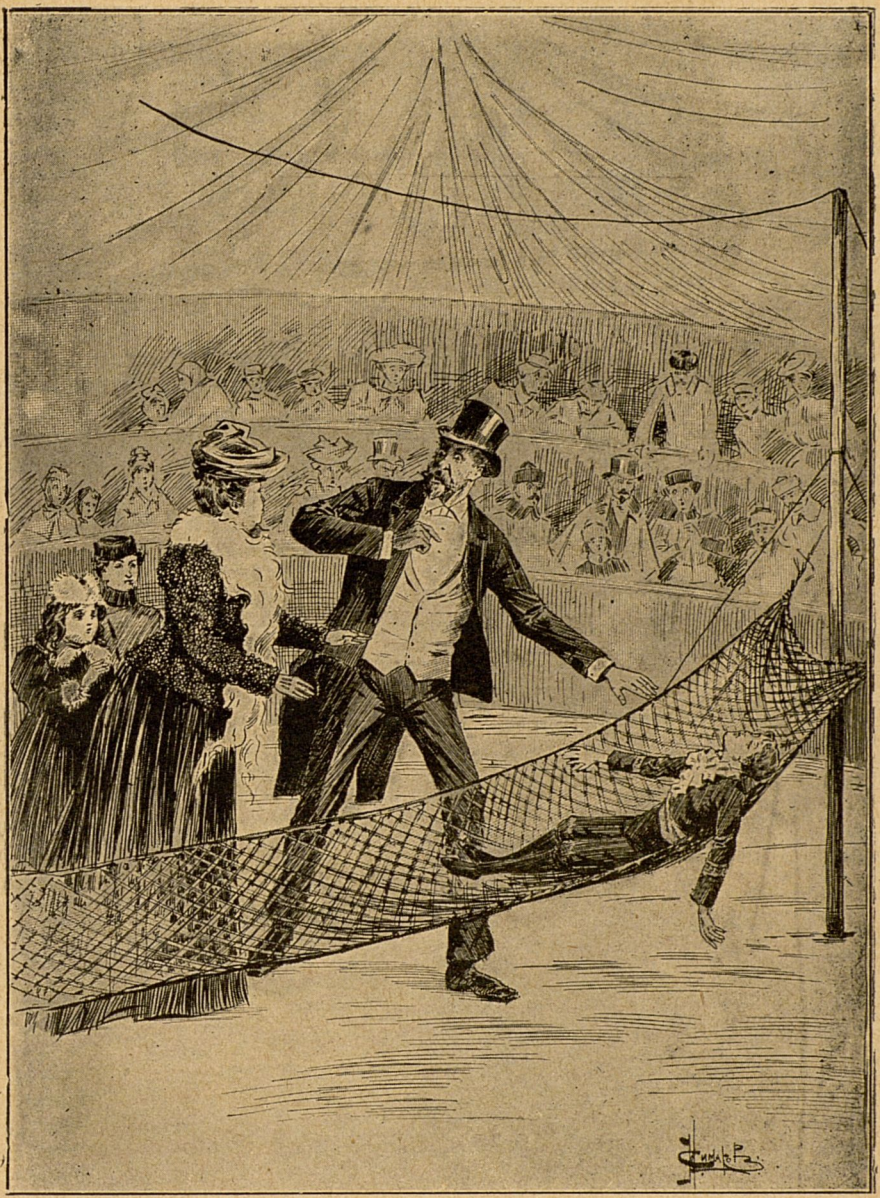
— Это она! Это Тася! — кричала, рыдая отъ неожиданной радости и нервнаго возбужденія, Тарочка.— Мама! Милая! къ ней, къ ней, скорѣе!

И она рвалась изо всѣхъ силъ на кругъ, гдѣ лежала въ сѣткѣ безчувственная Тася.

Но Екатерину Александровну Раеву не для чего было торопить и уговаривать. Она первая бросилась на сцену, подбѣжала къ сѣткѣ и заглянула въ лицо распростертаго въ ней маленькаго акробата.

— Вы ошибаетесь, сударыня, очевидно принимая маленькаго Тото за кого-то другого!—послышался за нею чей-то голосъ.

И, обернувшись, г-жа Раева увидѣла хозяина цирка.



— Вы ошиблись, сударыня!..

— Ложь! — вскричала молодая женщина, — вы лжете, сударь! Это вовсе не Тото... Вы слышали, господа, что крикнулъ этотъ ребенокъ? — обратилась г-жа Раева къ публикѣ,—она назвала свое имя, просила спасти ее. Я хорошо знаю эту дѣвочку! Ея несчастная мать разыскиваетъ ее! Я ее отвезу къ матери сію минуту.

— Да! Да! Возьмемъ ее, мама! возьмемъ скорѣе отсюда! — взволнованные и потрясенные говорили сквозь слезы Тарочка и Митюша.

— Но я не могу отпустить мальчика, онъ мнѣ довѣренъ родными!—горячился въ свою очередь старый фокусникъ.—Вотъ, дѣти, докажите, что онъ мой родственникъ и что его зовутъ Анатолій Злыбинъ.

И онъ указалъ на вошедшихъ на арену Розу и Петьку.

— Да, его зовутъ Тото. Онъ родственникъ хозяина,—эхомъ отозвались братъ съ сестрою.

— Но мы слышали, какъ она крикнула, — утверждала г-жа Раева,—эта дѣвочка молила о спасеніи.

— Вы ошиблись, сударыня!—произнесъ снова хозяинъ маленькой труппы, — и самое лучшее, если вы оставите мальчика, которому нуженъ покой!

И своими сильными мускулистыми руками онъ поднялъ, какъ перышко, безчувственную Тасю и понесъ ее во внутреннее помѣщеніе балагана.

Публика, видя, что произошла какая-то ошибка, стала расходиться. Г-жа Раева съ тоскою схватилась за голову, не зная, что предпринять. Ея дѣти плакали.

И вдругъ высокій, худой, блѣдный и взволнован-

ный мальчикъ появился на аренѣ, ступая нетвердыми, неувѣренными шагами.

— Онъ ошибся! — вскричалъ мальчикъ, указывая пальцемъ на стараго фокусника, — мой дядя ошибся. Это дѣйствительно дѣвочка Тася, которая добровольно пришла къ намъ въ труппу двѣ недѣли тому назадъ. Она больна и ужасно было-бы оставить ее въ циркѣ... Берите ее и отдайте матери! Дядя, сейчасъ же возвратите дѣвочку ея друзьямъ!

Голосъ больного юноши зазвучалъ непривычными ему сильными нотами. Глаза горѣли рѣшительностью. Онъ смѣло взялъ Тасю изъ рукъ дяди и бережно передалъ ее г-жѣ Раевой.

Потомъ слабой походкой трудно больного снова поплелся въ свою каморку.

ГЛАВА XXVI.

Сюрпризъ.

— КУДА эти свѣчи вѣшать, мамочка?

— А эти пряники?

— На самую верхушку я-бы прилѣпила звѣзду!

— А я-бы ангела!

— Ну, хорошо, пусть ангела!

— Но тебѣ больше нравится звѣзду?

— Мнѣ нравится то, что нравится другимъ.

— Какая ты стала прелестная, Тася... Такою-ли ты была прежде!

— О, я много пережила лишеній и горя, Тарочка, много работала надъ собою, много молилась Богу. И Господь помогъ мнѣ исправиться.

— А мнѣ какъ будто даже не вѣрится, что ты опять съ нами, — произнесъ Митюша, — опять здорова и украшаешь елку, когда такъ сильно была больна эти три недѣли. Ахъ, если-бы ты поправилась скорѣе! Мнѣ очень было бы жаль разстаться теперь съ

тобою, но ты вѣрно хочешь уѣхать отъ насъ, чтобы видѣть твою маму?

— Очень,—просто отвѣчала Тася, подвязывая къ зеленой вѣточкѣ румяное райское яблоко.

— Ну, а если докторъ запретитъ тебѣ ѣхать слишкомъ рано?—полюбопытствовала Тарочка.

— Что-жъ дѣлать! Надо покориться. Все, что ни дѣлаетъ Господь, надо принимать съ благодарностью. Онъ далъ мнѣ такъ много счастья, чудеснымъ образомъославъ васъ на моемъ пути. Вѣдь вы сами говорите, что случайно были тогда въ циркѣ,—обратилась Тася къ дѣтямъ Раевымъ.

— Да! Да!—оживленно подхватилъ Митюша,—мы были проѣздомъ въ Москвѣ и вдругъ... Ахъ, Тася, какъ все это случилось неожиданно и странно! — всплеснулъ онъ руками.

— А ты знаешь,—вставила свое слово Тарочка,— сегодня долженъ придти отвѣтъ отъ твоей мамы: наша мама послала ей длинное письмо, гдѣ написала все подробно о твоей болѣзни и поправкѣ. Мама боялась писать раньше, пока ты такъ была больна, чтобы не растревожить твою маму. Она только телеграфировала ей, что напала на твой слѣдъ, что скоро отыщетъ тебя, и что ты въ безопасности. Но на телеграмму отвѣта не было. Вѣрно твоя мама искала тебя и отсутствовала изъ дому.

— Ахъ, мама, мама! — съ тоскою прошептала Тася,- -еслибъ она простила меня!

Тарочка съ Митюшей молча переглянулись съ чуть замѣтной улыбкой. Они, очевидно, знали все, что тщательно скрывалось отъ Таси.

Былъ канунъ Рождества. На дворѣ стоялъ трескучій морозъ, а въ домѣ Раевыхъ было тепло, свѣтло и уютно. Дѣти весело болтали, украшая огромную елку, отъ которой шелъ такой чудный смолистый запахъ.

Тарочка и Митюша были особенно счастливы сегодня, что ихъ другъ Тася встала наконецъ съ постели, гдѣ пролежала три недѣли въ тифозной горячкѣ. Послѣдствія ночного бѣгства и душевнаго волненія отразились на подточенномъ организмѣ Таси. Она была на волосокъ отъ смерти. Но тщательный уходъ, а главное сильная, крѣпкая натура дѣвочки помогла вынести тяжелую болѣзнь, и Тася воскресла.

Но это была далеко не прежняя Тася. Съ трогательной покорностью принимала она самыя гадкія и невкусныя микстуры, безпрекословно повиновалась каждому приказанію, ласково и дружески обращалась съ дѣтьми Раевыми, уступая имъ во всемъ, и горячо молилась утромъ и вечеромъ. Г-жа Раева, ея мужъ и m-lle Лизъ, дѣти и прислуга не могли нахвалиться милой, кроткой, послушной дѣвочкой.

— Если моя Тарочка будетъ хоть отчасти похожа на Тасю, я буду самая счастливая мать, — говорила мужу Екатерина Александровна, и тотъ соглашался съ нею.

Дѣти убрали елку и теперь любовались ею.

— Ну-съ, кончили дѣло и маршъ! Дайте намъ приготовить вамъ подарки!—весело скомандовала г-жа Раева и шутливо выпроводила дѣтей за двери.

— Какъ ты думаешь, что мнѣ подаритъ мама? —

спросилъ Митюша, обращаясь къ сестрѣ, когда они остались одни.

— Краски. Я видѣла, какъ прислали большой ящикъ изъ города,—отвѣчала, не задумываясь, та,— тебѣ краски, мнѣ куклу, а Тасѣ...

Тася подняла на своего друга задумчивый взглядъ.

— О, мнѣ ничего не надо,—поторопилась сказать она.—Ваша мама такъ много сдѣлала для меня, отнявъ отъ стараго фокусника и выходивъ во время болѣзни... Мнѣ ничего не надо больше, я и такъ благодарна ей отъ всей души.

— Какъ не надо?—лукаво прищурилась Тарочка,— у тебя нѣтъ развѣ никакихъ желаній?

— Ахъ, есть!—мило краснѣя, воскликнула Тася,— у меня есть большое, сильное желаніе! Я хочу видѣть маму, и это желаніе скоро исполнится, дастъ Богъ!

— Конечно! — улыбнулась Тарочка, — ты скоро поѣдешь къ мамѣ.

Въ эту минуту изъ комнаты, гдѣ стояла елка, послышались мелодичные звуки рояля. Это m-lle Лизъ играла рождественскій гимнъ. Въ ту же минуту Екатерина Александровна широко распахнула дверь залы.

Елка сіяла всѣми своими огнями, а подъ елкой стояла высокая худенькая дама и протягивала руки навстрѣчу дѣтямъ.

— Мама! — не своимъ голосомъ крикнула Тася и, въ два прыжка перебѣжавъ комнату, съ рыданіемъ упала на грудь г-жи Стогунцевой.

— Тася! Тася! Дѣтка моя! Сокровище мое,—шептала Нина Владиміровна, задыхаясь отъ счастья и по-

крывая лицо, шею и ручонки дочери поцѣлуями и слезами.

— Мамуся моя! Радость! Солнышко! Прости! Прости меня, мамочка, злую, гадкую! — прорыдала Тася, обвивая шею матери исхудалыми руками.

— Дѣвочка моя родная! Да развѣ я могу сердиться на тебя! Ни минутки не сердилась на тебя твоя мама, ни когда изъ дома пришлось отдать въ пансіонъ, ни когда о побѣгѣ твоемъ узнала! Татечка, жизнь моя! Вѣдь у меня самой кровью сердце обливалось, когда я, для твоего исправленія, отдала тебя изъ дома. А ты, вѣрно, упрекала маму?

— Я злая была, мамочка!—и Тася снова залилась счастливыми слезами.

— А что Леночка, няня, Павликъ, m-lle Магіе?— спрашивала Тася.

— Всѣ, всѣ ждутъ тебя, моя дорогая. Всѣ они любятъ тебя, моя Тася. Павликъ на Рождество, должно быть, уже пріѣхалъ изъ корпуса...

— Какъ, «должно быть»? Развѣ ты не видѣла его, мамочка?

— Не видѣла, родная! Вѣдь я уже три недѣли здѣсь, только докторъ не велѣлъ показываться, чтобы не волновать тебя, мою дѣвочку. Я и сидѣла въ своемъ уголку и только во время твоего сна на тебя любовалась.

— Мамочка! — могла только прошептать Тася и крѣпко прижалась къ груди матери.

Это былъ счастливый вечеръ, лучшій сочельникъ, какой пришлось пережить Нинѣ Владиміровнѣ и Тасѣ.

Онѣ просидѣли весь вечеръ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Одна — думая о томъ, какъ счастлива она теперь подлѣ мамы, другая—какъ милосерденъ Господь, что вернулъ ей ея милую, обновленную дочурку.

Вдругъ подъ самый конецъ вечера на красивое личико Таси, принявшее теперь кроткое, свѣтлое выраженіе, набѣжало легкое, но очень замѣтное облачко грусти.

— Что съ тобой, моя радость? — заботливо спросила, наклоняясь къ дочери, Стогунцева.

— Ахъ, мама, я такъ счастлива, что хотѣла бы видѣть счастливыми и другихъ! У моего бывшаго хозяина-акробата есть племянникъ—Андрюша; онъ такой больной и жалкій. Ему худо у дяди... О, еслибъ его помѣстить въ другое мѣсто! Онъ такой добрый и хорошій!

— Твое желаніе уже угадано, дѣточка, — произнесла, сіяя вся счастливой улыбкой, Нина Владиміровна,—больной Андрюша, по настоянію Екатерины Александровны, взятъ отъ дяди и помѣщенъ пока въ больницу, гдѣ за мальчикомъ установленъ хорошій уходъ. А какъ только онъ выздоровѣетъ, я возьму его къ себѣ въ Райское. Онъ будетъ славнымъ другомъ для Павлика.

— Ахъ, мама! — радостно вскричала Тася,—какая ты добрая!

— Ну, а еще нѣтъ-ли у тебя иной заботы, моя крошечка? — лаская дѣвочку, спросила Нина Владиміровна.

— Есть!—чуть слышно проронила Тася, и легкая

краска залила ея блѣдныя щеки, — я хочу попросить прощенія у всѣхъ, кого обижала въ пансіонѣ, и хочу показать имъ, что прежней злой задиры и капризницы Таси нѣтъ больше, а...

— А есть милая, чудная, добрая дѣвочка, — продолжала Нина Владиміровна слова своей дочурки, и мать и дочь крѣпко обнялись снова.

— Мы поѣдемъ туда, какъ только ты поправишься,—пообѣщала г-жа Стогунцева Тасѣ.

Тася взглянула на мать сіяющими благодарностью глазами.

На другой день, горячо поблагодаривъ своихъ спасителей, Нина Владиміровна и Тася уѣхали въ Райское.

Вмѣсто заключенія.

СУДЬБА какъ-то недавно забросила меня въ Райское, и я провела цѣлое лѣто въ семьѣ Стогунцевыхъ. Это прелестная, дружная, симпатичная семья. Умная, добрая Нина Владиміровна и ея милыя дѣти произвели на меня глубокое впечатлѣніе.

Но больше всѣхъ меня очаровала Тася.

Это была прелестная дѣвочка, самоотверженная, готовая отдать себя на служеніе другимъ, съ кроткимъ нравомъ и чуткою душою.

— Вы очень счастливая мать! — позавидовала я какъ-то Нинѣ Владиміровнѣ, — вы должны быть благодарны судьбѣ, что у васъ такія прелестныя дѣти.

— О, да!—улыбнулась она своей кроткой улыбкой.

— Ваша Тася — совсѣмъ исключительный, рѣдкій ребенокъ.

— А знаете, что ее сдѣлало такою? Тася была еще очень недавно упрямою, злою, шаловливою дѣвочкой, а теперь, сами видите, что вышло изъ нея.

И Нина Владиміровна разсказала мнѣ все, что перенесла ея маленькая, сначала непослушная и дурная,

а потомъ въ конецъ исправленная милая дочурка, — сообщила мнѣ ту самую исторію, которую я разсказала вамъ, мои маленькіе дорогіе читатели.

КОНЕЦЪ.

Гос. Публичная

ОГЛАВЛЕНІЕ.

			стр.
Глава	I.	Почему сердятся на Тасю	1
»	II.	Виноватая	5
»	III.	Странный подарокъ	10
»	IV.	Маленькіе гости.—Ссора	20
»	V.	Птицеловъ.—Пажикъ съ разбитымъ носомъ	28
»	VI.	Земляника.—Снова хромой Алеша	33
»	VII.	Русалка	40
»	VIII.	Послѣдствія злой шалости	46
»	IX.	Неожиданная новость.—Отъѣздъ	51
»	X.	Новенькая	61
»	XI.	Въ карцерѣ	71
»	XII.	Это была кошка!—Добрый геній	75
»	XIII.	Первый день въ пансіонѣ	83
»	XIV.	День въ пансіонѣ продолжается	91
»	XV.	Новая продѣлка.—Глухая Мавра	99
»	XVI.	Исторія одной кошечки.—Король воздуха	109
»	XVII.	Карлуша переродилась.—Судъ г. Орлика	118
»	XVIII.	Бѣлая рука.—Нечистая совѣсть.—Тася убѣжала	129
»	XIX.	Новые знакомые	134
»	XX.	М-lle Фифи и m-me Коко. — Другъ въ тяжелую минуту	143
»	XXI.	Первый трудъ. — M-me Коко. — Неожиданное превращеніе	150
»	XXII.	Новая пытка.—Коко въ роли парикмахера	162
»	XXIII.	Побѣгъ	169

стр.

Глава XXIV. Тяжелое пробужденіе.—Заступникъ Андрюша . . . 173
» XXV. Неожиданная встрѣча.—Среди друзей 178
» XXVI. Сюрпризъ 189
Вмѣсто заключенія. 196

Л. А. ЧАРСКАЯ.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА,

ИЗДАННЫЯ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ:

*Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ одною звѣздочкою *, допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ библіотеки учебныхъ заведеній.*

*Книги, отмѣченныя двумя звѣздочками **, признаны Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. заслуживающими вниманія при пополненіи библіотекъ учебныхъ заведеній.*

Книги, отмѣченныя въ настоящемъ спискѣ кружкомъ °, рекомендованы Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. заведеній для чтенія кадетъ и допущены въ ротныя библіотеки.

*° **ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ.** Повѣсть для юношества, съ илл. А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*° **КНЯЖНА ДЖАВАХА.** Повѣсть для юношества, въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина и А. И. Сударушкина. Изд. 4-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

*° **ЛЮДА ВЛАССОВСКАЯ.** Повѣсть для юнош., въ 2-хъ частяхъ, съ илл. В. А. Табурина. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

ВТОРАЯ НИНА. Повѣсть для юношества, съ илл. И. В. Симакова. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

** **ДЖАВАХОВСКОЕ ГНѢЗДО.** Повѣсть для юнош., съ илл. И. Гурьева. Ц. 3 р.

** **ВЕЧЕРА КНЯЖНЫ ДЖАВАХИ.** Сказанія старой Барбалэ. Съ рис. Н. Н. Каразина, И. Гурьева и др. Ц. въ пер. 2 р. 25 к.

° **ЗА ЧТО? Моя повѣсть о самой себѣ, въ 4-хъ частяхъ, съ илл. И. Гурьева. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р.

° **БОЛЬШОЙ ДЖОНЪ.** Повѣсть для юношества, съ иллюстр. И. Гурьева. Изд. 2-ое. Ц. въ переплетѣ 3 р.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ. Юность Лиды Воронской. Повѣсть для юнош., съ илл. И. Гурьева.

ЛѢСОВИЧКА. Повѣсть для юнош., съ илл. З. Шапиро. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 3 р.

СЕСТРА МАРИНА. Повѣсть для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской.

° **ГАЗАВАТЪ. Историческая повѣсть, съ илл. І. І. Смукровича. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

° **ПАЖЪ ЦЕСАРЕВНЫ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **СМѢЛАЯ ЖИЗНЬ.** Истор. пов. для юнош., съ илл. Е. П. Самокишъ-Судковской. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

** **ГРОЗНАЯ ДРУЖИНА.** Историч. повѣсть, съ иллюстр. худ. С. Панова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 3 р. 50 к.

ЦАРСКІЙ ГНѢВЪ. Историческая повѣсть, съ илл. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.

ОДИНЪ ЗА ВСѢХЪ. Повѣсть о жизни великаго подвижника земли русской. Съ иллюстр. и снимками съ картинъ Нестерова, Новоскольцева, Брюллова. Ц. въ перепл. 2 р.

ЕВФИМІЯ СТАРИЦКАЯ. Историческій романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

° **ТАКЪ ВЕЛѢЛА ЦАРИЦА.** Историческая повѣсть для дѣтей, съ илл. А. Бальдингера. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к.

СИБИРОЧКА. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. Гурьева. Изд. 2-е. Ц. въ пер. 3 р.

° **ГОЛУБАЯ ВОЛНА.** Стихи и пѣсни для юношества, съ илл. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

* **ПЕРВЫЕ ТОВАРИЩИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЮРКИНЪ ХУТОРОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ СИРОТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ илл. Э. Соколовскаго. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ЛИЗОЧКИНО СЧАСТЬЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. В. А. Табурина и И. В. Симакова. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ТАСИНО ГОРЕ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. И. В. Симакова. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

** **ЗАПИСКИ МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ.** Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера. Изд. 2-е. Ц. въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ДОМЪ ШАЛУНОВЪ. Повѣсть для дѣтей, съ иллюстр. А. Бальдингера, Ц. въ переплетѣ. 3 р.

СЧАСТЛИВЧИКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ илл. худ. И. Гурьева. Ц. въ пер. 3 р.

ЩЕЛЧОКЪ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. И. Гурьева.

** **СКАЗКИ ГОЛУБОЙ ФЕИ.** Съ рис. В. Мельникова, З. Шапиро и др. Изд. 3-е. Ц. въ переплетѣ 1 р. 75 к.

ТРИНАДЦАТАЯ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. Спасскаго.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ. Повѣсть для юношества, съ илл. В. Полякова. Изд. 2-е. Ц. въ пап. переплетѣ 60 к.

ЛУЧШІЙ ДАРЪ. Волшебная картина въ одномъ дѣйствіи. Съ рис. М. Кипина. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

РЫЖИКЪ И ЧЕРНУШКА. Разсказъ для малютокъ. съ хром. карт. А. Гейера. Изд. 2-е. Ц. въ пап. переплетѣ 1 р. 50 к.

ВЕСЕЛАЯ ДЮЖИНКА. Книжка стишковъ для маленьк. дѣтей, съ илл. Изд. 2-е. Ц. въ папкѣ 50 к.

ВОВИКЪ. Полу-быль, полу-сказка, съ илл. барона Демерта. Ц. 50 к.

КОГДА МЫ БЫЛИ МАЛЕНЬКІЕ. Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ хром. карт. Изд. 3-е. Ц. въ пап. переплетѣ 90 к.

НА КРАЙ СВѢТА. Разсказъ для маленькихъ дѣтей, съ илл. Б. К. Кильверта. Ц. 15 к.

СЧАСТЛИВЫЙ ЦВѢТОКЪ. Разсказъ для дѣтей мл. возр. съ рис. И. Гурьева. Ц. въ пап. 30 к.

ЗОЛОТАЯ БИБЛІОТЕКА

1 р. 50 к. НОВАЯ КОЛЛЕКЦІЯ КНИГЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ **1 р. 50 к.**

въ изящныхъ изданіяхъ, въ оригинальныхъ золототисненыхъ переплетахъ съ золотымъ обрѣзомъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Поставленныя при каждомъ выпускѣ въ скобкахъ буквы «Ст. в.» и «Мл. в.» означаютъ, что данная книга по своему содержанію доступнѣе дѣтямъ старшаго или младшаго возраста.

Эта новая коллекція книгъ для дѣтей разныхъ возрастовъ, предпринятая Т-вомъ М. О. Вольфъ, имѣетъ цѣлью дать въ руки дѣтей наиболѣе выдающіяся и популярныя произведенія такъ-назы аемой «литературы для дѣтей», русской и иностранной, а также классическія произведенія европейскихъ писателей, приспособленныя къ дѣтскому возрасту, въ изящныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, по чрезвычайно дешевой цѣнѣ; всѣ сочиненія напечатаны въ одномъ форматѣ и съ внѣшней стороны однородно

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

БЕЗЪ СЕМЬИ. Исторія одного маленькаго человѣка. Повѣсть для юношества *Гектора Мало*. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей. Перев. съ французскаго *А. Н. Рождественской*. Съ 76 рис. 8 д. л. II+388 стр. (Ст. в.).

БОСОНОЖКА. Повѣсть *Бертольда Ауэрбаха*. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей *В. М. Чулицкаго*. Съ рисунками *Б. Вотье*. 8 д. л., 280 стр. (Ст. в.).

ВЕСЕЛЫЕ РАЗСКАЗЫ ПРО ШУТКИ И ПРОКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ. *В. Буаль*. Перев. *К. Льдова*. Съ 498 рисунками въ текстѣ. Изд. 5-е. 8 д. л., 363 стр. (Мл. в.).

ВОКРУГЪ СВѢТА БЕЗЪ ГРОША ВЪ КАРМАНѢ. Веселое путешествіе мальчика. *А. Баста*. Съ 306 рис. 8 д. л., 316+III стр. (Ст. в.).

ВОЛШЕБНЫЯ СКАЗКИ ПЕРРО. Напечатаны крупнымъ шрифтомъ. Съ 46 рисунками *Густава Доре*. Третье изданіе. (Мл. в.).

ДЖУНГЛИ. Разсказъ *Редьярда Киплинга*. Переводъ съ англійскаго *М. П. Благовѣщенской*. Съ рисунками *И. Киплинга, В. Драке* и *Р. Френсени*. 8 д. л. (Ст. в.).

ДНЕВНИКЪ МУРЗИЛКИ. Повѣсть-сказка о путешествіяхъ, странствованіяхъ, шалостяхъ и проказахъ маленькихъ лѣсныхъ человѣчковъ. Съ рис. 8 д. л., 192 стр. (Мл. в.).

ДОБРЫЙ, МАЛЕНЬКІЙ ЧЕРТЕНОКЪ. Повѣсть для дѣтей *графини Сегюръ* (урожд. Ростопчиной). Перев. съ франц. подъ ред. *С. И. Ярославцева*. Съ иллюстрац. *Г. Кастелли*. 418 стр.+II. (Мл. в.).

ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ. Разсказъ для дѣтей. Переводъ *А. Гусча*. Изданіе 3-е, исправленное, съ 78 политипажами *Густава Доре*. 8 д. л., 262 стр. (Мл. в.).

ДѢВОЧКА-РОБИНЗОНЪ. Леля на необитаемомъ островѣ. Повѣсть для юношества въ 2-хъ частяхъ. Съ англійск. Съ 17 рис. Третье изд., подъ редакціей *В. Бѣлозерскаго*, перепечатанное безъ перемѣнъ со второго изданія. 8 д. л., 215 стр. (Мл. в.).

ЖЕМЧУЖИНЫ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Сборникъ стихотвореній. Собрала для дѣтей средняго и старшаго возраста *Марія Лемке*. Съ рисунками. 8 д. л., 288 стр.

ЗАПИСКИ ШКОЛЬНИКА (Cuore). Сочин. *Эдмунда де-Амичиса*. Съ 16 рис. въ текстѣ и 32 отд. картинами. Третье изданіе. 8 д. л., 447 стр. (Ст. в.).

ЗВѢРОБОЙ (The Deerslayer). Повѣсть *Фенимора Купера*. Переводъ *Д. Коковцова*. Съ 21 рис. Изд. 3-е. 8 д. л., 363 стр. (Ст. в.).

ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ БРАТЬЕВЪ ГРИММЪ. Перев. *Е. И. Песковской*, съ предисловіемъ *Н. М. Ольхина*. Съ 78 рис. въ текстѣ. 2-е изд. 8 д. л., 364 стр. (Мл. в.).

КАНИКУЛЫ. Разсказъ *графини Сегюръ* (урожд. Ростопчиной). Переводъ съ французск. Съ 35 политипажами въ текстѣ, по рис. худ. *Берталя*. 8 д. л., 326 стр. (Мл. в.).

ЛУЧШІЯ СКАЗКИ Г. АНДЕРСЕНА. Перев. съ датскаго. Съ 130 рис. и 7 отд. картинами. 5-е изданіе. 8 д. л., 334 стр. (Мл. в.).

МАЛЕНЬКАЯ ПРИНЦЕССА. Приключ. Сары Кру. Повѣсть *Ф. Г. Бернетъ*. Перев. съ англ. *А. Н. Рождественской*, съ илл. *Г. Пиффарди*. 8 д. л., 291 стр. (Ст. в.).

МАЛЕНЬКІЕ МУЖЧИНЫ. Повѣсть *Луизы Олькотъ*. Переводъ *А. Н. Рождественской*. Съ 15 рис. 8 д. л., 547 стр. (Ст. в.).

МАЛЕНЬКІЕ МУЖЧИНЫ, СТАВШІЕ ВЗРОСЛЫМИ. Повѣсть *Луизы Олькотъ*. Перев. *бар. Н. М. Ровенъ*. Съ 10 рис. *Е. В. Арнсъ*. 8 д. л., 370 стр. (Ст. в.).

МАЛЕНЬКІЙ ЛОРДЪ ФАУНТЛЕРОЙ (Little lord Fauntleroy). Разсказъ для дѣтей, *Ф. Г. Бернетъ*. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ *М. Никольскаго*. Съ 24 рис. *Р. Г. Берчъ*. 8 д. л., 219 стр. (Ст. в.).

МАЛЕНЬКІЙ ЧЕЛОВѢЧКЪ. Исторія одного ребенка (Petite chose). *А. Додэ*. Переводъ *М. Л. Лихтенштадтъ*. Съ 63 иллюстраціями. 8 д. л., 373 стр. (Ст. в.).

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гост. Дв., 18 и Невскій, 13. | МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12 и Моховая, 22.

ЗОЛОТАЯ БИБЛІОТЕКА

МАЛЕНЬКІЙ РУССКІЙ ИСТОРИКЪ. Новые разсказы про былое для дѣтей, *С. Ф. Литвинцева*. Со мн. илл. Шесть частей. Въ двухъ томахъ. 8 д. л., 208 и 232 стр. Ц. за кажд. томъ 1 р. 50 к. (Мл. в.).

МАЛЕНЬКІЯ ЖЕНЩИНЫ, или Мегъ, Джо, Бетси и Эми. Повѣсть *Л. Олькотъ*. Переводъ съ англійск. Съ 89 рисунками. 8 д. л., 250 стр. (Ст. в.).

МАЛЕНЬКІЯ ЖЕНЩИНЫ, СТАВШІЯ ВЗРОСЛЫМИ. Повѣсть *Луизы Олькотъ*. Переводъ *Е. Г. Тихомандрицкой*. Съ 70 рис., 8 д. л., 331 стр. (Ст. в.).

НЕОБЫКНОВЕННЫЯ СКАЗКИ. *Редьярда Киплинга*. Перев. съ англ. *А. Н. Рождественской*. Съ илл. автора. 8 д. л., 257 стр. (Мл. в.).

НОРВЕЖСКІЯ СКАЗКИ П. ХР. АСБЬЁРНСЕНА. Переводъ *С. М. Макаровой*, съ 25 отд. картинами и 47 политипажами въ текстѣ. 8 д. л., 328 стр. (Мл. в.).

ПИНОККІО. Приключенія деревяннаго мальчика. *Ч. Коллоди*. Перев. съ 480-го итальян. изданія *К. Данини*, подъ ред. *С. И. Ярославцева*. Съ рис. *Е. Мацанти* и *Р. Магни*. 8 д. л., 292 стр. (Мл. в.).

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ БАСЕНЪ И. А. КРЫЛОВА. Съ біографіей и словаремъ *М. Н. Николаскаго*. Съ портретами, видами памятника и могилы Крылова. Съ 32 рисунками *Н. Ольшанскаго* и *П. Беллингерста*. 8 д. л., 351 стр. (Мл. в.).

ПРИКЛЮЧЕНІЯ АЛИСЫ ВЪ СТРАНѢ ЧУДЕСЪ. *Льюиса Кэрролл*. Перев. *А. Н. Рождественской*, съ предисловіемъ и вступительной статьею. Съ иллюстраціями на отд. страницахъ и рис. въ текстѣ *Чарльса Робинзона*. 8 д. л., 249 стр. (Мл. в.).

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГЕККЕЛЬБЕРРИ ФИННА. Повѣсть для юношъ. всѣхъ возр. *Марка Твэна*. Съ иллюстр. 8 д. л., 450 стр. (Ст. в.).

ПРИКЛЮЧЕНІЯ и ПУТЕШЕСТВІЯ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА. Полный переводъ на русскомъ языкѣ *К. Песковской*. Съ 118 илл. въ текстѣ и съ 29 отд. картин. *Густава Доре*. Второе изданіе. 8 д. л., 274 стр. (Мл. в.).

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ТОМА СОЙЕРА. Пов. для юношъ. всѣхъ возр. *Марка Твэна*. Перев. *М. Николаевой*. Съ 65 рис. 8 д. л., 404 стр. (Ст. в.).

ПРИМѢРНЫЯ ДѢВОЧКИ. 28 разсказовъ, въ разговор. для малыхъ дѣтей, *графини де-Сегюръ* (урожд. Ростопчиной). Съ 20 политип. въ текстѣ, исполн. худ. *Бертальемъ*. 8 д. л., 276 стр. (Мл. в.).

ПРИНЦЪ и НИЩІЙ. Разсказъ для юношъ. всѣхъ возр. *Марка Твэна*. Переводъ *Н. С. Вятвина*. Съ предислов. *М. Н. Никольскаго*. Съ портретомъ автора и 153 рисунками. 8 д. л., 362 стр. (Ст. в.).

ПУТЕШЕСТВІЯ ГУЛЛИВЕРА по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта. Соч. *Джонатана Свифта*. Перев. съ англійск. *М. Никольскаго*. Съ біографіей автора, съ 39 отд. карт. и съ 35 рис. 2-е изд. 8 д. л., 240 стр. (Мл. в.).

РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ. Соч. *Вольфганга Гете*, примѣненное къ дѣтск. возрасту *М. Л. Песковскимъ*. Съ 27 автотип. рис. и съ 7 отдѣльн. карт. 8 д. л., 282 стр. (Мл. в.).

РОБИНЗОНЪ КРУЗОЭ, его жизнь, путешествія и удивительныя приключенія на необитаемомъ островѣ. Сочиненіе *Даніэля де-Фоэ*. Подъ ред. *И. Бѣлова*. Съ рисунками, рѣзанными на деревѣ. 8 д. л., VIII+334 стр. (Мл. и Ст. в.).

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ. Съ 3 рис. въ текстѣ и съ 23 отдѣльными картинами *Анненскаго*, *Панова*, *Тейжля* и друг. Третье изданіе. 8 д. л., 313 стр. (Мл. в.).

СВЯТОЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ. *Ч. Диккенса*. Перев. съ англ. *Е. Г. Тихомандрицкой*, подъ ред. и съ предисловіемъ *М. М. Бродовскаго*. Съ портретомъ автора и съ 49 рис. въ текстѣ. 8 д. л., 4 нен.+III+312+I стр. (Ст. в.).

СЕРЕБРЯНЫЕ КОНЬКИ. Исторія голланд. семейства. *И. И. Сталь*. По англ. подлин. *Мэри М. Доджъ*. Перев. *А. Н. Рождественской*. Съ рис. *Т. Шулера*. 8 д. л. (Мл. в.).

СКАЗКИ ВИЛЬГЕЛЬМА ГАУФА. Съ 21 иллюстрац. въ текстѣ и съ 20 отдѣльн. карт. *Ѳеодора Вебера*, *Газемана* и *Людвига Бургера*. 3-е изд. 8 д. л., 441+II стр. (Мл. в.).

СКАЗКИ КОРОЛЕВЫ. *Кармэнъ Сильва*. Перев. и предисловіе *А. И. Ящимирскаго*. Съ 3 портретами королевы Румынской Елизаветы и мн. рис. 8 д. л., 293 стр. (Мл. в.).

СКАЗКИ ТОПЕЛІУСА. Переводъ со шведскаго *М. П. Благовѣщенской*, съ 2 портретами автора и рисунками въ текстѣ. 8 д. л., 226 стр. (Мл. в.).

СОНИНЫ ПРОКАЗЫ. Двадцать два разсказа въ разговорахъ для малыхъ дѣтей. *Графини де-Сегюръ* (урожд. Ростопчиной). Переводъ съ франц. 3-е изданіе. Съ 33 рис. въ текстѣ и съ 15 отдѣльн. картинами. 8 д. л., 348 стр. (Мл. в.).

ТРОЕ ВЪ ОДНОЙ ЛОДКѢ (не считая собаки). Разсказъ *Джерома К. Джерома*. Перев. съ англійск. *Е. Тихомандрицкой*. Съ 20 отд. рис. *А. Бенъ*. 8 д. л., 296 стр. (Ст. в.).

ТЫСЯЧА и ОДНА НОЧЬ. Арабскія сказки въ обработкѣ для русск. читателей *А. Аѳанасьева-Чужбинскаго*. Съ рисунками. 8 д. л., X+377 стр. (Мл. в.).

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА Ром. *Бичеръ-Стоу*, примѣненный къ дѣтскому возрасту *М. Л. Песковскимъ*. Съ 79 рис. въ текстѣ и съ 20 отдѣльн. картинами. Изданіе третье. 8 д. л., 414 стр. (Мл. в.).

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гост. Дв., 18 и Невскій, 13. | МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12 и Моховая, 22.

Постоянно открыта подписка

НА ДВА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ЖУРНАЛА

ДЛЯ ДѢТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

основанные С. М. Макаровой

и издаваемые съ участіемъ извѣстныхъ русскихъ писателей, педагоговъ и художниковъ.

Быть товарищемъ, собесѣдникомъ и руководителемъ молодыхъ читателей, давать имъ разумное, полезное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, интересное и самое разнообразное чтеніе, расширять кругъ ихъ знаній, содѣйствовать развитію у нихъ любознательности и пытливости, развлекать ихъ, поучая, дополнять возможные пробѣлы въ школьномъ образованіи—вотъ цѣль „Задушевнаго Слова". Эту цѣль оно преслѣдовало строго въ теченіе многолѣтняго своего существованія, намѣрено преслѣдовать и впредь.

„Задушевное Слово" издается въ видѣ двухъ совершенно самостоятельныхъ журналовъ, изъ которыхъ одинъ для младшаго возраста, другой—для старшаго.

„ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО"
Еженедѣльный иллюстр. журналъ
для младшаго возраста
(отъ 5 до 9 лѣтъ)
52 №№ ВЪ ГОДЪ
съ преміями и приложеніями.

„ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО"
Еженедѣльный иллюстр. журналъ
для старшаго возраста
(отъ 9 до 14 лѣтъ)
52 №№ ВЪ ГОДЪ
съ преміями и приложеніями.

Подписная цѣна каждаго журнала, съ доставкой и пересылкой: на 4 мѣс. 2 р., на полгода—3 р., на годъ—6 руб.

Съ перес. за границу: на годъ 8 р., на полгода—4 р.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ, въ СПБ. и въ Москвѣ, а также въ редакціи „Задушевнаго Слова": С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 линія, 5—7, с. д.

1913 г.